

5. “Янтарный кипр” Берлин Изд. Мысль 1922
6. “Пугачев или Петр” Берлин изд. Отто Кирхнер 1923
(Душа народа)
7. “Санкт Петербург” Мюнхен Изд. Графа Салтыкова 1925
8. “Всякое бывало” Берлин Арзамас 1927
Детские рассказы
9. “Ранней весной” Берлин изд. Петрополис 1933
Рассказы
10. “Только о вещах” Берлин Изд. Петрополис 1937
Этюды

Сергей Горный

Родился в 1882 году в С. Петербурге.¹ После окончания курса классической гимназии² (с золотой Медалью) поступил – по влечению к геологии – в Горный Институт.³ На литературную стезю вступил еще студентом.⁴ По окончании института житейски-служебная работа его и литературный путь шли параллельно. Первая, вторая и третья книги его рассказов вышли в свое время в издательстве Аркадия Аверченко.⁵ Последующие книги – психологические очерки, новеллы, этюды и рассказы – выпускались издательствами “Мысль”, Отто Кирхнер, “Арзамас”, “Петрополис” (всего 10 книг). На немецкий язык переведен ряд отдельных новелл в католическом журнале “Дар Грааль” (Мюнстер), “Шула унд Эльтернхауз”, “Берлинер Локк-Анц.”, “Гамбургер Вальт-Феркер-Шпрахэн” и т.д. Биография и большой критический очерк помещены в декабрьском номере за 1933 год Штудгардского <так!> журнала “Ди Литератур” (статья проф. Артура Лютера). На немецком языке появились этюды о нем в “Ост-Еуропа” и в книжном вестнике “Бюхервурм”. На голландском языке появились этюд о нем и переводы новелл в “Ниувз Роттердамше Курант” в Голландском ежегоднике “Бюхершау”. На чешском языке посвящено ему было несколько очерков д-ра В. Червинка в “Народни Листи”.⁶ Сведения о нем есть и в Энциклопедическом Словаре, Лейпциг за 1935 и 1937 год, а также в Энциклопедии Мейера за 1938 год, том 6-ой. Служил активно в Белой Армии ген. Деникина, был тяжело ранен красным штыком в живот и спасся чудом от пленения.⁷

¹ Сергей Горный – Александр-Марк Авдеевич Оцуп – родился 28 июля 1882 г. в г. Остров Псковской губернии в семье “кронштадтского мещанина Авдия Мордуховича Оцупа” и его “законной жены Рахили” (Личное дело студента Горного института Оцупа Александра // Центральный Государственный исторический архив С.-Петербурга, ф.

963, оп. 1, д. 11124, л. 5; далее: ЦГИА СПб). Оцуп Авдей Мордухович (1858-1907), мать – Рахиль Соломоновна Оцуп (урожд. Зандлер; 1864-1936, Берлин).

² 2 июня 1900 г. Александр Оцуп окончил с золотой медалью Николаевскую Царскосельскую гимназию (ЦГИА СПб, ф. 963, оп. 1, д. 11124, л. 3-3а.).

³ Неизвестно, почему Горный выбрал именно этот институт, но по его признанию: “Умел мой дед о железе говорить. Я это с самых ранних лет и запомнил. Еще до гимназии” (*Горный Сергей*. Всякое бывало. Берлин 1927. С. 128). 8 мая 1908 г. он с отличием окончил Горный институт (ЦГИА СПб, ф. 963, оп. 1, д. 11124, л. 33).

⁴ В 1906 г. в Петербурге была напечатана, а затем арестована и уничтожена первая книга Горного-студента “В октябре (этиод). Рассказы из жизни рабочих” (*Кушлина О. Б.* Горный Сергей // *Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь*. М. 1989. Т. 1. С. 638). Под псевдонимом “Сергей Горный” печатался с 1906 г. в различных петербургских периодических изданиях (“Свобода и жизнь”, “Русское слово”, “Родная земля”, “Момент”, “Обозрения театров” и др.).

⁵ В петербургском издательстве при журнале “Сатирикон” и “Новый Сатирикон” (возглавляемых А. Т. Аверченко) С. Горный издал четыре книги: “По-новому (и др. юмористические рассказы)” (1912), “Почти без улыбки. Парадоксы. Силуэты” (1914 и 1915) и “Узоры по стеклу” (1914), “Ржавчина духа” (1917).

⁶ Публикации Горного в иностранной периодике уточнить не удалось.

⁷ В 1920 году Горный оказался в Берлине (см. в его письме к А. В. Амфитеатрову от 26 октября 1933 г.: “Сижу безвыездно 13 лет в Берлине”). О том, как это произошло, говорится в обзоре “Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918-1922 г.”: “Сергей Горный (Александр Авдеич) <...> последние годы проживал в Екатеринославе, принимая ближайшее участие в редакции “Приднепровского края”. В 1918 г. переехал в Киев, откуда вынужден был бежать от петлюровцев в Одессу. После падения [Одессы] весной 1919 г. служил в денкинские дни в Черноморском флоте. Вернувшись в Екатеринослав, после взятия его добровольцами, попал в руки махновцев во время неожиданного налета их на город, и был тяжело ранен при отступлении эшелона добровольцев. С незакрывшейся раной, после падения Деникина, был эвакуирован англичанами и провел на острове Кипре полтора года. Сотрудничал в “Последних новостях”. Ныне живет в Берлине (Victoria-Luise-Platz, 9), принимая участие в повременных изданиях и являясь редактором берлинского издания “Свободных мыслей” (Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1. С. 41).

С Новым Годом! Сердечно-уважаемая Ольга Ивановна!

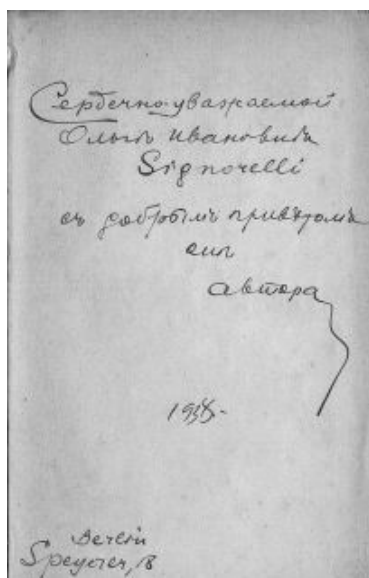
Желаю Вам всего доброго в наступающем году – здоровья и успехов на творческом пути Вашем. Один “книжник” рассказывал мне, что Ваша немецкая книга² идет очень успешно.

Сердечно Ваш

Серг. Горный



Обложка книги Сергея Горного
“Всякое бывало”. Берлин 1927



Автограф С. Горного на книге
“Всякое бывало”. Берлин. 1938 г.

Если вам нужно какое-либо книжное или иное поручение в Берлине, располагайте мною. Кстати, разрешается ли посылать из Рима сюда маленькие посылочки с чаем и кофе? В виде “sine valore”.³

¹ На видовой открытке Berlin-Schöneberg. Howald Strasse. Год устанавливается по почтовому штемпелю.

² Речь идет о немецком переводе книги о Дузе: *Resnevic-Signorelli O. Eleonora Du-se. Leben und Leiden der großen Schauspielerin / Übers. v. Hanna Kiel. Berlin: Deutscher Verlag, 1939.*

³ Без указания цены (*лат.*), т. е. простой бандеролью.

5

15. I. <19>40¹

Сердечно-уважаемая Ольга Ивановна!

Разрешите затруднить Вас срочной, важной просьбой. Не сомневаюсь в Вашей отзывчивости. Вот в чем дело. Я, ведь, не только писатель, но и *горный инженер*. Сейчас я получил важную работу в Барселоне. Мне немедленно же поставили испанскую визу. Маршрут: Berlin – Roma – Barcelona. Итак, нужна итальянская виза хоть на несколько дней, чтобы проехать Рим. Не на несколько часов от поезда до авиона, а именно на неск<олько> дней. Моя фамилия в министерстве известна, ибо в октябре приехал в Рим и оставался там даже неск<олько> недель (а мне нужно только 5 дней) мой брат Sergio Otzup.² У меня не нансеновская, а германский < нрзб.> pass для бесподанных N. 245/283/17/35 от 29/X/35 действительный еще на год. Испанская виза поставлена. Директор Марго³, коему принадлежит Dimarfilm, Roma, via Lucullo 11 поручится, что я не останусь и уеду дальше и никому не буду в тягость. Для меня это спасение, ибо кусок хлеба. Помогите.

Сердечно Ваш Сергей Горный

P. S. Я родился 28.8.1882 в С. Петербурге

¹ Оригинал самого письма не сохранился; текст публикуется по фотокопии из домашнего архива О.Синьорелли. Датируется по почтовому штемпелю.

² Сергей (Серхио) Авдеевич Оцуп (1889-1974) – собиратель икон, кинопродюсер; учился на физико-математическом факультете Петербургского университета и в военной академии; в эмиграции стал успешным предпринимателем и кинопродюсером в Германии и Швейцарии. Первым из братьев покинул Россию в самом начале 1920-х гг., вскоре после расстрела брата Павла.

³ Неустановленное лицо.

6

24. I. <19>40¹

Сердечно-уважаемая Ольга Ивановна!

Бесконечное спасибо! Пакетик с прекрасным содержимым получен. Очень, очень и еще раз очень пригодилось.

Dimarfilm, via Lucullo 11, хочет хлопотать о транзитной визе: я же еду сразу дальше в Барселону. В Риме буду 2/3 дня. Помогите ради Бога.

Ваш всегда

Серг. Горный

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Оригинал самого письма не сохранился; текст публикуется по фотокопии из домашнего архива О. Синьорелли. Письмо на открытке с адресом отправителя: А. Otzup-Gorny, Speyerstr. 18. IV.

7

28 декабря 1940

Глубокоуважаемая, дорогая Ольга Ивановна!

Шлю Вам самые сердечные Рождественские и Новогодние пожелания!

Вашу чудесную книгу об Элеоноре Дузе – на немецком языке (на итальянском она у меня в библиотеке давно уже имеется) – я на Рождество подарил своей дочери ЛЮДМИЛЕ, с успехом окончившей балетную школу и уже выступающей. Она “проглотила” с великим наслаждением эту книгу. Хорошее дело сделали Вы, подарив читающему миру эту книгу. Я вижу это по своей дочери, будущей драматической артистке. Каждая артистка, особенно та, которая делает еще первые шаги свои, ДОЛЖНА прочесть Вашу книгу, подобно тому, как каждый будущий “воин” должен читать биографию Наполеона. В каком чудесном свете предстает пред нами облик бессмертной Дузе, какое щемяще-осеннее очарование разлито по всей Вашей книге!

Напишите, пожалуйста, несколько слов по-русски или по-итальянски на отдельном листочке на имя ЛЮДМИЛЫ ГОРНОЙ, дабы это носило характер посвящения Вами ей, купленного нами, экземпляра и дабы сей листок мог быть вклеен ею под обложкой в книгу.

Желаю вам от души всего хорошего.

Искренне преданный Вам

Сергей Горный

Повторяю на всякий случай свой адрес: Берлин, Спэйерерштрассе, 18. Отчество мое: Авдеевич.

8

7. VI <1942>¹

Многоуважаемая Ольга Ивановна!

Вам пишет Ваш давний почитатель и читатель, поклонник Вашей чудесной книги “Eleonora Duse”! – Александр Авдеевич Оцуп (литератор “Сергей Горный”).

Зная, с какою бережностью и любовью Вы относитесь к каждой строчке, посвященной Дузе, – я считаю своим долгом обратить Ваше внимание на то, что в содержательной и очень талантливо редактируемой немецкой газете “*Parisen Zeitung*” (которую Вы сможете достать сами в Риме, я не смею посылать печатного по почте) появился небольшой, но интересный этюд об Элеоноре Дузе “*Asolo*”, в №-ре от 4-го июня 1942, № 151. Автор: С. Н. Watzinger.

Сердечный привет. Всего доброго!

Искренне Ваш Сергей Горный.

¹ Датируется по содержанию. Конверт с адресом получателя: Frau Olga Signorelli, via 20 Settembre, 68. Roma. Italien и отправителя: Alexander Otzup-Gorny Schriftstellerin. Diplom-Ingenieur. Berlin W 30, Speyerer Str.18. На листе-бланке повторен тот же обратный адрес, что и в адресе на конверте.

ИЗ АРХИВНОГО НАСЛЕДИЯ Е. Ю. ГРИГОРОВИЧ

Публикация Эльды Гаретто

Имя Елены Юстиниановны Григорович (урожд. Рыбачкова, 1872-1953) упоминается во многих корреспонденциях и мемуарах Серебряного века. Она идентифицируется то как художница, то как друг семьи Константина Бальмонта, то как последовательница Андрея Белого.¹ Многочисленные сведения, встречающиеся в различных русских и итальянских архивах, позволяют в общих чертах обрисовать ее биографию. Они освещают ранний период ее жизни в России, где она была связана и с террористическими организациями и с символистскими кружками, а также дают представление о ее продолжительных и частых визитах в Италию.² Среди ее русских корреспондентов, помимо Константина Бальмонта, фигурируют Юргис Балтрушайтис, Максимилиан Волошин, Вячеслав Иванов и Иван Шмелев.³

В 1910-е годы Григорович посещает русские колонии на лигурийском побережье Италии, чаще всего дом Амфитеатровых в Феццано, продолжительно живет в Париже в доме Бальмонта, а в конце 1915 года возвращается в Россию, где занимается переводческой деятельностью.

¹ Ее имя упоминается в следующих публикациях: Горький и русская журналистика начала XX века. ЛН. Т. 95. М. 2006. С. 356, 770; Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой. Публ. Д. Бетеа // *Минувшее*. Paris 1991. № 5. С. 244; *Волошин М.* Путник по вселенным. М. 1990. С. 369; *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. М. 2002. С. 397; Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву, письма и стихотворения 1926-1936. М. 2005. С. 89. Валерий Брюсов, Нина Петровская. Переписка 1904-1913. М. 2004. С. 727-728; Переписка М. А. Волошина и Е. Ю. Григорович, под ред. А. Б. Шишкина и В. П. Купченко // *ARI*, VII. С. 189-206.

² Более подробно см.: *Гаретто Э.* Елена Григорович – художница, антропосовка, бывшая террористка // “Персонажи в поисках автора”: Жизнь русских в Италии XX века. М.: Русский путь, 2011. С. 59-71.

³ См. описание архива Е. Григорович (РАИ), сделанное Джузеппина Джулиано на сайте www.russinitalia.it.

стью для издательства братьев Сабашниковых,⁴ будучи дружна с их семьей. Окончательно вернувшись в Италию в 1921 году Григорович занимается главным образом живописью. В эти же годы проявляется ее интерес к антропософии.

Знакомство с Ольгой Ресневич-Синьорелли трудно датировать точно: первое ее упоминание в эпистолярном наследии Григорович относится к началу 1920-х годов. Об этом свидетельствует ее письмо, отправленное к Папини по поводу его книги “История Христа”.

Ваша книга представляла для меня двойной интерес – в чисто художественном отношении и в глубоко духовном. Я спрашивала себя, сохранил ли тот Папини, чьи разговоры с искусителем⁵ я переводила несколько лет назад с таким восхищением перед силой ума, ту же творческую мощь после перемены? И не приобрел ли этот священный огонь, который горел за его внешним демонизмом, некоторую тяжесть в дыму его аутодафе... Простите мне эти сомнения – ведь есть столько великих умов (особенно среди русских писателей), которые, обрубая слабые ветки своей души, рубят также ствол интеллектуального превосходства и корни творческого вдохновения. Поэтому я устояла перед искушением тотчас прочесть вашу “Историю Христа”, которую видела на полках у Синьорелли, у Преццолини.⁶

Переписка с Синьорелли, которой мы располагаем, завязывается в 1933 году. Судя по тону обращения можно предположить, что корреспондентки тесно общались годом ранее в Сан-Ремо. Здесь, на лигурийском побережье, неподалеку от французской границы, во времена Александра II образовалась и постепенно разрослась русская община. Можно также предположить, что более близкому знакомству способствовала общая дружба корреспонденток с антропософом Марко Спаини, с которым Синьорелли вела интенсивную переписку в 1931 и 1932 годы. Тогда же завязываются дружеские отношения между Григорович и Джованни Кавикьиоли, который в те годы был близким интеллектуальным собеседником Ольги Синьорелли и подолгу жил в Сан-Ремо.

⁴ *Морэ А.* Цари и боги Египта / Пер. с фр. Е. Ю. Григорович. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1914; *Алеш Г.* Ренессанс в Италии / Пер. Е. Григорович. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916; *Масперо Г.* Во времена Рамсеса и Ассурбанипала / Пер. Е. Григорович. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916.

⁵ Имеется в виду сборник рассказов Папини “Трагическая повседневность”; Григорович перевела в 1911 г. некоторые из этих рассказов для журнала “Современник”, но они не были опубликованы.

⁶ Письмо Е. Ю. Григорович к Дж. Папини от 5 марта 1922 г., отправленное из Santa Margherita Ligure, на итальянском языке (Архив Папини, фонд Примо Конти в Фиезоле, папка “Grigorovič Elena”). Переписка с Папини продолжалась до конца 1920-х гг., в ней упоминаются переводы Григорович его рассказов, постоянно мелькают имена общих друзей, особенно Бальмонта и Балтрушайтиса.

Письма к Синьорелли освещают последние двадцать лет жизни Елены Григорович, с 1933 года до смерти и содержат информацию о ее жизни и деятельности, в частности, в Сан-Ремо и в Милане, о ее друзьях, о литературных, музыкальных и философских интересах, о ее жизненных трудностях, связанных с бытовыми проблемами и здоровьем. Их переписка не была регулярной: лакуны относятся к тем периодам, когда Синьорелли и Григорович пересекаются в Сан-Ремо, она прерывается на десятилетие с начала войны, возобновившись лишь незадолго до смерти художницы. По форме письма тоже очень разные: от коротких записок до длинных и подробных реляций, в которых обнаруживается страсть Григорович к горячим спорам.⁷ Они написаны в основном на русском языке, но есть много писем и на итальянском. Поэтому мы решили проиллюстрировать отношения Синьорелли и Григорович подбором обширных цитат, а целиком представить из всей переписки только несколько писем на русском языке. Контекст переписки позволяет понять небольшое число сохранившихся писем Ольги Синьорелли к Григорович.

Первое письмо Григорович датируется 21 мая 1933, из него видно, какая глубокая дружба уже к этому году связывала корреспондентку с Ольгой Синьорелли и с Кавикьиоли; последний назван не только другом, но и братом, что свидетельствует об их совместной приверженности к антропософии: интерес итальянского писателя к теории Рудольфа Штейнера не раз приводил его в Дорнах.

Большинство писем Григорович отправлено из Милана, куда она переселяется в 1932 году, после недолгого пребывания во Флоренции. В Милане она прожила большую часть 1930-х и 1940-х годов. Ее комментарии и суждения о городе носят резко негативный характер, ее не устраивает миланский климат (часто упоминаются его туманы) и человеческие отношения в этом большом мегаполисе (“Самый скверный вид безлюдья – безлюдье на людях”).⁸

Летом Григорович спасается от этого города в зелени озер, расположенных севернее Милана.

Авось за лето окрепну, проведу его в хороших внешних условиях <...> и в обществе очень культурных людей, мужа и жены Botta.⁹ Он известный здесь знаток и

⁷ Все письма Григорович к Синьорелли собраны в отдельной папке в FSFC; ссылки на них даются только с указанием даты письма; язык оригинала фиксируется, если письмо написано не по-русски.

⁸ См. публикуемое ниже письмо от 25 июля 1933 г.

⁹ Густаво Ботта (Gustavo Botta, 1880-1948), литератор, знаток французской поэзии. Один из первых познакомил Италию с творчеством Поля Клоделя.

коллекционер произведений искусства, критик и conférencier.¹⁰ <...> У Botta в деревне хорошая библиотека – я радуюсь этому больше всего: наконец то смогу поближе узнать итальянскую литературу и вопросы искусства, а то совсем одичала в этой туманной столице. Вилла Ботта в Тернате (это между Gallarate и Lago Maggiore), на холме, и парк переходит в лес – чудесный сосновый воздух и полная тишина.¹¹

Круг ее общения крайне ограничен, она занимается почти исключительно живописью и ищет редкие моменты утешения и вдохновения в музыке.

27-го февраля я вдруг решила по-своему – по-дурачки! – восстать и – заказала пианино напрокат! Теперь поправлюсь – музыка ворожит. Я в этом антипод Кавиккиоли: его музыка разрывает на части, а я музыка собираю воедино разтерзанную на кусочки душу и тело.¹²

– Живу совсем отшельницей, никого не выдаю (далеко все, теперь и, по правде сказать, не интересны). К сожалению, из-за расстояния,¹³ не приходится бывать на концертах, как в прошлом году. Только на днях не вытерпела, закуталась, как эскимос, и поехала в оперу на “Тристана и Изольду”.¹⁴

В январе 1934 года, между Григорович и Синьорелли завязывается полемика вокруг некролога Андрея Белого, написанного Синьорелли.¹⁵ Анализируя творчество Белого и его сложные философские искания на протяжении всего жизненного пути, Синьорелли упоминает также его непростые отношения с создателем антропософской доктрины. При этом она утверждает, что встреча со Штейнером не оказала благотворного влияния на его дух: ему не удалось найти в этом учении крепкой основы для своей веры.

Это утверждение вызвало спор, который можно проследить и в переписке между другими корреспондентами: Григорович и Спаини, и Спаини и Синьорелли. Приведем целиком этот обмен письмами, как свидетельство оживленных дебатов вокруг Белого в итальянских антропософских кругах.

31 января 1934 года Е. Ю. Григорович пишет Спаини:

¹⁰ Докладчик, лектор (*фр.*)

¹¹ Письмо от 26 июня 1936 г.

¹² Письмо от 3 марта 1934 г.

¹³ В этом году Григорович переселилась на окраину Милана.

¹⁴ Письмо от 25 января 1937 г.

¹⁵ *Resnevic O. La morte di Andrea Belyj // L'Italia Letteraria. 21 января 1934. С. 7.* Вместе с некрологом Синьорелли поместила в журнале также несколько фрагментов из романа “Серебряный голубь”, взятых из ее ранней публикации (*Andrea Bielii. Il Colombo d'argento. Brani tradotti da Olga Resnevic // Russia. 1921. № 4-5. P. 61-73.*)

Дорогой Спаини, наконец, в моем распоряжении имеются сведения, опубликованные в русской (советской и эмигрантской) печати, доказывающие, что А. Белый оставался до самой смерти верен Р. Штейнеру и антропософии. Некоторые сожалеют о его “ошибке”, каждый со своей точки зрения, но никто не отказывает покойному в нерушимой прочности его антропософского мировоззрения, от которого он не только не отрекался, но, напротив, исповедовал его открыто, несмотря на запрет последних лет в России примыкать к антропософии. Учитывая авторитет Белого, ему это не запрещали и списывали на эксцентричность. Прилагаю некоторые переведенные мною фрагменты из советской печати, которых достаточно, чтобы продемонстрировать, что Белому, напротив, удалось найти прочную базу для своей веры в учении Рудольфа Штейнера.

Есть также другая важная неточность в очерке Ольги Ресневич, касающаяся сочинений Белого, последовавших за романом “Петербург”. Помимо “Христос воскрес”¹⁶ и “лирических картин” довоенного общества,¹⁷ Белый опубликовал серию очерков в антропософском духе (например, “Кризис мысли”,¹⁸ “Вячеслав Иванов”,¹⁹ воспоминания о Р. Штейнере и первом Гетеануме,²⁰ и т. д.), книгу по эвритмии (имеющуюся у меня “Глоссалолия”²¹); затем воспоминания об антропософии²² и, наконец, большой роман, озаглавленный “Москва”,²³ который завершает трилогию. Не понимаю, как в очерке Ольги Ресневич могли возникнуть такие значимые недоразумения.²⁴ Возможно, она хотела упомянуть лишь острый, но краткий кризис Белого в 1923 г. в Берлине, – кризис скорее психологический, чем духовный, о котором говорилось и за пределами круга антропософов? Но как можно делать окончательные выводы по поводу мировоззрения человека, прожившего еще 11 лет после своей встречи с О^{льгой} Р^{есневич} в Берлине в 1923 г., – человека, чьи взгляды и сочинения оставались почти неиз-

¹⁶ Речь идет о поэме “Христос воскрес” (Пг. 1918).

¹⁷ О чем идет речь непонятно.

¹⁸ Вторая часть литературно-философской трилогии “На перевале” (Пг. 1918).

¹⁹ Возможно, речь идет о книге Белого “Сирин ученого варварства” (Берлин 1922); в книгу вошла статья Белого “Вячеслав Иванов” из третьего тома “Русской литературы” (СПб. 1918); Вяч. Иванову он посвятил также отдельный очерк “Вячеслав Иванов. Силуэт” в его книге “Арабески” (М. 1911).

²⁰ Речь идет об исследовании Андрея Белого “Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности” (М. 1917).

²¹ Поэма о звуке “Глоссалолия” была опубликована в Берлине в 1922 г.

²² Речь идет о последней части берлинского варианта воспоминаний “Начало века”, в частности главе “У Штейнера”, опубликованной в “Беседе” (1923. № 2).

²³ Роман “Москва”, состоящий из двух частей: “Московский чудак” и “Москва под ударом” (М. 1926).

²⁴ Одним из возможных источников этих “недоразумений”, т. е. сведений о расхождении Белого со Штейнером послужило письмо Нины Петровской из Берлина от 30 октября 1922 г., в котором она утверждает, что Белый “расстался с антропософией навеки” (см. письмо № 6 Н. Петровской в втором томе наст. издания).

вестными за пределами узкого круга его личных друзей! Или это какая-то лагуна чисто типографического характера?

Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что госпожа Ресневич будет опечалена, узнав о своей невольной ошибке, и найдет способ исправить ее. Поскольку речь идет не о ее отношении к антропософии – каждый волен иметь свои собственные взгляды, – но о точном посмертном изображении Белого. Что бы он сказал, если бы, как написано в стихотворении, цитируемом О<льгой> Р<есневич>, “быть может, не умер”, если бы сегодня “проснулся”, “вернулся”!..²⁵

Но даже мертвый он страдает от того, как искажается память о нем. И – “ждет”, чтобы “сняли” эту “плиту”, чтобы “принесли венки”...²⁶

Распоряжайтесь этим моим письмом так, как сочтете нужным.

С сердечным приветом,

преданная Вам,

Елена Григорович.²⁷

2 февраля 1934 г. Спаини переслал это письмо Ольге Синьорелли, сопроводив его советом:

Пересылаю Вам письмо Григорович по поводу Вашей статьи о Белом.

Думаю, что у Вас будет возможность поговорить о нем и исправить или лучше – дополнить сведения, содержащиеся в Вашей статье, касательно его отношений с Антропософией и со Штейнером.

Белый, конечно, будет Вам благодарен за эту поправку в своей новой жизни, поскольку он покинул землю, будучи всецело приверженцем антропософского идеала.²⁸

Синьорелли не замедлила с ответом:

Дорогой друг, спасибо за письмо госпожи Григорович и за отрывки, переведенные из советских газет. Я послала эти отрывки в своем письме к Паволини²⁹ – с просьбой опубликовать их в “Литературной Италии”. Я сделала это ради долга

²⁵ Строки из стихотворения Андрея Белого “Друзьям”: “Я быть может не умер быть может / проснусь / Вернусь”.

²⁶ Григорович перефразирует цитату из стихотворения “Друзьям”, переведенному Синьорелли по неточному тексту из сборника: *Белый Андрей*. Стихотворения. Берлин: Гржебин, 1923. С. 112, где вместо “цветок” напечатано “венки”

²⁷ Это письмо Е. Ю. Григорович к М. Спаини от 31 января 1934 г. (на итальянском языке) хранится в FSFC (папка “Grigorič Elena”).

²⁸ Письмо М. Спаини к Синьорелли от 2 февраля 1934 г. (на итальянском языке). Письма Спаини хранятся в FSFC (папка “Spaini Marco”); далее отсылки на эту папку мы не даем, указывая в сноске только дату письма.

²⁹ Корrado Паволини (Corrado Pavolini, 1898-1980), писатель, критик и режиссер, главный редактор журнала “L'Italia letteraria”, брат политического деятеля фашизма Алессандро Паволини.

справедливости по отношению к *воле* Белого, целиком доверяя чувству духовной свободы госпожи Григорович.

Среди знакомых мне штейнерианцев госпожа Григорович – одна из немногих, в ком я нашла в высшей степени то понимание и то духовное милосердие, которое исходит из сочинений Учителя <...>. Госпожа Григорович знала Штейнера, знала Белого, она подлинно верует, она – одна из тех, кто нашел “прочную основу” в учении Штейнера.³⁰

В результате, 25 февраля 1934 года Синьорелли поместила в журнале “L’Italia Letteraria” короткую заметку под названием “Дополнительная информация о Белом” – в форме письма к Коррадо Паволини:³¹

Дорогой господин главный редактор,

Позвольте мне дополнить мою заметку об Андрее Белом (“Лит. Ит.”, 21 января) этими отрывками из русских газет, в которых приводятся речи, произнесенные представителями советской власти на похоронах поэта Б. Из них следует, что на самом деле он продолжал оставаться антропософом, хотя и не заявлял об этом открыто.

С благодарностью и сердечным приветом, Ольга Ресневич.³²

Эта полемика не повлияла на отношения между Синьорелли и Григорович, которые со временем стали еще крепче. Синьорелли делится с ней своими мыслями и сомнениями, связанными с завершением подготовки монографии о Дузе, они обсуждают значение и масштаб этой актрисы и ее мучительную связь с д’Аннунцио. При этом Григорович предается страстному прославлению личности д’Аннунцио, мнимая “жестокость” которого по отношению к Дузе видится ей не чем иным, как искаженным восприятием, продиктованным канонами господствующего в Италии обывательского морализма.

Не могу Вам передать, как я рада Вашей реакции на мой “пафос” по отношению к д’Аннунцио! Я так боялась допустить какую-нибудь бестактность и невольно задеть деликатную струну Вашего сердца, ведь я знаю, что вы были дружны с Дузе.<...>

Мне кажется, что даже последователи д’Аннунцио не ухватили его главную черту. Возможно, даже наоборот именно они долгое время затемняли и искажали *настоящий* образ д’Аннунцио, выдавая за него то, что в нем было *couleur*

³⁰ Письмо О. Синьорелли к М. Спаини от 6 февраля 1934 г. (FSFC, папка “Spaini Marco”)

³¹ *Resnevic O. Precisioni su Bieli // L’Italia Letteraria. 25 febbraio 1934. № 12. С.7.*

³² Далее Синьорелли приводит в весьма вольном переводе на итальянский язык два отрывка из советских газет, присланных ей Григорович. Первый отрывок, под заглавием “У гроба А. Белого”, – из одноименной заметки А. Кута, опубликованной 10 января 1934 г. в “Вечерней Москве”, второй – из некролога Л. Каменева, напечатанного тоже 10 января в “Известиях”.

locale³³ “декадентской” литературы, общим для всей плеяды поэтов и писателей данной эпохи (в каком-то смысле “модой”), не понимая всей силы *его* слова и возвышенности чувств. <...>

Мнимая жестокость д’Аннунцио, конечно, не что иное, как плод сентиментализма, ограниченного восприятием *menschlich allzumenschlich*.³⁴

В 1935 г. Григорович переезжает на некоторое время в Геную (см. ниже публикуемое письмо), чтобы заниматься живописью на любимом Лигурийском побережье. Годы с 1934 по 1937, пожалуй, самый плодотворный для нее период в живописи. После выставки во Флоренции, от которой не сохранилось никаких следов, Григорович напряженно работает над подготовкой к выставке в Милане в галерее Пезаро в 1937 году. В письмах к Синьорелли она рассказывает о своей работе над полотном “L’apocalisse”. Так 7 февраля 1936 г. после встречи с друзьями она пишет Синьорелли:

Душой проводила Вас с любовью и благодарностью за радость свидания: этот перекресток с Вами, Марией и Кавикьоли был мне как проблеск света в моих туманах. С новой энергией вернулась к работе, почти закончила Abisso <Пропасть> – он теперь очень сильный и жуткий. Сдвинула коней и теперь набрасываю верхушку.

А 26 июня 1936 года оповещает подругу: “Мой Апокалипсис очень подвинулся, становится все страшнее”. Работа была закончена в январе 1937 года:

<...> закончила Апокалипсис! Он теперь неузнаваем. Только огненного гонца с мечом оставила почти нетронутым. Теперь предстоит “еще одно сказание” (последнее ли, не знаю), но совсем в другом роде: тихое и зимнее.³⁵

От миланской выставки сохранился каталог³⁶ с ее портретом – одним из немногих изображений художницы – и предисловием Ринальдо Кюфферле,³⁷ который описывает эволюцию ее живописи, начиная с па-

³³ Местный колорит (*фр.*)

³⁴ Человеческое, слишком человеческое (*нем.*). Письмо от 17 мая 1936 г. (на ит. языке).

³⁵ Письмо от 25 января 1937 г. В кавычках парафраз слов Пимена из трагедии Пушкина “Борис Годунов”. Работа над этим сюжетом продолжилась и после выставки: “Работаю над большим Апокалипсисом и, к сожалению, много хвораю” (письмо от 23 декабря 1937 г.).

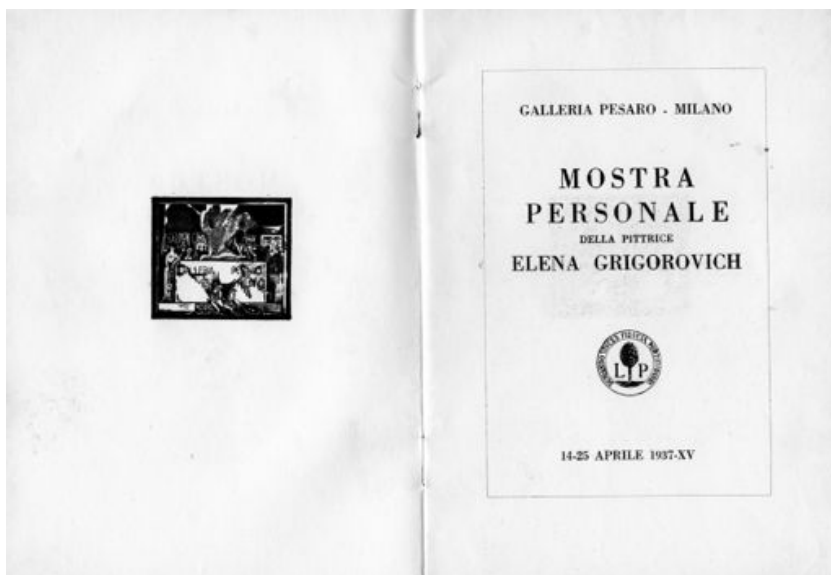
³⁶ Mostra personale della pittrice Elena Grigorovich, 14-25 aprile 1937. Galleria Pesaro.

³⁷ Ринальдо Кюфферле (Rinaldo Küfferle, 1903-1955), писатель, переводчик и антрополог. Занимался переводами классической литературы (Пушкина, Тургенева, Достоевского и др.) и знакомил итальянских читателей с писателями-эмигрантами – Алдановым, Зайцевым, Амфитеатовым, Тэффи, Мережковским, Буниным.

рижского и мюнхенского периода становления, и заостряет внимание на использовании разнообразной техники и изобразительных средств.

В каталоге, среди представленных работ, упоминаются картины вагнеровского цикла – “Sigrifido” (Зигфрид), “Le Valchirie” (Валькирии), “Oro del Reno” (Золото Рейна), “Le Norne” (Норны), “Parsifal” (Парсифаль); картины на библейский сюжет – “L’apocalisse” (Апокалипсис), “La benedizione della gleba” (Освящение земли), “L’Angelo e i pastori” (Ангел и пастухи); среди портретов – портрет Татьяны Скрябиной с сыном.

Никаких следов от других экспозиций Григорович не сохранилось, хотя она продолжает свою творческую деятельность, в частности пробует себя в иконописной технике и пишет “образ” для русской церкви в Милане.



Каталог персональной выставки Е. Ю. Григорович в миланской галерее Пезаро. 14-25 апреля 1937 г.



TATIANA SCRIBIN

Е. Ю. Григорович. Татьяна Скрябина с сыном. 1937 г.

Творила я этот образ, как творится молитва – душой раскаленной до бела, болью “за всех и за вся” и очищенной этой болью несказанной. Знаю, что уж не я творила, а через меня творилось, а я только горела как пламя свечи перед иконой.

Вышло будто чудо, ничего подобного не было у меня и даже не смела думать, что получится такая святая красота. К сроку, накануне Покрова, отвезла ее утром в церковь. К Вечерне была освящена. Лежала среди церкви на аналое, вся в цветах – такая далекая, высокая, не моя: такая отрешенная, как покойница, и все подходили прикладываться. <...> здешний священник служит прекрасно – строго, спокойно, со знанием того, что происходит через него – подлинный “священно-служитель”. После службы он сказал мне: “Вы знаете – она уже освящена – теперь это уже *икона*”... Я сказала, что да, чувствую это, чувствую, что уже не моя. Он проникновенно посмотрел на меня – “не Ваша?” – “Да, ушла ввысь и вдаль”. Он это понял: это действительно так и в этом для меня та “радость, которая уже не отнимется”. Она ушла и вдаль веков – быть может, вернется – за меня – на родину. Не моя, но, быть может, проложит мне путь – через века – к возврату на родину – в духе христовом. <...> Этим летом я почувствовала, что дохожу до предела своих сил – живых творческих сил искусства. Такой стихийной тоски по родине я еще не знала. Оставался, конечно, внутренний путь, но для внешней жизни, казалось, все замерло. В это время мне предложили эту работу: на нее кто-то пожертвовал гроши (200 лир) – здесь эмиграция бедная. Я приняла и решила, что на эти деньги закажу настоящую иконную доску и грунт, а работа будет жертвенная. Во Флоренции мне приготовили все по правилам, а по возвращении, в хаосе кругом, в крепости духа внутри, взялась за работу. Меньше чем в три недели была готова – единым духом.

Праздник Покрова, в нынешних условиях был особенным. <...> Я была тронута приемом – понимающим, благодарным от глубины души <...>.³⁸

Корреспондентки оповещают друг друга о своих делах и планах, и когда выходит немецкий перевод книги о Дузе,³⁹ Григорович сразу восторженно откликается на него:

Эта книга лучшее, что было написано о ней не только по благородству тона: выбором и расположением материала и Вашими краткими, но такими существенными комментариями и отдельными штрихами Вы сумели уловить и воссоздать рост (*Steigerung*)⁴⁰ ее внутренней, непреходящей индивидуальности, ее душевно-духовный лик. Есть музыкальность (внутренний ритм) и печать мудрости в построении и подходе к чужой жизни и личности вообще, как бы претворение в воссоздании.⁴¹

³⁸ Письмо от 20 октября 1939 г.

³⁹ Речь идет о книге: *Resnevic-Signorelli O. Eleonora Duse. Leben und Leiden der großen Schauspielerin / Übers. v. Hanna Kiel. Berlin: Deutscher Verlag, 1939.*

⁴⁰ Возрастание (*нем.*).

⁴¹ Письмо от 29 ноября 1939 г.

Из переписки середины 30-х годов мы узнаем также, что, как и многие другие русские эмигранты, Григорович симпатизирует Муссолини:

18-го дек<абря>, по вольной воле, с любовью отдала моей второй родине свое золотое обруч<альное> кольцо и обвенчалась стальным со “страной, кот<орая> поет”. Никогда еще не любила ее так, как теперь, в час надругания над ней. И верю в ее силы и судьбы.⁴²

День 5.V. я провела целиком и полностью в чисто итальянской атмосфере (с семьей моего доктора). Я впервые услышала (по радио) голос Муссолини. Он напомнил мне голос отца, который спешит рассказать своим детям, что вот, наконец-то, их дом спасен и кусок хлеба обеспечен – голос, полный любви. Никогда его не забуду!⁴³

Зимой Григорович почти ежегодно отдыхала в Сан-Ремо. Именно там, в конце 1939 года, она знакомится с Николаем Сементовским-Курилом.⁴⁴ Между ним и художницей завязывается многолетняя дружба, в которой поначалу не обходится без стычек. Григорович пишет приятельнице о “психической перенапряженности нашего enfant terrible”:

Переживает он все в такой же неистойвой степени, как Белый: очередные истерики, как это у нас называлось “в треугольнике между Арбатом и Пречистенкой”.⁴⁵

В свою очередь Сементовский в своих письмах к Синьорелли подтверждает такое бурное начало их отношений, описывая полемический характер их бесед:

Мои беседы с Еленой Юстиниановной продолжаются почти что ежедневно и бывают иногда очень оживленными. Знакомство с ней мне в многом отношении очень ценно и полезно – наши разговоры заставляют меня думать о проблемах, которые может быть иначе остались бы еще долго в сумерках подсознания. – У меня сложилось впечатление, что она сама все еще ищет путь и, несмотря на известный возраст, еще не сформировалась ни как человек, ни как художница. <...> Из ее речей звучат иногда определенные сомнения, и я даже начинаю ставить себе в упрек, что с многим ей близким и ценным бывал слишком беспо-

⁴² Письмо от 23 декабря 1935 г. Речь идет о развернувшейся широкой кампании по сбору у населения золота в “фонд родины”, которая явилась акцией Муссолини в ответ на введенные Лигой Наций в ноябре 1935 г. экономические санкции против Италии (к которым формально присоединился и СССР).

⁴³ Письмо от 17 мая 1936 г. Оригинал на ит. языке.

⁴⁴ О нем см. статью М. Бертеле “Дружба под знаком трехъязычия” в втором томе наст. издания.

⁴⁵ Письмо от 10 января 1940 г.

щадным – в особенности с поэтами конца 19-го века и т. п. – Но я пытаюсь, с другой стороны, доказать, что “рублю” не потому что мне само по себе доставляет удовольствие “рубить”; вернее сказать, при этой беспощадной расчистке мною руководит очень определенное, безусловно, положительное стремление из срубленных символов соорудить однажды новое жилище для собственной души, чтобы затем – после этого личного очищения от кровных и духовных наследий – постараться построить на действительно новых, от прежних ошибок очищенных началах, какое-то новое духовное здание и для других. – Это главная тема наших разговоров, развивающаяся с каждым днем все больше и больше...⁴⁶

Склонность Сементовского к резким полемическим суждениям закрепила за ним дружеское прозвище “Дровосек”, которое часто упоминается в переписке. У его корреспонденток тоже появляются клички: Синьорелли за свою мудрую сдержанность и уравновешенность получила имя “Китаец”, а Григорович именуется Птиц, что отсылает к имени “Rondinella” <Ласточка>, полученному ею от Бальмонта.

Шуточное стихотворение в прозе самой Григорович характеризует интимно-домашний стиль их взаимоотношений:

Стихотворение в прозе
 Сементовский прорубает окна на Восток.
 На Востоке сидит Китаец и смотрит на Запад.
 На окне в Европу сидит некий Птиц – лицом к Востоку.
 Сементовский рубит – щепки летят.
 Но русские “наци” в Берлине недовольны и ругаются на столбцах своей газеты “Новое Слово”.⁴⁷ –
 Сементовский читает и думает, что эти господа несмотря на всё, ничему не научились. –
 Некий птиц и Сементовский говорили сегодня об “хорошем мире” Heiseler’a, и Сементовский напишет об этом скоро, когда кончит читать, но боится, что китаец, который смотрит на Запад, будет разочарован, - т. к. Сементовский собирется и на запад немедленно “рубить”.⁴⁸

Философские разногласия не препятствуют человеческой солидарности, и когда в первые дни января 1940 года Сементовскому делают

⁴⁶ Письмо Н. Сементовского к О. Синьорелли от 30 декабря 1939 г. (FSFC, папка “Sementovskij-Kurilo”).

⁴⁷ Крупная русскоязычная пронацистская газета, выходившая с 1933 по 1944 гг.

⁴⁸ Письмо от 23 декабря 1939 г. Упоминание о Гейзелере (Bernt von Heiseler, 1907-1969) отсылает к неоднозначному восприятию Сементовским романа немецкого писателя (см. об этом в упомянутой статье М. Бертеле). Вторая часть письма (со слов “Но русские ‘наци’”) написана другим почерком, скорее всего Сементовского.

операцию, Григорович ухаживает за больным и сообщает Синьорелли о его состоянии. Сементовский также писал ей об этом:

M.me Grigorovich приходит каждый день, и мы о многом говорим и иногда ссоримся. Перевод ее моей статьи о "Данте" по-моему, очень хороший. Надеюсь, что удастся его куда-нибудь "ткнуть".⁴⁹

Григорович следит за реакцией немецкоязычной печати на книгу Сементовского об "Александре Г",⁵⁰ заботится, вместе с Синьорелли, о его будущем устройстве, пытается способствовать его адаптации, стараясь "вести его в литературный мир Италии", переводит его статью о Данте на итальянский язык, и посылает перевод на редактирование Синьорелли.

Когда С<ементовский> окрепнет и придет в себя, необходимо помочь ему прежде всего получить то или иное право гражданства, т. е. передвижения. В городе (Риме, Милане, Турине?) он найдет работу (заработок), в S. Remo нет.⁵¹

Посылаю перевод Данте, м.б. пригодится, чтобы ввести С<ементовского> в литературный мир Италии. Прошу Вас *как друга* сказать, много ли пришлось перекладывать, если пришлось? По части итальянского языка у меня отсутствует всякое *ambizione*, и я очень благодарна за всякое указание. В смысле точности передачи мысли и "ритма" подлинника автор (очень требовательный) остался доволен.⁵²

Обсуждая с Синьорелли несколько вариантов перевода отдельных выражений, Григорович сообщает:

Еще забыла сказать: даже если в общем перевод годится, не надо упоминать (в печати) моего имени: в Италии оно ничего не говорит (дело другое, если бы перевод был на русский яз<ык>), наоборот что-то отнимет от триумфального вступления на итальянскую территорию.⁵³

По-видимому, Григорович, действительно, не имела переводческих амбиций, хотя весьма удачно занималась литературными переводами, в частности, ей принадлежал перевод книги Ивана Шмелева "Неупиваемая чаша".⁵⁴

⁴⁹ Письмо Н. Сементовского к О. Синьорелли от 20 января 1940 г. Речь идет о переводе статьи Сементовского о Данте, которая так и не была опубликована.

⁵⁰ Григорович прилагает к письму от 12 января 1940 г. переписанный от руки текст рецензии о произведении Сементовского из газеты "Basler Zeitung".

⁵¹ Письмо от 10 января 1940 г.

⁵² Письмо от 15 января 1940 г.

⁵³ Письмо от 15 января 1940 г. (вечером).

⁵⁴ *Scmeliov I. Il calice inconsumabile / Trad. autorizzata di E. Grigorovich. Milano: Bietti, 1932.*

Таким образом, несмотря на разногласие по отдельным вопросам, в отношениях между Григорович и Сементовским постепенно устанавливается душевное сочувствие и взаимопонимание:

С<ементовский>, как и во многом – в жизни и в своих книгах – прав в конечной правде, но идет к ней путями дремучими и этим загромождает доступ к ней другим, тем именно, кого хотел бы в спутники. Sturm und Drang Periode и в творчестве и в нем самом еще не разрешилась тишиной (тишиной полнозвучной). Поэтому он страшно одинок в своей жажде полной правды. <...> Все-таки, удивительно прекрасный он — в нем четкость и прозрачность алмазных граней, но и тонкость шелковинок. Еще запутан в себе, но распутается: м. б. это от затравленности последних лет.⁵⁵

В конце войны именно Сементовский сообщает Синьорелли, потерявшей из вида подругу, о том, что Григорович еще живет в своей старой миланской квартире, и передает от нее привет.⁵⁶

В письмах Григорович к Синьорелли 1930-х и 1940-х годов звучат ностальгические ноты воспоминаний о друзьях и знакомых, преждевременно ушедших из жизни (Нине Петровской, Максимилиане Волошине). С Маргаритой Сабашниковой Григорович сохраняет связи,⁵⁷ как свидетельствует письмо 1940 года, хотя в предвоенные и военные годы редко с кем общается. Переписка с Синьорелли тоже прерывается на целые 10 лет, с 1942 до 1952 года.

Что касается отношений с Вячеславом Ивановым, длящихся с начала века, любопытно отметить, что переписка с поэтом (и потом с его семьей – Лидией Вячеславовной и Ольгой Шор) хронологически совпадает с перепиской с Синьорелли. Из переписки с Синьорелли мы узнаем многие подробности о передаче Ивановым самой ценной части архива Григорович, а также о конфликте, который возник, когда она узнала (по-видимому, от Синьорелли), что Лидия Ивановна и Ольга Шор обсуждали с Сергеем Маковским проект публикации отданных им документов.⁵⁸ Развитие этой истории можно проследить по материалам из архива Синьорелли.

⁵⁵ Письмо от 10 января 1940 г.

⁵⁶ Письмо Н. Сементовского к О. Синьорелли от 4 июня 1945 г.

⁵⁷ В открытке, отправленной Вере Зайцевой 28 февраля 1941 г., Е. Ю. Григорович пишет: “О Маргоре <кличка М. Сабашниковой> не знаю уже давно. На все письма не отвечает. Она была очень больна” (Paris, Archives Coll. N. Zaitsev-Sollogoub, Documents).

⁵⁸ С. Маковский в начале 1950-х гг. часто бывал в Риме и активно общался с Ивановыми. См. об этом в письмах С. К. Маковского в втором томе наст. издания.

Когда мы виделись в последний раз с Лидией и Ольгой, я спросила, позволят ли мне подписать⁵⁹ письма Бальмонта и кого-нибудь еще из этого круга. <...> -- там есть еще два или три письма Вячеслава Ив<анова>, Балтрушайтиса, Волошина. Так как я живу совсем одна в таком заброшенном и ненадежном месте, в случае моей неожиданной кончины, все они окажутся на помойке, “как papillottes” какой-нибудь привратницы.⁶⁰

Обе они по-сестрински согласились – они сохраняют все вместе с архивом Вячеслава Ивановича. Я добавила, что возможно приложу одно из писем Маргариты Волошиной-Сабашниковой, которая была так дружна с Вячеславом <Ивановичем>. Да, конечно, вот и портрет Зиновьевой-Аннибал, сделанный Маргаритой, *сказали они*.

В ноябре в Милане была проездом Дора Бейкер,⁶¹ которая следовала их Дорнаха в Рим. <...> Я воспользовалась ее любезностью и передала с ней два конверта для Лидии Вячеславовны. Я сопровождала их парой теплой слов от “Кит” (я) для Кошки (Лидия) и Фламинго (О. Шор), как мы называли друг друга между собой. (Говорю это, чтобы передать настрой, с которым я сопровождала конверты и в котором представляла того, кто их принесет, Дору Бейкер), и просила показать ей Скрябиных⁶² и маленькую икону, подаренную мной лично Вячеславу <Ивановичу> (я с благодарностью и радостью обнаружила ее на письменном столе в его кабинете, который они сохранили так, как его оставил покойный). Я попросила их дать мне знать, как только конверты окажутся в их руках.

Бейкер передала конверт <...> 6 ноября и написала мне, что портрет видела, а икону нет, потому что они ее “не нашли” <...>.⁶³

В том же письме от 7 января 1952 года Григорович объясняет Синьорелли причину своего негодования и тревоги:

Здесь надо добавить, что мне срочно нужно получить их обратно, потому что у меня появилась надежда продлить мое пребывание на этом свете, ожить, но мне нужно воспользоваться письмами для работы, предложенной мне Мельгуновым (для его парижского журнала),⁶⁴ о Бальмонте и всем этом круге, который так точно характеризует Белый, той эпохи, которую он называет пограничной между двумя столетиями,⁶⁵ а Бердяев даже – “русским Возрождением”.⁶⁶ Многое я

⁵⁹ Вероятно, имеется в виду подписать в завещание.

⁶⁰ Именно так и случилось с архивом Григорович после ее смерти.

⁶¹ Дора Бейкер (Dora Baker, 1899-1984) – литератор, член итальянского антропологического общества.

⁶² Трудно сказать, что имеется в виду. Возможно, Григорович подарила Ивановым сделанный ею портрет жены композитора с сыном, представленный на выставке 1937 г. в Милане.

⁶³ Письмо от 7 января 1952 г. Оригинал написан на итальянском языке.

⁶⁴ С. П. Мельгунов в 1950-1954 гг. был редактором журнала “Возрождение”.

⁶⁵ Имеется ввиду книга “На рубеже двух столетий” (1930).

⁶⁶ Имеется ввиду статья Бердяева “Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал ‘Путь’ (К десятилетию ‘Пути’)” // Путь. Октябрь-декабрь 1935. № 49. С. 3-22.

могла бы проиллюстрировать выдержками из писем (интересны, к примеру, рассказы Макса Волошина и его *Jours-fixes* в Париже).⁶⁷ Только имея на руках письма, я могла бы взяться за это, а мне очень нужна работа помимо моей консультации, которая позволяет мне едва-едва сводить концы с концами.⁶⁸

В конверт следующего письма к Синьорелли (от 12 января 1952) Григорович вкладывает большое письмо О. Шор – ответ на какое-то ее раздраженное письмо. Упрекнув Григорович в недоверии к старым друзьям, Шор пытается успокоить ее и объяснить ситуацию:

Успокойтесь, Ваши письма в целостности и сохранности лежат, наряду с самыми драгоценными бумагами в самом почетном месте: в письменном столе Вячеслава Ивановича. Никому, никогда отдаленно не пришло в голову печатать их без Вашего разрешения. Действительно, мы говорили с Маковским о возможности обратиться к Вам с предложением написать свои воспоминания, и в них включить те письма или то из писем, что Вы найдете уместным. <...>

К тому же Маковский есть старый верный друг Бальмонта, создатель “Аполлона”, а не какой-то неведомый коммерсант. Не только без Вашего разрешения, но даже и без Вашего прямого содействия никто, конечно, не собирался дотрагиваться до писем. Ну, довольно об этом: завтра же я передам эти письма в те самые руки, из которых их получила.⁶⁹

Не имея возможности проверить содержание ответного письма Григорович к О. А. Шор и Лидии Ивановой (от 11 января 1952), хранящегося в РАИ, мы можем только предположить, что Григорович извинилась за обвинения и подозрения. Во всяком случае, в письме, отправленном Ольге Ресневич Синьорелли (от 12 января 1952 года) она старается оправдать свой поступок следующим образом:

<...> я никак не думала, что письмо мое (хаос) было “упреком и обвинением” <...> за этим была та душевная тональность, которая “fait la musique”⁷⁰ – моя почти уже 15-тилетняя полная отрешенность, одиночество (имею ввиду равных или стоящих выше по духовно-культурному уровню – в “buon giorno, come sta”⁷¹ недостатка конечно нет), и такая материальная нужда, что это уже не жизнь, а каторга. И притом перегруженная неподходящей работой. Я удивляюсь, что сохранила себя еще целой в работе и во внутренней жизни. Но я совсем отвыкла от общения с человеческими людьми, а не марионетками или просто добрыми или злыми *salumieri, pescivendoli, portieri*...⁷² Пока я могла ра-

⁶⁷ См.: Переписка М. А. Волошина и Е. Ю. Григорович. С. 189-206.

⁶⁸ Письмо от 7 января 1952 г.

⁶⁹ Первый экземпляр машинописного письма О. А. Шор к Е. Григорович от 9 января 1952 г. (FSFC, папка “Grigorovic”; второй хранится в РАИ).

⁷⁰ Делает музыку (*fp.*).

⁷¹ Добрый день, как дела (*ut.*).

⁷² С продавцами колбасы, рыбы, с консьержами (*ut.*).

ботать как художница, со мной считались, а с потерей студии и всего “*arredo*”⁷³ *quantité négligeable*,⁷⁴ п<отому> что уже не могу дарить десятками рисунки и картины-портреты многочисленных детей, которых производят их родители. Все это не может угасить во мне святое святых и собственную личность, но превращает в улитку, утратившую самую потребность в общении. Мне лишь бы дописать свою книгу (I том уже сдан, а II – вот условия мешают – здоровье совсем стало изменять, а лечиться...⁷⁵

Таким образом, часть эпистолярного архива Григорович сохранилась в Римском архиве Вяч. Иванова.

Приведенный выше отрывок из последнего письма Григорович к Синьорелли описывает терзавшее Григорович одиночество и нужду последних лет, характерные для многих представителей диаспоры.

В письмах последнего периода звучит критическое отношение к ревностным адептам антропософии. Осуждение относится, главным образом, к Марко Спаини, приверженность которого к штейнеровскому учению Григорович считала некритичной и близорукой. Учение Штейнера она образно определяет как “мост между двумя берегами”, который служит для перехода, а ее друг пытается построить на нем “надежное жилище”:

Вот Спаини не понимает этого, он целиком погрузился в эту пучину и не замечает, что он оказался в руинах, застрял.

Звучит в них и отстранение от символизма: роль этого явления, по ее оценке явно преувеличена.

<...> Каким бы великим и прекрасным не было бы наше “возрождение на рубеже столетий” и все эти экзотические, эзотерические и истерические и т. д. персонажы, нет никого выше Пушкина.⁷⁶

Последним ее значительным вкладом в распространение русской мысли в Италии стал перевод двух трудов Бердяева “О рабстве и свободе человека” и “Царство духа и царство Кесаря”.⁷⁷ Вероятно, эта работа соответствовала направлению ее духовного настроения в конце пути.

⁷³ Оборудования (*ит.*).

⁷⁴ Ничтожество, незначительная величина (*фр.*).

⁷⁵ Письмо от 12 января 1952 г. (на итальянском языке).

⁷⁶ Письмо от 7 января 1952 г.

⁷⁷ *Berdjaev N. A. Schiavitù e libertà dell'uomo / Trad. dal russo di Elena Grigorovich. Milano: Ed. di Comunità, 1952; Berdjaev N. A. Regno dello Spirito e Regno di Cesare / Trad. it. Elena Grigorovich. Milano: Ed. di Comunità, 1954.*

В FSFC хранятся 44 письма Григорович к Ольге Синьорелли: 9 на итальянском языке и 35 на русском. В этой же папке “Grigorigiç” хранятся также 17 писем Синьорелли к Григорович, по всей вероятности, переданные корреспондентке самой Григорович перед смертью (или в начале 50-ых годов). Здесь же хранятся также 4 письма к Марко Спаини: три от Григорович к нему и 1 письмо от Синьорелли (о Григорович), по-видимому переданные Спаини Ольге Синьорелли. Ниже мы приводим целиком 5 писем Григорович на русском языке, наиболее интересных в свете русско-итальянских культурных связей. Переводы цитат из итальянских писем и других итальянских источников сделаны С. Нистратовой и К. Тименчик.



Е. Ю. Григорович. 1937 г.

25. VII. <19>33

Miasino¹

Спасибо Вам, дорогая, за письмо Вашей гениальной девочки – она подлинный поэт, из той редкой породы, к которой принадлежит наш Бальмонт: Божьею милостью поэт. Образ моряка привел мне на память стихотворение Бальмонта – знаете ли?³ Про всякий случай <так!> прилагаю. И еще прилагаю свою старую статью об Италии:⁴ когда будет время перескажете ее Кавиккиоли, пусть знает, как люблю и чую его Италию. Статья оказалась пророческой.⁵ Потом пришлите мне обратно, это единственный у меня экземпляр, или, если писать неохота, передайте Спаини, он пришлет.

Моя жизнь вошла в колею. Колея телеги! Было бы хорошо, если бы я могла совершать большие прогулки, но еще нет на это сил. Надеюсь на воздух и тишину. Шевельнется ли “весенняя трава” здесь, – не знаю, вернее, что только посеется, а взойдет зимою в работе.

Дайте Кавиккиоли от меня – на память и в добрый путь – прилагаемую маску *живого* Гете: она из *Веймара* (послана мне из Иены, но приобретена днем раньше в Веймаре). К сожалению, на карточке написано (другой у меня нет), но можно стереть. Нашла ее среди книг и рукописей, которые захватила с собой по пути сюда – лежала семь лет в Trofarello.⁶ Много интересного нашла, постараюсь привезти рукописи в порядке: здесь живописью не придется заниматься, воспользуюсь свободным временем для записок.

Вспоминаю S. Reto как оазис, мелькнувший в моей пустыне: Милан для меня самый скверный вид безлюдья – безлюдье на людях. Я так обрадовалась Тамберлани,⁷ но они улетели, а все остальное только шум и мелькание.

Искренний привет милой приморской кучке.

Ваша Е. Григорович

[*На отдельном листе приложено стихотворение Бальмонта “Гребец” и после него следующий postscriptum*]

P. S. Образы, конечно, разные у Вашей Марии и у Бальмонта, но оба как будто прикоснулись к одному и тому же – золотому – огню, одинаково его почувствовали, а потом каждый по-своему претворил.

Пожалуйста, скажите Спаини, что книжку Meebolda⁸ получила и спасибо.

Понимает ли Ваша Мария по-русски.

И еще: как Ваше отчество?

¹ Городок на озере Орта.

² Скорее всего речь идет о Марии Синьорелли. Она известна своими марионетками; из ее поэтических экспериментов ничего обнаружить не удалось.

³ Стихотворение Бальмонта “Гребец” приложено к письму на отдельном листе.

⁴ Григорович Е. Ю. Страна, которая поет // Утро России. 24 января 1917. № 24. С. 2.

⁵ Вероятно, Григорович имеет в виду заключительную часть этой статьи, исполненной любви и восторга перед Италией, где она предсказывает наступление “нового всестороннего возрождения” страны, “когда вспыхнуло в ее народе его национальное самосознание” (Там же).

⁶ Трофарелло, городок недалеко от Турина.

⁷ Вероятно, речь идет о театральной труппе Тамберлани, в которой работали братья Нандо (Nando Tamberlani, 1896-1967) и Карло (Carlo Tamberlani, 1899-1980), крупные театральные деятели. Среди постановок труппы значится трагедия Кавикьиоли “Ромоло”, поставленная впервые в 1932 г.

⁸ Альфред Карл Меебольд (Alfred Karl Meebold, 1863-1952), ботаник, писатель и антропософ. Вероятно, речь идет о машинописном издании в шести выпусках “Kurs zur Einführung in die Anthroposophie Rudolf Steiners” (1931).

2

Milano, 25. V. <19>35

Милая Ольга Ивановна,

мне очень дороги были Ваши строки – спасибо Вам и Марии. Я знаю, что молчание только внешнее и чувствую Вас обеих неизменно близко.

Вероятно, Вы знаете обо мне – о выставке и о переезде в Геную. Нашла небольшое studio,¹ где смогу работать для большой выставки и выступить с более крупными картинами у Pesaro в Милане в будущем году: Флоренция мне только prelude и несмотря на успех оставила в душе пустоту и чувство vanitas vanitatum.²

Условия в Генуе для жизни предвижу суровыми, но работать, думаю, будет хорошо.

Непременно увидимся! Перееду в самых первых днях июня и тотчас напишу Вам оттуда и дам адрес: надеюсь перехватить Вас по пути на родину и затащить к себе хоть на несколько часов – ничего, если еще будет хаос внутри, зато за окном такая красота.

До свидания. Дружески жму руку, привет Марии и Cavicchioli.

Ваша Е. Григорович

¹ На конверте адрес: via Podgora 9, Milano

² Суета сует (лат.).

20. III <19>36

<Милан>¹

Милая Ольга Ивановна,

думала я на днях быть в Bogliasco (около Nervi), оттуда, чуть отдохнув, списаться с Вами и, в удобный для Вас день, съездить “взад-назад” (как говорят извозчики в Москве) в S. Remo на день – повидаться с Вами. Но совсем некстати полегла: инфлюэнца. Третий день изображаю из себя дракона, от которого пышет огнем. Не знаю, как обернется и когда отпустит. Надеюсь в конце марта выбраться, но будете ли еще здесь?² Жаль, если не свидимся перед Вашей поездкой, было бы о чем поговорить.

Не ответила на Ваше такое хорошее письмо в надежде на скорое свидание, да затянулось, а теперь вот – каракули. Посылаю Вам хоть эти строки.

Поговорить хотелось, между прочим, – и именно с Вами как другом Дузе – о д’Аннунцио. Я только теперь “открыла” его как изумительного “владыку слова” – читала его “Notturmo” и перечитала “Fuoco” и “Più che l’Amore”. До сих пор знала его по переводам (плохим, конечно),³ в оригиналах читала кое-что давным-давно, когда сама плохо владела итальянским яз<ыком>.

Помимо языка – несравненного – поразительна его “температура”: подлинно геройское “più che”. Знаю – как личность и т. д. Но все же, слово и дело. И глаз долой <так!>. И роль его в жизни Италии – нынешней.

Вот приблизительно одна из тем. Писать невозможно – длинно. Хотелось живого обмена мыслями с Вами.

Все еще надеюсь повидать Вас скоро. А если нет – добрый Вам путь.

Искренно Ваша

Е. Григорович

P.S. Вы хотели послать статью Белого. Я не получила – не пришлось?⁴

¹ Место установлено по почтовому штемпелю.

² Т.е. в Сан Ремо.

³ Произведения д’Аннунцио неоднократно переводились на русский язык, указанные прозаические вещи, в частности: роман “Fuoco” (1900) переводили З. А. Венгерова (под загл. “Пламя”, 1910), Е. Барсова (под загл. “Огонь”, 1910) и М. Л. Лозинский (под загл. “Огонь”, 1923); драму “Più che l’Amore” (1906) – Н. И. Бронштейн (“Сильнее чем

любовь”, 1910) и З. Н. Журавская (“Больше чем любовь”, 1910); лирическую автобиографию “Notturmo” (1921) – С. В. Герье (“Ноктюрн”, 1923).

⁴ О какой статье Андрея Белого идет речь, установить не удалось.

4

Milano, 22. IV.<1940>¹

Дорогая Ольга Ивановна.

Знаю, что у Мих<аила> Вас<ильевича> Сабашникова был родственник, кажется племянник (мог быть мужем племянницы), Барановский, о кот<ором> Мих<аил> Вас<ильевич> очень тревожился.² Когда я уехала из России он дал мне адрес (где-то в краях Берлина, помнится – это было 1921 г.) и просил написать, справиться, что я исполнила. В прошлом году Маргарита Сабашникова (Волошина, жена Максимилиана) (художница) была у меня и говорила, что слышала, будто Б<арановски>й где-то на Ривьере (у Генуи) в страшной нужде – жив или умер, не знает, беспокоилась, очень просила навести справки, но мне ничего не удалось узнать. Есть в Милане однофамилец, но ничего общего с С<абашниковы>ми не имеет.³ Вот все, что знаю. По-видимому, Серафима – дочь того Б<арановско>го, если она пишет Вам из-за границы, и перевод “Дузе” предполагается для эмигрантской печати.

Была бы Вам очень благодарна, если бы Китаец прорубил окно на Запад и, в свою очередь, дал бы мне имеющиеся у него сведения без китайски-ритуальной медлительности. Маргарита С<абашникова> живет в Штутгарте,⁴ я ей напишу о следах Б<арановско>го (если это те), она будет рада.

На сегодня стоп, скоро больше. Привет милому Китайцу, пьющему вино бутылками, и “мужчинам от высоких материй”, у кот<орых> “по усам текло, а в рот не попало”. Ваша Е. Григорович

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² По всей вероятности, в этом письме Григорович отвечает на письмо Синьорелли с просьбой послать информацию о Серафиме Александровне Барановской (1878-1943), преподавательнице и переводчице, которая предложила Синьорелли перевести на русский язык книгу об Элеоноре Дузе. Ее переписка с Синьорелли датируется 1940 г. и хранится в FSFC. О ней см. также www.russinitalia.it. В переписке с Ольгой Синьорелли упоминается также мать С. А. Барановской, умершая в 1932 г. и похороненная в Ментоне.

³ Имеется в виду Георгий Дмитриевич Барановский (1895-1977); о нем см. на сайте www.russinitalia.it.

⁴ После смерти Рудольфа Штейнера, М. В. Сабашникова (1882-1973) окончательно поселилась в Штутгарте, где жила вместе с братом Алексеем, почти не выезжая, и продолжала заниматься живописью.

2. V.<1940, ¹Милан>

Дорогая Ольга Ивановна,

спасибо за быстрый темп и за “Пасху”.² А я и не подумала поздравлять Вас с “истиннорусской”, т.к. рассудку вопреки, Вы как-то не укладываетесь в эти рамки: не то римский гражданин, не то Китаец.

Насколько знаю, Küfferle не читал, да едва ли и получил “Александра”.³ Он так перегружен своей работой,⁴ что вряд ли скоро удосужится. Недели три тому назад я дала книгу одному из его близких друзей, может быть так дойдет и до него. Скажите это Дровосеку,⁵ пожалуйста, он тоже спрашивает об этом.

Хорошо бы теперь вернуться Вам к восточной медлительности с отъездом из San Remo: хотела бы застать Вас и побыть вместе не впопыхах, но едва ли раньше 15-16 смогу попасть в Ваш край, если вообще попаду. С возвратом холода здоровье пошло на убыль, а потому работа приняла Ван-Гоговский темп и сгущенность, и сама я превратилась в красочный вихрь – жаль прервать и превратиться опять в почтовый ящик антр<опософских> прозелитов по утрам и в ...papierkorb⁶ в дневные часы. Но, конечно, волна схлынет, и дней на десять, вероятно, приеду. Только бы с Вами опять не вышло “недокрестка” – пусть Китаец сидит у моря и ждет погоды.

Ради Бога скажите Дровосеку, что я ему писала не о “подтасовке”, а “потасовке” – это же не одно и то же!

Привет ему, Вас обнимаю. Ваша Е. Григорович

¹ Год и место указаны по почтовому штемпелю.

² Письмо явилось ответом на следующую открытку Синьорелли от 27 апреля 1940 г., где сообщались запрошенные в предыдущем письме Григорович сведения о Барановской: “Дорогая, Христос Воскресе! Обнимаю Вас нежно, желаю всего наилучшего, и жду Вас. Серафима Барановская живет – гостит у родственников Dohrn в Неаполе – via Francesco Crispi 105, Napoli. Это мне кажется зоологическая станция. Она жила, кажется, в Париже. Пишет что она уже 20 лет как “réfugiée russe-polonaise” и занимается преподаванием французского и английского языка”.

³ Речь идет о немецком издании книги Н. Сементовского-Курилы об Александре I (*Sementowski-Kurilo N. Aleksander I. Rausch und Einkehr einer Seele. Zürich 1939*).

⁴ В те годы Кюфферле сотрудничал в разных издательствах, занимаясь переводами.

⁵ Н. Сементовскому.

⁶ Мусорная корзина для бумаг (*нем.*).

ПЕРЕПИСКА Б. К. ЗАЙЦЕВА С ОЛЬГОЙ СИНЬОРЕЛЛИ (1923-1966)

Публикация Э. Гаретто и О. Ростовской

В июне 1922 года Борис Константинович Зайцев с семьей покинул Россию, поселившись в Германии.¹ В начале сентября 1923 года по приглашению профессора Этторе Ло Гатто, Зайцев в составе группы русских писателей (в их числе П. П. Муратов и М. А. Осоргин), философов и ученых, приехал из Берлина в Рим для чтения лекций.²

Б. К. Зайцев, давний знаток и почитатель Италии и итальянской культуры, один из основателей Общества Studio Italiano в Москве, переводчик дантовского Ада, автор книги очерков “Италия”,³ посвятил свою лекцию влиянию итальянской культуры на развитие русской литературы XX века.⁴ Э. Ло Гатто вспоминал:

В своей лекции о “Современной русской литературе” Зайцев остановился в основном на предреволюционной периодике, то есть на той литературе, к которой принадлежал сам, но кроме того, нарисовал нам волнующую картину послереволюционных лет, рассказывая не только о первых произведениях искусства и о первых литературных группировках, но и об исключительной самоотверженности тех, кто продолжал писать, сочинять стихи, творить, невзирая на голод, холод, гражданскую войну. <...> Борис Константинович Зайцев был первым уже известным русским писателем, с которым я подружился.⁵

¹ В Берлине Зайцев участвовал в литературных вечерах, публиковался в газете А. Керенского “Дни”, журналах “Воля России”, “Звено”, “Жар-птица”. С другом и издателем З. И. Гржебиным в короткие сроки подготовил и издал собрание своих сочинений в шести томах (Пб.; Берлин; М. 1923). Был избран вице-председателем Союза русских писателей и журналистов в Берлине.

² О цикле лекций в Риме см. также в корреспонденциях Бердяева, Вышеславцева, Муратова в наст. издании.

³ *Зайцев Б. К. Италия.* Пб.; Берлин: З. И. Гржебин, 1923.

⁴ “Russia” 1923. № 3-4. Р. 474-504 (перевод на ит. Э. Ло Гатто).

⁵ *Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией.* Пер. с ит. М.: “Круг”, 1992. С. 34.

О Ло Гатто в конце жизни Зайцев писал: “Единственный мой иностранец-приятель – Логатто, профессор Римского университета. С ним мы даже на ты! Но он такой же русопят, как я италофил. И отлично говорит по-русски”.⁶

Пребыванию в Италии в 1923 году Зайцев посвятил цикл очерков “Латинское небо”,⁷ написанных как воспоминание, “как сон”, через тридцать три года после тех итальянских памятных дней:

Это все было. И остерия. Вышеславцевы и Рим, и огороды, и Ватикан. А кажется померещившимся. Но напрасно. Это просто бывшее. Как был в тот же день большой прием у Синьорелли, с Логатто и профессорами итальянскими. <...> Тридцать три года – время человеку созреть, да и умереть. Мир сотрясаясь, государства перестраивались. Новые смерчи возникали, проходили.⁸

Первое знакомство О. Синьорелли с Б. К. Зайцевым состоялось в Берлине летом 1923 года.⁹ В Риме, во время конференции они общались часто, и после отъезда писателя завязалась многолетняя переписка, носящая, однако, спонтанный, пунктирный характер. Сохранилось всего по несколько писем с обеих сторон, написанных, порой, с перерывом в 15-20 лет. Лишь с конца 1950-х годов мы прослеживаем некую динамику в переписке, связанную, в первую очередь, с поездкой Ольги Ивановны по местам, любимым Зайцевым в Италии. Часть писем О. Синьорелли в архиве Зайцева, по всей вероятности, была утрачена (переезды, война и пр.). Тем не менее, связи они не теряли, время от времени обращаясь друг к другу с приветствиями, небольшими просьбами, оказывая знаки внимания. Из переписки следует, что Синьорелли виделась с писателем во время ее кратких визитов в Париж, ему же не довелось побывать больше в ее гостеприимном доме во время его короткого посещения Рима в 1949 году (“Один день всего!”).¹⁰

⁶ Зайцев Б. К. Собр. соч.: в 11 тт. М.: Русская книга, 2011. Т. 11 (доп.). С. 228.

⁷ Зайцев Б. К. Латинское небо // Зайцев. Б. К. Далекое. Washington: Inter-language Literary Associated, 1965. С. 164-178. В одном из них Зайцев вспоминал о лекциях в Риме: “Читали через день, два. У каждого своя манера. Бердяев говорил торжественно. Франк глубоко. Вышеславцев блестяще. Осоргин весело. Чупров простодушно” (Там же. С. 168). Об итальянской теме в творчестве Б. К. Зайцева см.: *Giusti W. L'Italia di Boris Zajcev*. Trieste: Istituto di Filologia Slava, 1956.

⁸ Латинское небо. С. 175, 177.

⁹ В своих мемуарах Синьорелли вспоминает о встрече с разными представителями русского Берлина: “...набравшись смелости я принялась уговаривать переехать в Италию не только Муратова, но и философа Бердяева и писателя Бориса Зайцева, ближайшего друга Муратова, которому посвящены ‘Образы Италии’” (*Signorelli O. Memorie inedite // ARI, VI. T. 2. P. 232*).

¹⁰ См. письмо № 6 в наст. публикации.

1920-1930-е для Зайцева – годы напряженной литературной работы, бесконечных писательских хлопот, борьбы за выживание. Из писем Зайцева Синьорелли узнает, что вышла замуж дочь Бориса Константиновича и бывает в Италии, что в 1937 году писатель посетил гастроль Художественного театра, что в 1949 году в Риме навсегда простился с Вячеславом Ивановым, что с 1953 года он бывает в Мюнхене для выступлений на Радио Свобода. Они обмениваются книгами, публикациями, а объединяющей темой для писем становятся обоюдный интерес к судьбе и творчеству итальянского поэта-отшельника Джованни Кавикьиоли и книга Синьорелли об Элеоноре Дузе. Переписка прекращается в августе 1966 года. В последних письмах О. Синьорелли высказывает страстное желание поехать в Париж и повидать старых друзей. Надеждам этим, по всей видимости, не довелось исполниться.

Еще пять лет Борис Константинович будет работать, отметит в Союзе русских писателей и журналистов свое 90-летие. “Теперь я уже ни России, ни Италии больше не увижу. Но в сердце моем они так и уйдут со мной в могилу”.¹¹

В публикацию включены 9 писем Б. К. Зайцева к Синьорелли, которые печатаются по автографам в FSFC; из них письмо от 18 декабря 1923 года и часть письма от 23 января 1957 года опубликованы Э. Гаретто в статье “Materiali sull’emigrazione russa. Dall’archivio di Olga Resnevič Signorelli” (*Europa Orientalis* 1991. P. 397-398). 6 писем Синьорелли (из 8) к Зайцеву воспроизводятся впервые по копиям с автографов, хранящихся в семейном архиве Зайцевых (Paris, Archives N. Zaitsev-Sollogoub, Documents). Публикаторы выражают благодарность наследникам за предоставление материалов и разрешение на их публикацию. В приложении помещено, подготовленное Э. Гаретто, единственное сохранившееся в фонде Синьорелли письмо Бориса Петровича Вышеславцева (1877-1954), близкого друга Б. К. Зайцева, поскольку оно корреспондирует с первым письмом настоящей переписки. Впервые опубликовано в: *Europa Orientalis* 1991. P. 400-401. Разыскание некоторых сведений по итальянским архивам и газетам для комментария были сделаны Аньезе Аккаттоли, которой мы выражаем признательность.

¹¹ Зайцев Б. К. Собр. соч.: Т. 11 (доп.). М. 2001. С. 228.



Б. К. Зайцев в своем кабинете. Начало 1920-х гг.

1

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

17 ноября 1923

<Кави ди Лаванья>

Дорогая Ольга Ивановна,

нынче допили последний глоток Вашей Vernaccia,¹ а туберозы все еще благоухают у нас в столовой. Наташенька² шлет горячую благодарность Вашим девочкам. Написала бы сама, но недостаточно еще знает по-итальянски, хотя и учится.

Время в Риме останется для меня незабываемым, и забываема доброта и внимание некоторых римлянок и римлян.

Бор. Зайцев

¹ Белое вино (из Тосканы или Сардинии).

² Наталья Борисовна Зайцева (в замужестве Соллогуб, 1912-2008), дочь писателя, автор воспоминаний: “Зимой 1923 года мы все вместе – папа, мама и я – поехали в Италию и сделали чудное путешествие: осматривали Верону, Венецию, Флоренцию, Пизу... Доехали до Cavi-di-Lavagna, где прожили три месяца. <...> А оттуда папа поехал в Рим” (“Напишите мне в альбом...”. Беседы с Н. Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / Авт.-сост. О. Ростова. Комментар. Л. А. Мнухин. М.: Русский путь, 2004. С. 26).

2

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

18 декабря 1923

< Кави ди Лаванья >

Дорогая и глубокоуважаемая Ольга Ивановна,

заступница и прибежище литераторов – из письма Муратова¹ я узнал, что и русские мои паспорта не миновали Ваших рук! Я ведь считал, что эту часть моего поручения он сам сделает, оказывается, и она Вас не миновала. Простите великодушно. И позвольте самым искренним и дружеским образом поблагодарить Вас за все доброе, что Вы нам делаете (нам – русским писателям).

Живу на Ривьере хорошо, спокойно и немножко лениво, как у себя в имении.² Но строчу, разумеется, развожу вышиванья свои. (“Золотой узор”,³ роман, *lavogo di ricami*?⁴ – требует разнообразных шелков).

184 лир за пасп<орта> нынче высылаю из Кивари⁵ на Логатто (почему Л<огатто>? – Так написал М<урато>в).

Всего лучшего. Хотя нет никаких прямых вероятий, все же кажется, что еще придется в Риме встретиться. Привет супругу.

Ваш сердечно Бор. Зайцев

P.S. О Риме я уже писал Вам, у меня остались самые отличные воспоминания.

¹ П. П. Муратов (1881- 1950), один из ближайших друзей Б. К. Зайцева с начала века, который посвятил ему многократно переиздававшуюся книгу “Образы Италии”. Зайцев посвятил Муратову рассказ “Уединение” (Феникс: Сборник худож.-лит., науч философский. Кн. 1. М.: “Костры”, 1922. С. 11-16), главу “Beata Solitudo” из книги “Москва плененная” (впервые: Возрождение. 10 марта 1931. № 2107. С. 3-4; впоследствии вошел как раздел главы “Москва 20-21 гг.” в книгу воспоминаний “Москва”. Paris: изд-во Русские записки, 1939), мемуарный очерк “П.П. Муратов” (Русская мысль. 3 января 1951. № 307. С. 4-5), очерк “Повесть о двух городах” (Памяти П. П. Муратова // Новое русское слово. 30 сентября 1956. № 15800. С. 2, 7), публиковал рецензии на его работы. Просьба о визе для Зайцева содержится в письме Муратова к Синьорелли от 12 июня 1923 г., а благодарность за успешные хлопоты в следующем письме от 2 августа 1923 г. (см. письма Муратова к О. Синьорелли в втором томе наст. издания).

² Небольшое имение Зайцевых Притыкино в Каширском уезде Тульской губ. было приобретено отцом писателя Константином Николаевичем (1848-1919), директором московского завода Гужона (впоследствии “Серп и молот”). Своей усадьбе Зайцев посвятил очерк “Притыкино” (Возрождение. 24 марта 1929. № 1391. С. 3-4).

³ Роман “Золотой узор” (Прага: изд-во Пламя, 1926) был переведен на итальянский язык Р. Кюфферле в 1930 г. под заглавием “Ricamo d’oro: romanzo” (trad. integrale dal russo, autorizzata dall’autore, introd. e note di Rinaldo Küfferle. Milano: Corbaccio, 1930).

⁴ Вышивание (*ит.*).

⁵ Chiavari – городок в 35 км от Генуи. По-видимому, там находилось отделение итальянского МВД.

3

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

12 июля 1937

Многоуважаемая Ольга Ивановна,
насчет Италии все у дочери тогда уладилось – в последнюю минуту – во всяком случае, благодарю Вас за внимание и расположение.¹

Очень рад буду видеть Вас у себя в Париже – живу я недалеко от Porte de St. Cloud – от центра расстояние порядочное. Адр<ес> Выше-славцева 19, rue du Clos Feuquières, Paris (15).

Всего лучшего! Преданный Вам Бор. Конст.

¹ В письме от 22 мая 1937 г. Зайцев обратился к Синьорелли с просьбой об ускорении формальностей в получении визы его зятем А. В. Соллогубом для служебной командировки в Италию, куда он направлялся вместе с дочерью Зайцева Н. Б. Соллогуб.

4

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

Boulogne s/Seine, 16 августа 1937

Многоуважаемая Ольга Ивановна,
спасибо за телеграмму.¹ Передал ее дочери.

Жары у нас как раз и кончились – Париж не Рим, тут начинается уже осень.

Художеств<енный> театр здесь.² Я видел “Анну Каренину”. Кажется, это лучший их спектакль, но и тот плох. От прежнего Х<удожественного> Т<еатра> остались рожки да ножки – два других представления – “Враги” Горького и “Любовь Яровая” Тренёва уже полный провал, и у публики, и у критики. Вчера моя дочь пошла с мужем на утренник “Любови Яровой” – за отсутствием публики спектакль не состоялся, и ей обменяли билеты на вечернюю “Анну Каренину”. Грубость, провинция, убожество, рассчитанное на галерку и низы – результат двадцатилетней “новой жизни”. Такого поражения советы, кажется, в Париже еще ни разу не понесли.

Так что Вы не много потеряли, оставшись пока в С. Ремо.

А дальше тут ждут Фуртвенглера³ с Байрейтской оперой (“Тристан” и др.), цены настолько зверские, что Тристана этого, к сожалению, я не увижу.

Итак, все-таки приезжайте – лучше в сентябре (чем в октябре) – сентябрьский Версаль это еще нечто, а октябрь здесь неважный. Были ли Вы когда-нибудь в Шартре? Это 80 километров от Парижа, но Собор, архаичные скульптуры и витражи действительно замечательные.

Всего лучшего! Если бы знали, как я завидую Вам, что Вы в Италии. Париж я люблю, но ежедневной, будничной любовью, без восторженности.

До сентября. Ваш Борис Зайцев

¹ Скорее всего, речь идет о поздравительной телеграмме (не сохранилась), отправленной О. Синьорелли Н. Б. Соллогуб ко дню ее рождения – 14 августа ст. ст. (свой день рождения Н. Б. Соллогуб отмечала по новому стилю – 27 августа).

² С 4 по 25 августа 1937 г., во время Всемирной выставки в Париже, в Театре Елисейских полей проходили гастроли Московского Художественного театра. МХАТ привез в Париж три спектакля, упомянутые в письме Зайцева. Одобрительные рецензии на гастроли в “левой” французской прессе собраны в книге: Московский Художественный театр в советскую эпоху: Материалы и документы. 2-е изд., доп. М. 1974. С. 413-425.

³ Вильгельм Фуртвенглер (Wilhelm Furtwängler, 1886-1954), выдающийся немецкий дирижер и композитор. В 1922-1945 гг. и с 1947 г. возглавлял Берлинский филармонический оркестр, в 1933-1934 гг. являлся директором Немецкой государственной оперы. Байрейтский театр (“Festspielhaus” – Дом торжественных представлений) – Немецкий оперный театр в г. Байрейте, созданный по замыслу композитора Рихарда Вагнера для исполнения его произведений. Байрейтские фестивали – крупнейшее событие в культурной жизни Германии. С 1931 г. В. Фуртвенглер занимал наивысший дирижерский пост в Германии, являясь музыкальным руководителем этого фестиваля.

5

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

Boulogne s/Seine, 23.I. <19>57

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

очень рад был получить от Вас весточку – у меня остались лучшие воспоминания о Вас, Вашем супруге и обо всем Вашем доме.

В фамилии той барышни я ошибся! Спутал с Бомпаром, послом в России.¹ Если переведете ей отрывок – пусть она будет, как и подобает ей, Жанной Баррэр.²

Недавно я был в Мюнхене, выступал там дважды (литературные чтения в связи с “Днем Русской Культуры”) и дважды говорил по радио (Radio Liberation).³

Один из главнейших деятелей этого Радио – Виктор Семенович Франк⁴ – сын того Франка, которого Вы водили, вместе со мной, по Аппиевой дороге.⁵ Тогда этот Витя был мальчиком 13-ти лет – мы с

Франками жили в одном доме (даче) близ Штеттина, на море, летом 1923 г.,⁶ перед поездкой в Рим.

А знаете, в 1949 году мы с женой были в Риме.⁷ Один день всего! Успели попрощаться с Вячеславом Ивановым.⁸ (Приезжали из Флоренции). Но это было вообще особенное путешествие, ни на что непохожее.

Крепко жму и целую ручку Вашу, дай Бог всего, всего лучшего в наступившем году!

Ваш Бор. Зайцев.

P.S. На днях послал Вам “Италию”.⁹ Это затея Нью-Йоркского Литературного Фонда. Фотокопия моих черновиков. Статьи были напечатаны в “Русской Мысли” (Париж).

¹ Морис Бомпар (Maurice Vompарт, 1857-1936) – посол Франции в России в 1903-1908 гг.

² Жанна Баррер (Jeanne Barrère), дочь французского дипломата Камиля Баррера (Camille Barrère, 1851-1940), который был послом Франции в Риме с 1897 по 1924 гг. Была в дружеских отношениях с О. Синьорелли и ее семьей (в FSFC хранятся 70 ее писем).

³ Зайцев был одним из первых эмигрантских писателей, выступивших по “Радио Свобода” из Мюнхена в год открытия радиостанции (“К советским писателям. Обращение по радио” // Русская мысль. 7 августа 1953). В 1954 г. он выступил с приветствием к советским писателям, участникам Второго писательского съезда. Сохранились архивные записи выступлений Зайцева по Радио Свобода в 1957, 1965, 1968 и др. гг., в которых писатель давал интервью, читал свои произведения (копии записей хранятся в домашнем архиве). В 1972 г., вскоре после кончины писателя, Радио Свобода подготовило передачу памяти Зайцева, а впоследствии посвящало ему программы к юбилейным и памятным датам.

⁴ Виктор Семенович Франк (1909-1972), журналист, историк и переводчик. Старший сын С.Л. Франка. В 1953-1969 гг. работал на Радио Свобода в Лондоне и Мюнхене, основатель русского отдела Радиостанции. С 1964 г. работал журналистом на радиостанции “Свобода” в Мюнхене и младший сын философа Василий Семенович Франк (1920-1996).

⁵ Философ Семен Людвигович Франк (1877-1950) участвовал в римской конференции 1923 г. с докладом под названием “L’idea fondamentale della filosofia russa” (“Главная идея русской философии”).

⁶ Зайцевы отдыхали в пригороде Штеттина (после 1945 г. – польский город Щецин) Прерове. “Когда мы еще до Парижа были в Германии, то на море в местечке Преров жили с Бердяевыми в одном доме. Там был еще Франк с семьей, Чабров, еще кто-то...” (“Напишите мне в альбом”. С. 23).

⁷ В 1949 г. Борис Зайцев с женой совершил поездку в Италию, организованную А.П. Рогнедовым. “Все путешествие было какой-то прощальной молнией. Времени мало, денег тоже, мы захватили, однако, и Геную, и Венецию, и Флоренцию – места, связанные с молодостью нашей и светом ее. (...) Вечером мы были уже в Риме” (Дни. “Наш Казанова” // Русская мысль. 3 февраля 1959. № 1325. С. 2-3).

⁸ “С Вячеславом Ивановым встреча была дружеская и грустная: он мог сделать по комнате всего несколько шагов. <...> Месяца через три он скончался” (Там же). О В. И. Иванове см. очерк Зайцева “Далекое. О Вячеславе Иванове” (Русская мысль. 19 сентября 1963. № 2049. С. 2-3).

⁹ “Италия”. New-York: Литературный фонд, [1953]. Обложка М. В. Добужинского. Издание представляет собой факсимильное воспроизведение автографов статей Зайцева “Венеция”, “Флоренция”, “Вновь в Риме”. В архиве Синьорелли хранится экземпляр этого издания с дарственной надписью.



Борис и Вера Зайцевы. Париж. 1958 г.

6

О. Синьорелли – Б. К. Зайцеву

Рим, 3-го июня <19>57

Via Corsini 12

Глубокоуважаемый Борис Николаевич,

Прямо непростительно, что я до сих пор не поблагодарила Вас за Ваше милое письмо с поздравлением к Новому Году, и за “Италию”,¹ которая доставила мне большую радость. Буду хранить ее среди моих самых дорогих фотографий, писем и воспоминаний.

Одна из причин моего долгого молчания та, что я собираюсь этой весной поехать в Париж. Мне очень хотелось повидать друзей и быть там, когда цветет сирень и когда улицы полны ландышей. Но, откладывая поездку с одной недели на другую, весна прошла такая холодная, что в этом году ни разу не имела в доме ветку сирени. Да и теперь погода у нас стоит такая прохладная, какой я помню ее во время лета в моей родине. И так как лето все-таки рано или поздно появится, откладываю мою поездку на сентябрь. Очень мне хочется повидать парижских друзей. Годы ведь бегут очень быстро, и путешествовать станет все труднее и труднее.

Благодарю Вас от всего сердца за память и за Ваше внимание, и с сердечными пожеланиями жму Вашу руку.

Ольга Синьорелли

¹ См. примеч. 9 к предыдущему письму.

7

О. Синьорелли – Б. К. Зайцеву

Alghero (Sardegna) 10.VIII.<19>59
Viale Regina Margherita 8 A

Глубокоуважаемый Борис Николаевич,¹

по срочной работе и по нездоровью и прошлой весной не удалось поехать в Париж. Надеюсь на будущее. Очень хочется повидать тех многих друзей, кот<орые> там живут.

Шлю Вам сердечный привет из Сардинии, кот<орую> Вы не знаете, но которую бы полюбили. Здесь еще существует природа настоящая, и тишина, и народные костюмы, и песни пастухов!

Всего наилучшего. Ольга Синьорелли

¹ Ошибка Ольги Синьорелли.

8

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

Boulogne s/Seine, 11. III. <19>60

Дорогая Ольга Ивановна,

посылаю Вам переписанную из “Образов Италии” статью Муратова об Олевано.¹ Очень рад буду встретиться с Вами здесь. Когда приедете, известите меня, чтобы условиться о дне встречи – хотя, из-за долгой болезни жены,² я и вообще почти всегда дома.

Сердечный привет, лучшие пожелания.
Ваш Бор. Зайцев

¹ По всей вероятности Зайцев переписал для О. Синьорелли главу “Олевано” из II тома берлинского издания 1924 г. В современных изданиях см.: *Муратов П. П.* Образы Италии. В 3-х тт. СПб.: Азбука-классика, 2005. Т. 2: Рим. Лациум. Неаполь и Сицилия. Глава “Олевано”. С. 228.

² Жена Б. К. Зайцева – Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, в первом браке – Смирнова, 1878-1965), жила в эмиграции в Париже с мужем и дочерью с 1924 г., активно участвуя в общественной и литературной жизни русской колонии. Деятель Бийанкурского православного кружка. Член правления Московского землячества. В 1948 г. была удостоена за свою работу благодарности от Союза русских писателей и журналистов в Париже. Член Ассоциации Тургеневской библиотеки. Она долго болела, была более восьми лет прикована к постели. Все годы болезни Зайцев самоотверженно и трогательно ухаживал за ней. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

9

О. Синьорелли – Б. К. Зайцеву

Рим, 24-го марта <19>60

Дорогой Борис Николаевич, сердечно благодарю за Вашу любезность прислать мне уже переписанную статью нашего незабвенного П.П.¹ Я была очень тронута ее получить. У нас в Риме не было зимы, но зато и весны нет. Желаю Вам всего наилучшего и сердечно жму руку. Ольга Синьорелли

¹ П. П. Муратов.

10

О. Синьорелли – Б. К. Зайцеву

Рим, 5-Х-<19>64

Via Corsini 12

Дорогой Борис Николаевич,

несколько дней тому назад Вы, должно быть, получили небольшую книжечку о Джованни Кавикиоли.¹ Это я просила дочку его брата, Розину Кавикиоли² (она известная певица камерной музыки в Италии) послать Вам ее. Кавикиоли скончался 13-го января. Один из лучших поэтов-писателей, его творчество прошло почти бесследно среди шумной жизни наших дней. Человек в высшей степени деликатный, он не делал ни шагу, чтобы привлечь внимание на себя. Вячеслав Иванов очень любил и ценил его.³ Кавикиоли очень любил Ваше творчество, и

очень был рад Вашему отзыву о нем. Он выписал из письма Ваши слова и прислал мне эту выписку. Жил он в деревне далеко от литературных интриг. В последние дни своей жизни он читал “Giobbe”,⁴ и просил похоронить его прямо в земле и поставить над могилой простой деревянный крест.

Вспоминаю Вас сердечно и от души кланяюсь Вам обоим.

Ольга Синьорелли

¹ Джованни Кавиккиоли (Giovanni Cavicchioli, 1894-1964) – поэт, романист, литературный критик, антропософ. Близкий друг О. Синьорелли.

² Розина Кавиккиоли – известная оперная певица, которая закончила курс драматического искусства в Лондоне в Royal Academy of Dramatic Art и курсы пения в Турине у Bettina Lupo. Часто выступала на концертах в Италии по радио и по телевидению с очень разнообразным репертуаром.

³ О Кавиккиоли и его отношениях с Вяч. Ивановым см.: *Garzonio S., Sulpasso B.* “Cresce la messe di cui ella sarà falciatore”. Lettere di Giovanni Cavicchioli a Vjačeslav Ivanov // ARI, VII. P. 131-184.

⁴ По всей вероятности, книгу Иова, из Ветхого Завета.

11

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

Boulogne, 17. XI. <19>64

Дорогая Ольга Ивановна,

большое спасибо за письмо, очень для меня интересное. Я получил книжку Casari о Cavicchioli,¹ а кроме того небольшую книжечку его неизданных четверостиший “Passero solitario”.² И знаете, только из Вашего письма уяснил себе, что Кавиккиоли скончался! Мне, по дурости некоей, показалось, что 13 янв<аря> 1964 г. – юбилейная дата, семидесятилетие его!

Посмотрел в словаре, сказано: Passero – воробей. Passero solitario – “одинокий дрозд”. Верно ли это? – В очередных своих “Днях” (газета “Русск<ая> Мысль”) я пишу о Кавиккиоли, конечно, не критическую статью, а просто это как бы из “лирического” дневника – главнейшее об одиночестве его. Меня Ваши строки о том, что он прошел почти незамеченным, пронзили. Вот я об одиночестве *настоящего* поэта “в шумной жизни” и написал кое-что. Когда № выйдет, пришлю вам. (Одно четверостишие даже перевел – не стихами, но постарался лучше прозой).³ Что такое “Piobbe” – не знаю.⁴ Встречались ли Вы с ним? Ло Гатто мне о нем хорошо отзывался.

Эти “одинокие дрозды” близки сердцу моему. Если увидите Розину Кавиккиоли, передайте ей и через нее брату его мою признательность за присланное и искреннее мое, хотя и запоздалое, соболезнование.

Мне Ваше письмо было приятно еще и потому, что из него потянуло давними временами Porta Pia (кажется, там была ваша квартира?), моим плохим итальянским языком, Вами, и вообще жизнью интересной и яркой, а не доживанием.

Если будете в Париже, непременно к нам заезжайте, но теперь адр<ес> будет иной (мы через неделю уже вместе с дочерью, в ее новой большой кв<артире>).

5, Av. des Chalets, Paris (16^e). (Это в Passy, в самом городе, а не в Булони). Тел. Наташи (и наш): Pas. 38-33. А место это в двух шагах от metro Ranelagh, что на Avenue Mozart.

Будьте здоровы, сердечный привет.

Ваш Бор. Зайцев

¹ Casari U. Giovanni Cavicchioli. Mirandola: Phoenix, 1964.

² Название посмертного издания сборника стихов Кавиккиоли (“Passero solitario, versi”. Mirandola 1964).

³ О нем Зайцев писал в своих дневниковых записях “Дни” от 13 ноября 1964 г.:

“Одинокие всегда привлекали. Потому, наверно, близки особенно были Данте, Флобер, Тютчев. Однажды, не так давно, пришла из Италии книжечка – сборник поэтически-философских “басен”. Автор мне неизвестен был – Джованни Кавиккиоли. Удивила и книжечка – очень умная и тонкая, и письмо. В нем указывал поэт, что перед каждой Пасхой прочитывает несколько страниц из “Афона” моего (по-итальянски конечно). Представить себе “современного” писателя, интересующегося Афоном! Вот, однако, нашелся. Живет около Модены (северн. Италия), в городке Мирандола, откуда родом был знаменитый гуманист XV века Пико делла Мирандола. Пишет стихи (любит четверостишия, quartine), дальним, одиноким Афоном под Пасху питается...

Я ему, конечно, ответил, поблагодарил. А время шло себе и шло. Наступил наш, 64-й год. И вот на днях получил я из Турина книжечку вроде альбомчика. “Passero solitario” – “Одинокий дрозд”. Это собрание ненапечатанных еще четверостиший Кавиккиоли. В первом же из них говорится о том, как схожи судьбы их, человека и одинокого дрозда, и в конце-то концов оба – “дети одного и того же Бога”.

В книжечке карточка, там брат его предлагает стихи эти *в память* Джованни Кавиккиоли (13 янв. 1964). Я не сразу сообразил. Но потом письмо из Рима, уже от русской литературной дамы, давней моей доброй знакомой. Оказывается, Кавиккиоли уже скончался 13 января 1964 г. “Один из лучших поэтов-писателей Италии, – пишет г-жа Синьорелли, – его творчество прошло почти бесследно среди шумной жизни наших дней. Человек в высшей степени деликатный, он не делал ни шагу, чтобы привлечь внимание на себя. Вячеслав Иванов очень любил и ценил его”. Мне проф. Ло Гатто тоже хорошо о нем отзывался. Но вот что

поделаешь: “одинокий дрозд”. И правда, как мало писание его подходит для мира техники, машин, атомных бомб. Залетел в железный мир, и почти никто его не услышал. Посмертно услышат ли? Тоже неизвестно. Гоголь когда-то говорил, что истинная слава – посмертная. Разумеется, это верно.

Чистая, как свет, рука
 Будет раскапывать твой прах,
 И что осталось от тебя нетленного
 Возвратит в целости.
 (Четверостишие Кавиккиоли).

На это отвечает Марк Аврелий, загробный, почти двухтысячелетний:

– “Судьба загадочна,

Слава недостоверна” (Русская мысль. 17 декабря 1964. № 2244. С. 2-3).

⁴ Зайцев прочел *Piobbe* вместо *Giobbe* (Иов).

12

О. Синьорелли – Б. К. Зайцеву

Рим, 27-XI-1964¹

Via Corsini 12

Дорогой Борис Николаевич,

простите, что только сегодня отвечаю на Ваше любезное и трогательное письмо. Не написала Вам после его смерти, так как в это время была сильно и долго больна. Он Вас очень любил и в своих письмах нередко цитировал выписки из Ваших книг. В его городке, *Mirandola*, его очень любили и ценили, но литературные друзья в Риме очень скоро его забыли. Он был *Passero solitario* и не мог не жить, не петь в теперешней шумной жизни. Рим стал неузнаваемым и шумным. Рубят вековые деревья и строят фаланстеры. К несчастью, делается это не только в городах, но и вдоль моря. Тонкая чуткость *Cavicchioli* не могла этого переносить.

Жалко, что осталась неоконченной его книга о *Pico della Mirandola*,² мечта всей его жизни, задуманная в юные годы. Очень трогательны его последние смиренные письма. С *Cavicchioli* я потеряла лучшего и наиболее дорогого и верного из своих друзей.

Passero (воробей), *solitario* (одинокий) – птица из породы воробей. Она немного больше воробья и синеватого цвета, с белыми маленькими пятнышками. Живет она одинокой, и поет – меланхолично. Она довольно редкая. По-латински она *Monticola cyanea*, не знаю ее названия по-итальянски. Воробьи серые, живут стаями, и обыкновенно чирикают, но не поют.

Буду очень рада получить Вашу статью, и будет этому очень рада Розина, и его брат тоже. Он ему всегда щедро помогал.

Пошлю Вам, в знак памяти, маленькую книжечку о Дузе, последнюю из тех, которые я о ней написала.³ Не будь меня – она здесь была бы забыта. Это не гордость, не самомнение, но правда, признанная и печатью.

С самым сердечным приветом

Ольга Синьорелли

¹ На полях помета Зайцева: “Письмо Ольги Синьорелли. Касается скончавшегося итал<сьянского> поэта Кавиккиоли, ‘одинокого дрозда’. Б.З. 28.П.65”. В годы болезни жены Зайцев почти не писал, но много времени уделял систематизации своего архива. Аналогичные пометы сделаны на наиболее памятных для него письмах.

² Книга об итальянском гуманисте Возрождения Пико делла Мирандола осталась не изданной.

³ Вероятно, речь идет о книге: *Signorelli O. Eleonora Duse*. Bologna: Cappelli, 1962.

13

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

17. XII. <19>64

Paris (16)

Дорогая Ольга Ивановна, посылаю Вам “Дни” свои, касающиеся Кавиккиоли.¹ Там найдете Вы и свое имя.

Да, видимо, трогательный был человек! *Passero solitario* – в моем словаре сказано: дрозд. Но я от себя, все-таки, прибавил: “одинокий” – как будто так понятнее. Стихи его перевел я прозой – стихами никогда не умел писать. (Впрочем, стихи на чужом языке обычно выходят так, что и не узнаешь оригинала).

Я Вам очень признателен за внимание и за сведения о Кавиккиоли.

Вчера отправил в Мюнхен последнюю корректуру выходящей моей кн<иги> “Далекое”² – там есть о нашем посещении Рима в 23 году, о чтениях, есть и о Вас.

Будьте здоровы, желаю Вам всего доброго! Если соберетесь в Париж, очень буду рад видеть Вас у себя.

Ваш Бор. Зайцев

¹ Вырезка полного текста газетной публикации (см. о ней в письме Зайцева от 17 ноября 1964 г.) сохранилась в фонде Синьорелли (FSFC, папка “Зайцев”).

² *Зайцев Б. К. Далекое*. Washington: Inter-Language Literary Associates, 1965.

14

Б. К. Зайцев – О. Синьорелли

<начало декабря 1965>¹

Paris (16)

Дорогая Ольга Ивановна,
давно получил Вашу очень интересную книжку о Дузе и вот только теперь (но искренно) благодарю Вас за нее. Простите. Но кончина жены² сильно поколебала вообще мою жизнь, в том числе и переписку. Теперь немного налаживается.

К Дузе я всегда относился с великим уважением – к сожалению, никогда ее не видел на сцене, молокососом был еще, когда она приезжала в Россию. Но гул славы ее (и славы *настоящей*, а не рекламной) с ранних моих лет слышал. В России к ней относились почти благоговейно. – Какое прелестное лицо на фотографиях у Вас! Лицо то я и раньше любил, но тут подано очень обильно и удачно.

Я живу теперь у дочери, адрес иной,³ начался последний и уже недолгий отрезок моей жизни, по правде сказать, мало уже для меня интересный.

Не собираетесь ли Вы в Париж? Если да, рад буду повидать Вас, непременно заходите.

С лучшими чувствами и воспоминаниями римскими.

Бор. Зайцев.

P.S. Metro наше ближайшее – Ranelagh. Телефон – Pas. 38-33.

¹ Получено 10 XII. 1965 (почтовый штемпель).

² Писатель тяжело перенес кончину жены и после смерти Веры Алексеевны около двух месяцев не писал даже писем. “11-го мая на утренней заре она ушла. Все последние дни была без сознания, только на первый день Пасхи вдруг очнулась, улыбалась, узнавала всех нас. Римский проф<ессор> Логатто, наш давний друг, случайно зашел в нам в этот день, обнял ее, сказал по-русски: ‘Христос Воскресе!’ – она явственно ответила ‘Воистину, Воскресе!’ И весь день была веселая. Потом вновь забытье” (Зайцев Б. К. Собр. соч.: Т. 11 (доп.). С. 229).

³ С 1964 до ноября 1971 г. Зайцев жил с семьей дочери в особняке по адресу: 5, Avenue des Chalets, Paris (16), последние месяцы жизни - 24-26, rue Frémicourt, Paris (15).

15

О. Синьорелли – Б. К. Зайцеву

27. VIII.<19>66
Villalago (L' Aquila)

Дорогой Борис Николаевич,

и этой весной мне не удалось поехать в Париж. Зима у нас была дождливая: и в этом отношении Рим больше не тот Рим, как в те времена, как мы с ним познакомились!

Весною чувствовала себя лучше, но хотелось поработать. Два месяца здесь, в маленьком домике моей дочери Марии, привели меня в порядок. Лелею надежды на весну.

Надеюсь, что Вы бодры и здоровы. Была бы очень признательна, если бы мне сообщили название и номер толстого журнала, где было напечатано “Антиискусство” П. П. Муратова¹ и год его смерти.² Надеюсь, Вы это знаете.

2-го сентября еду обратно в Рим (via Corsini 12).

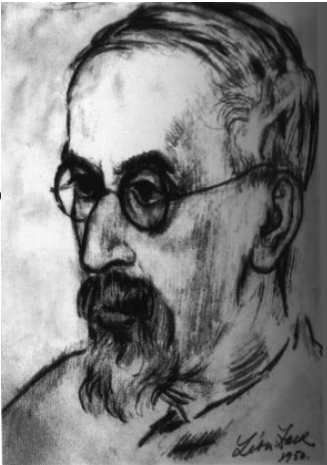
Жму сердечно Вашу руку. Ольга Синьорелли

Около домика посадили лес: 11 пиний, 5 елей, 5 серебристых кипарисов, высотой в 4 метра!³

¹ Статья П. П. Муратова “Анти-искусство” была опубликована в журнале: Современные записки. 1924. № XIX. С. 250-276.

² П. П. Муратов скончался 5 февраля 1950 г.

³ Фраза написана на лицевой стороне открытки с видом Villalago.



С. Л. Франк. Рисунок Л. Зака. 1950 г.

ПИСЬМО БОРИСА ПЕТРОВИЧА ВЫШЕСЛАВЦЕВА¹

23 dec<embre> 1923. Paris 9-e
Hôtel d'Angleterre, Cité Bergère

Многоуважаемая и дорогая Ольга Ивановна!

Позвольте поздравить Вас и Вашего супруга с наступающим праздником. К счастью мы встречаем Рождество в Париже, но еще большим счастьем было бы, конечно, быть с Вами в Риме. Нельзя забыть гостеприимство всех итальянцев, которые нас встречали, и особенно Ваше. Мы постоянно здесь вспоминаем и прославляем Италию; Франция отнюдь ее не затмила, ни красотой, ни ласковостью, ни даже любовью. Мы любим вспоминать как Вы провожали нас в Риме с вином и туберозами, и как мы с Борисом Константиновичем целый день ели пирожные и сэндвичи. В вагоне было благоухание от ваших цветов, и, наконец, один мальчик попросил, слезая, подарить ему бутон туберозы.

Дорога была замечательная: море плескалось, показалась кривая башня и собор Пизы из слоновой кости...

Провожали Б. К.² Поздно приехали в Турин и спали там в отеле с 12 ч<асов> ночи до 6 утра... Потом Альпы и Франция, освященная солнцем. Был замечательный день. В Париж приехали поздно вечером. Он далеко не так прекрасен, как Рим. Первое чувство было некоторое эстетическое разочарование. Потом, конечно, поразило движение, богатство, мировой размах жизни и переживание мировых проблем. Но, конечно, никто не встретил нас, как родных, никто не возился с нами, как Вы.

Много раз я думал о том, как прекрасно было бы остаться в Италии надолго, на год, быть может навсегда, пока не удастся вернуться в Россию. С удовольствием бы я взял в Риме место какого-нибудь *portier*; к сожалению, это, кажется, гораздо утопичнее, чем устроиться в Париже. Но и в Париже бесконечно трудно. Думаю, что долго еще придется стараться и хлопотать, прежде чем Провидение сжалится надо мною и захочет избавить меня от Берлина. А пока приходится все-таки возвращаться в Берлин мне для моих дел; там я надеюсь увидеть Ло Гатто. Впрочем, в залог моего возвращения я оставляю жену в Париже. Это довольно решительная мера, чтобы закрепить мое возвращение во Францию. А кроме того, здесь сейчас гораздо дешевле, чем в Берлине. Вообще в настоящую минуту я разрываюсь между Берлином и Парижем. Здесь – планы, надежды, недоконченные дела и хлопоты; там –

обязанности, ценные отношения, связь с коллегами, лекции, редакторские работы. Но личные симпатии, фантазия, воздушные замки – все в Италии. И при всякой возможности мы немедленно приехали бы к Вам. Не забывайте нас, и не забывайте ни минуты, как Вы счастливы, что живете в Риме. Я дожил, наконец, до того, что убедился, что это первый город в мире для всякого человека, считающего, что “красота спасет мир”. Франция гораздо менее имеет вид победительницы, чем Италия: она озабочена, почти грустна... “la vie est dure”³ – часто слышишь это. Но мировой размах жизни, конечно, остается и чувствуется даже еще сильнее, чем раньше.

Что Европа переживает нечто неладное – это здесь гораздо сильнее чувствуется, чем в Италии. Там я даже совсем готов был в этом усомниться. Италия куда спокойнее и идилличнее.

Сейчас бульвары кипят жизнью: завтра *reveillon*, сочельник – построены лавки с конфетами и тысячью мелочей, игрушек, подарков; валит бесконечная толпа, довольно веселая, но менее блестящая и элегантная, чем прежде. Еще раз жалею, что завтра будем встречать Рождество не с Вами. Вне России мы еще не встречали людей, которые отнеслись бы к нам так, как Вы. Передайте мой самый сердечный привет, а также привет моей жены – Вашему супругу. Мы часто вспоминаем его милую речь на нашем банкете (о том, почему он любит Россию).

Сердечно Вам преданный Б. Вышеславцев

¹ Борис Петрович Вышеславцев (1877-1954), один из философов, которые были высланы на корабле в 1922 г., сначала обосновался в Берлине, где преподавал в Религиозно-философской академии, основанной Н. А. Бердяевым, затем переехал в Париж и там работал в Богословском институте, был редактором в издательстве YMCA-Press, а с 1925 г. редактировал бердяевский журнал “Путь”. Участник конференции в Риме 1923 г., на которой выступил с докладом “Русский национальный характер” (Conferenze sulla Russia a Roma // Russia. 1923. № 3-4. P. 508-509). Рукописный черновик доклада хранится в FSFC. Он был, видимо, написан специально для перевода, так как рядом с русским текстом автор пишет многие слова и целые предложения на французском, итальянском, греческом, латыни. По копии с черновика была сделана публикация текста в 1995 г. (Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112. Публикация подготовлена Л. И. Куглюковской).

² После конференции Зайцев жил на Лигурийском побережье до конца декабря 1923 г.; отсюда переехал в Париж.

³ Жизнь трудна (*фр.*).

ТРОЙНАЯ ПЕРЕПИСКА: ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ОЛЬГА ШОР
В ПЕРЕПИСКЕ С ОЛЬГОЙ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ (1925-1948)

*Предисловие и подготовка текста К. Кумпан.
Комментарии А. д'Амелия, К. Кумпан, Д. Рицци*

Знакомство Вяч. Иванова (1866-1949) с Ольгой Ресневич-Синьорелли произошло осенью 1924 года. Поэта привел к ней их общий хороший знакомый Павел Муратов, живший тогда в Риме. Хозяйка известного римского салона вспоминала, что была “покорена” Ивановым с первого мгновения, “околдована” беседой с ним и той особой “элегантностью и учтивостью, которые теперь уже не встречаются”: “Магическое его очарование исходило от умения слушать, какого я не встречала у других, от его простоты и деликатности, от строгой убедительности рассуждений”.¹

С этого времени Иванов становится частым посетителем ее салона. “В 20-е годы, когда мы приехали в Рим, – вспоминал Д. В. Иванов, – в обширных комнатах квартиры Синьорелли можно было постоянно встретить Пиранделло и Маринетти, де Кирико и Де Пизиса, Респиги и Казеллу, маститых академиков и едких знаменитых критиков”.² И в дальнейшем Ольга Синьорелли продолжала играть роль медиатора между Ивановым и представителями итальянской интеллигенции.

Настоящая переписка свидетельствует, что именно Ольга Синьорелли познакомила Вяч. Иванова с Джузеппе Де Лука, а потом они оба рекомендовали поэта Джованни Папини и способствовали публикации новых стихотворений Иванова в католическом журнале “Il Frontespizio”. Один из эпизодов, обсуждавшихся в настоящей переписке, связан с поездкой Иванова с докладом в Сан-Ремо на “Литературные понедельники”, где, благодаря Синьорелли, Вяч. Иванов сблизился с ее друзьями – антропософом Марко Спаини, и писателями Джованни Кави-кьоли и Франческо Пастонки.

¹ Из воспоминаний О. И. Синьорелли о Вяч. Иванове // ARI, III, P. 491-492.

² Из неопубликованных воспоминаний Д. В. Иванова // ARI, I, P. 546.

Ольга Синьорелли, в силу особой “сердечной активной отзывчивости”,³ сразу стала искать способы помочь Иванову устроиться в Италии. Судя по ее мемуарам, она организовала в Риме его лекцию, на которую откликнулась пресса. Вызвавшее резонанс выступление способствовало постепенно возрастающей известности Иванова в среде итальянской профессуры.

Судьбоносным оказалось знакомство Иванова с Синьорелли и в других отношениях. Ее гражданский муж Анджело Синьорелли (которого на домашнем языке Ивановы именовали “Ангелом”), известный врач, имевший влияние и связи не только в медицинских, но и в высших правительственных сферах, организовал лечение тяжело заболевшего сына Иванова, Дмитрия, которого он устроил сначала в римский туберкулезный санаторий, а потом в лечебницу в Швейцарии.

Ольга Синьорелли также приложила усилия, чтобы помочь первым профессиональным шагам дочери Иванова Лидии, способности которой она высоко ценила. Благодаря ее связям с музыкальным миром Италии, Лидия уже через два года получила первую престижную музыкальную премию за свои сочинения, что было важно и для ее карьеры, и с материальной точки зрения (Ивановы тогда были крайне стеснены в средствах).

В дальнейшем Ольга и Анджело (как это следует из переписки), деятельно помогали Лидии получить итальянское гражданство. Напомним, что ситуация в фашистской Италии к началу 1930-х годов складывается для Ивановых драматически. С конца 1932 года их неоднократно вызывали в квестуру и предупреждали, что, в связи с изгнанием итальянцев из России, иностранцам с советскими паспортами необходимо возобновить разрешение на жительство или через год покинуть Италию. Из-за этого у Лидии начались сложности с публичными исполнениями ее произведений.⁴ Вяч. Иванов 2 декабря 1932 году писал сыну Дмитрию, что “никто не может дать совета” в этом сложном деле и “одна надежда – это протекция через Синьорелли в министерствах”.⁵ Это сопряженное с большими сложностями и хлопотами дело, продолжавшееся более двух лет, во многом усилиями супругов Синьорелли, в конце концов, завершилось благополучно.

³ Такое определение дает своей подруге О. Шор в письме № 86 от 20 сентября 1932 г.

⁴ См., например, письмо Лидии Ивановой к Синьорелли от 13 сентября 1934 г., в котором она писала, что назначенное на 1 октября 1934 г. исполнение ее симфонии в зале Augusteo не может состояться без итальянского гражданства (FSFC).

⁵ *Иванов Вяч.* Избранная переписка с сыном Дмитрием и дочерью Лидией // Символ. № 53-54. Париж 2008. С. 619. Далее: Символ. № 53-54 (с указанием страницы).

И, наконец, судя по настоящей тройной переписке, становится очевидным, что, благодаря Синьорелли, в 1927 году в Италию смогла быстро и бесхлопотно въехать Ольга Александровна Шор. И в дальнейшем, как явствует из писем Шор к Иванову, именно Синьорелли помогла ей продлевать вид на жительство и остаться в Риме навсегда.

Об этом третьем корреспонденте публикуемой переписки, самоотверженной помощнице Вяч. Иванова, ставшей в Италии по сути дела членом его семьи, а также о ее отношениях с Синьорелли следует сказать несколько слов. Ольга Шор (1894-1978) родилась в семье музыкантов, окончила Московскую женскую гимназию кн. Голицыной, училась на философско-литературном факультете Высших женских курсов (с 1911), летом 1912 года слушала лекции по философии у Риккерта во Фрейбурге.⁶ В 1916 году защитила диплом о гносеологии Фихте. В первые годы революции читала лекции по истории искусства в Народном университете при Наркомпросе, затем работала в ГАХН (1923-1926). Вот, собственно, и все достаточно скудные сведения дошедшие до нас.⁷ Сам образ Ольги Шор, долгие годы бывшей в тени великого маэстро, несмотря на усилия детей Вяч. Иванова, стремящихся посмертно отдать ей дань любви и уважения – как-то странно двойится: в “Воспоминаниях” Лидии⁸ он любовно снижен (милая и самоотверженная чудачка), а в некрологической заметке Димитрия⁹ – любовно приподнят (личность, исполненная философских исканий и переживаний высших “духовных опытов”). Образ же, отразившийся в письмах самой О. Шор к Вячеславу и детям, написанных одновременно с публикуемой тройной перепиской,¹⁰ требует дешифровки, ибо замысловато скрыт под шутливой маской бестолковой и глупой и в то же время “ученой” птицы “Фламинго”, “Фломи”, из домашней мифологии, созданной совместными усилиями семьи Ивановых в их бесконечной эпистолярной игре, где все члены исполняли свои “звериные” роли.

Живой и человечески обаятельный образ, который рисуется в переписке Ольги Шор с Ольгой Синьорелли, отчасти корректирует эти “лики и личины” (выражаясь языком самого поэта), отчасти контрастирует с ними. На переписке лежит печать действенной дружбы на равных, и

⁶ Иванов Д. В. О. Шор – О. Дешарт // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. III. Брюссель 1979. С. 689.

⁷ См. о ней статью А. Шишкина на сайте www.russinitalia.it.

⁸ *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. С. 185-194. Далее: *Иванова Л.* Воспоминания (с указанием страницы).

⁹ *Иванов Д. В.* О. Шор – О. Дешарт. С. 688-693.

¹⁰ Письма О. Шор к Иванову за 1924-1934 гг. вывешены на сайте www.v-ivanov.it, остальная переписка, по всей видимости, еще остается на стадии обработки.

особой человеческой близости двух незаурядных женщин. Их связывали любовь к искусству и литературные занятия. Ольга Шор постоянно помогала Синьорелли в поисках нужных ей для перевода книг и консультировала ее по вопросам современной литературы, доставала и пересылала последние художественные новинки. В начале 1930-х годов, когда Синьорелли работала над своей книгой об Элеоноре Дузе, Шор не только посылала ей книги и ссылки на русские и немецкие источники, но и познакомила Синьорелли со швейцарским писателем, критиком и издателем Гербертом Штейнером, пытаясь устроить публикацию фрагмента этой книги в его журнале “Corona”. Публикация не состоялась, но родилась взаимная симпатия, длившаяся долгие годы.

Помимо литературы, важен был общий интерес корреспонденток к мистико-духовным исканиям, в частности обе испытывали интерес к антропософии. Между двумя этими душами было то, что на языке антропософов называлось “эгрегор”. Вероятно, намекая на беседы на эти темы, Ольга Шор писала в письмах о необходимости встретиться и “существенно поговорить”.

Можно предположить, что общими у них были и другие интересы, например, к медицине. Как вспоминают и Лидия, и Дмитрий, Шор имела необычайные способности к диагностированию и выхаживанию больных;¹¹ что касается Синьорелли – то она была врачом по специальности. Их объединяло также неумемное желание помогать людям, о чем свидетельствуют постоянные взаимные просьбы. Со стороны Шор это были просьбы о помощи Лидии, Дмитрию и самому Иванову, об ускорении выдачи визы двоюродному брату и об устройстве друзей и детей друзей (Кайдалова, Лохова, Ганчикова). Синьорелли, со своей стороны, просила Шор, и Иванову принять ее друзей и помочь им советами и душевной беседой. “Вы ведь знаете, что я врач, – писала она Иванову в одном из писем с аналогичной просьбой, – и не могу видеть равнодушно страдание людей”.

В конце 1920-х – 1930-х годах Синьорелли переживала период сложных семейных отношений, с чем была связана неуверенность в себе и недовольство собой. Депрессия и желание уединиться вынуждали ее покидать шумную римскую квартиру, и она необычайно много путешествовала. Ольга Шор всячески пыталась ее поддержать, посылая ей книги, уговаривая взяться за театральные рецензии, просто помогая заинтересованными расспросами о детях, восторженными откликами на талантливые кукольно-живописные работы старшей дочери Марии и

¹¹ “За медициной и ее новыми путями она следила издалека, но с неиссякаемым интересом” (*Иванов Д. В.* О. Шор – О. Дешарт. С. 692): “Медицина ее очень интересовала, она имела какой-то дар диагноза” (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 192).

высокой оценкой первых журналистских проб младшей дочери Веры, а также статей и переводов самой Синьорелли.

Старшая подруга отвечала ей благодарной открытостью. Она не раз признавалась в письмах, что тоскует без общения с ней, что очень ждет ее милых писем и мечтает о встрече, чтобы поговорить по душам. “Вы ведь один из самых близких мне людей <...> Обыкновенно люди надеются спастись другими словами, убеждением, и часто этим осложняют и делают еще тяжелее уже тяжелую жизнь. Мне кажется, что мы спасаем ближнего только пониманием, любовью, молитвою, как это делаете Вы”, – писала она в письме от 30 августа 1932 года.

Несколько иными были отношения Вяч. Иванова и Синьорелли. Между ними (особенно в первые годы переписки) сохранялась определенная иерархическая дистанция. Ольга Синьорелли относилась к поэту с глубоким уважением и пиететом. Кстати, о дистанции свидетельствует ее подпись под письмами к Иванову: в отличие от дружественной “Ольга” под письмами к Шор, письма к Иванову она подписывала официально: девичьей фамилией “Ольга Ресневич” или двойной – “Ольга Ресневич Синьорелли”, как подписывала статьи и переводы.

Отношение Иванова к Синьорелли не было однозначным и, судя по оценкам, проскальзывавшим в письмах его к Шор, было не всегда справедливым и ровным. Вспыхнувшая дружба Шор и Синьорелли, которая на первых порах всячески приветствовалась Ивановым, в дальнейшем стала его раздражать. Возможно, здесь сказывалась человеческая ревность: “...у Вас, когда речь идет об О<льге> И<вановне>, всегда заскок”, – запальчиво замечает он в одном из писем к Шор, в ответ на очередные просьбы, которые Синьорелли передавала ему через подругу.¹² Первые два “итальянских” года Шор лишь наезжала в Павию, и можно предположить, что Иванов чувствовал одиночество. В 1927-1928 годах она тоже много ездила по стране, собирая материалы по Микеланджело, ради изучения которого официально приехала в Италию, но в основном жила в Риме, где помогала Лидии, учившейся в консерватории, навещала Димитрия, лечившегося в санатории, и постоянно общалась с Синьорелли, у которой бывала часто вместе со своей кухней Лелей.¹³ Некоторое недовольство могло быть вызвано и другими обстоятельствами: легкая ирония звучит в оценках Ивановым представителей антропософского круга друзей Синьорелли: к штейнерианству, как известно, Иванов относился скептически, тогда как Шор читала с интересом работы Учителя и даже проводила сеансы меди-

¹² Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор // АRI, III. С. 435.

¹³ Как частых посетителей салона Синьорелли их вспоминает через много лет Павел Мансуров (см. его письмо от 6 января 1969 г. во втором томе наст. издания).

тации. Ворчливую придирчивость вызывала у Иванова излишняя, с его точки зрения, “духовная” аффектация¹⁴ в их отношениях. В ответ на просьбу обеих корреспонденток помочь перевести на итальянский язык фрагмент из написанного Шор предисловия к “Переписке из двух углов”, он хоть и шутливо, но с явным раздражением пишет: “Распоряжаться мною по-дамски Вы привыкли в кооперации и существенной душевной ассимиляции с нашей международной летуньей: *ее spiritualità* <духовность – *ит.*> уже носит ее по воздуху”.¹⁵

Конечно, несправедливые оценки и ворчливая придирчивость прорывались только в письмах к Шор и детям. В письмах же к самой Синьорелли выражалась учтивость и приязнь, тем более, что, как правило, в них заключалась просьба, и в таких случаях поэт был очаровательно любезен.

С годами отношения становятся ровными и теплыми, а после переезда Ивановых в Рим, когда Синьорелли продолжает лечить и помогать Ивановым и вместе с дочерью Марией регулярно навещает их на *Via Monte Tarpeo* и на *Aventino*, дружеские чувства поэта перерастают в благодарную глубокую дружбу. Об этом свидетельствует не только сохранившиеся последние письма Иванова, но и тот факт, что он становится крестным отцом внучки Синьорелли (младшей дочери Марии Летиции).¹⁶

Внутренние претензии к Синьорелли, пик которых приходится на рубеж 1920-х – 1930-х годов, необходимо учитывать, обращаясь к главному сюжету настоящей публикации – перипетиям, связанным с переводом на итальянский язык знаменитой “Переписки из двух углов” Вяч. Иванова и М. О. Гершензона, и даже не самой книги, а предисловия к ней Шор (О. Дешарт).

“Длинную историю” этого предисловия шутливо рассказывает Лидия Иванова.¹⁷ Пунктирно она проходит в переписке Иванова с Шор в

¹⁴ Следует иметь в виду, что отношения Шор и Синьорелли носили не только “апантетически-духовный” характер. Так, вероятно, втайне от Вяч. Иванова Синьорелли одалживала деньги Ольге Шор в трудную для семьи Ивановых минуту. Степень человеческой близости позволила Синьорелли, которая настоятельно уговаривала Шор приехать на доклад Иванова в Сан-Ремо, предложить подруге-бессребренице свое выходное платье на банкет по этому случаю (см. об этом в письме Синьорелли Шор № 94 от 23 марта 1933 г.).

¹⁵ Переписка Вячеслава Иванова с Ольгой Шор // АРИ, III. С. 411. Ольга Синьорелли в это время улетела в Ригу (см. ее впечатления от полета в письме Шор № 32 от 8 июля 1930 г.).

¹⁶ Иванова Л. Воспоминания. С. 291-292.

¹⁷ Там же. С. 229-230.

эти годы. Но, пожалуй, наиболее детально работа над предисловием и переводом, как и дальнейшая подготовка издания, предстает в этой тройной переписке.

Вероятно, устная договоренность о переводе “Переписки” относится к 1928 году. Ее выбор, безусловно, стимулировался все возрастающим интересом к книге после появления в 1926 году немецкого перевода. У Синьорелли был опыт работы над переводом религиозно-философского текста: мы имеем в виду ее удачный перевод статьи Н. А. Бердяева “Душа России”, сделавший имя этого русского мыслителя известным в Италии.¹⁸ Выбор могла с энтузиазмом поддержать и О. Шор, ученица и почитательница покойного Гершензона. Однако книга вышла только осенью 1932 года. Настоящая тройная переписка объясняет “длинную историю” не только предисловия, но и всего этого издания.

Синьорелли энергично взялась за работу и 17 августа 1928 года оповещает Шор, что “Переписка” “выйдет в конце сентября” этого года. Оптимистический план сразу оказался сорван Ивановым, который отличался затягиванием работы, особенно в том случае, когда относился к ней индифферентно. Только 13 февраля 1929 года Синьорелли обращается к нему с настоятельной просьбой прислать “просмотренный перевод”. Она рассчитывает в феврале заключить договор с издательством *Carabba*, “чтобы книжка вышла не позже мая” (теперь уже 1929 года).

Однако к концу февраля контракт не был заключен, поскольку Иванов оказался загруженным преподавательской работой (см. его письмо от 17 февраля) и лишь после повторного напоминания,¹⁹ а именно 3 марта 1929 года он высылает рукопись. Можно предположить, что поэт бегло просмотрел перевод: в сопровождавшем бандероль письмо Иванов предупреждает, что ему будет необходима корректура, поскольку “не уверен, все ли еще заметил, что нуждалось в исправлении”.

Никаких жалоб на качество итальянского перевода в письмах Иванова этого периода нет, только в письме к Шор он высказывает недовольство, что текущая работа, в том числе и этот просмотр перевода отвлекают его от творческой работы (“Давно не думаю об Ахинее”).²⁰ В ответном письме Шор уговаривает его особенно не утруждаться и так характеризует качество переводов Синьорелли: “У О. И. отличный

¹⁸ См. об этом подробнее в публикации переписки с Бердяевым в наст. томе.

¹⁹ См. письмо Синьорелли № 15 от 27 февраля 1929 г., где корреспондентка указывает, что *Carabba* “грозит, что если книжка не будет набрана в марте”, она выйдет только к Рождеству, “а если будет набрана в марте – выйдет в апреле”.

²⁰ Письмо Вяч. Иванова к О. Шор от 3 марта 1929 г. (ARI, III. P. 355). “Ахинеей” на домашнем языке называлась “Повесть о Светомире Царевиче”.

язык, проверьте, всюду ли верен смысл – и basta! <...> “Переписка” “совершенна в своем роде и на своем месте”.²¹

На этом кончается первый этап работы над переводом книги, и начинается второй – написание предисловия к ней. Теперь задержка издания была вызвана долгой и мучительной работой Шор над предисловием. Еще в первом письме от 31 августа 1928 года Синьорелли попросила Шор “приготовить краткое введение, хоть в нескольких словах”. Шор, вероятно, взялась за это предложение не сразу. Во всяком случае, только 17 февраля 1929 года она обращается к Иванову с просьбой дать сведения о себе и о М. О. Гершензоне: “Ради Бога, сообщите мне, что Вы считаете нужным и возможным рассказывать итальянской публике. Как это ни дико, но я ничего не умею сказать про Мих<аила> Ос<иповича>, не могу даже изложить его взглядов. Напишите хоть что-нибудь о нем”.²²

Иванов не откликнулся на эту просьбу, и Шор, которая с юности была увлечена философско-религиозными идеями Иванова, садится сама за реконструкцию его мировоззрения и творческого пути. Ранняя стадия работы прослеживается по переписке ее с Ивановым, где предисловие именуется “артикулул”, “артикулетто”, “артикулетто” или “articuletto”.

Итак, вместо краткой биографической заметки, Шор задумывает фундаментальное исследование. В письме к Иванову от 9 апреля 1929 года она жалуется: “Птица вся в Ваших мыслях. Невероятно трудно о вас писать. А О. И. торопит”.²³ Только 30 апреля она посылает Иванову начало статьи, причем, как явствует из сопровождающего письма, этот ранний вариант сильно отличался от окончательного. Здесь, например, много говорилось о роли Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (покойной жены Иванова) во внутреннем становлении поэта, причем, Шор волнуется, что говорится это “м. б. слишком интимно”. Она посылает поэту копию (снятую Лидией Ивановой) с написанной части, а оригинал отдает Синьорелли, которая намеревается сразу сесть за перевод.²⁴

Письмо Иванова Шор от 4 мая дает представление о размахе и характере задуманного предисловия. Иванов благодарит ее за “подъятый серьезный труд”, характеризует его как “широко задуманную и философски конструктивную работу”, но тут же замечает, что в таком виде работа, “со всеми ее цитатами”, сложна для перевода, и выражает сом-

²¹ Письмо от 6 марта 1929 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 6, л. 24об.)

²² Там же, л. 13.

²³ Там же, л. 35.

²⁴ Там же, л. 40об.

нение, что Синьорелли с ней справится.²⁵ Видимо, уже на этой ранней стадии Иванов серьезно правит и дополняет текст Шор, за что она радостно его благодарит в ответном письме от 6 мая. Здесь же Шор прибавляет, что Синьорелли “стонет, говорит, что артикуλος труднее теперь самих писем”.²⁶ Следует заметить, что переводчица была совершенно права: даже окончательный (облегченный) текст предисловия, действительно, оказался куда более эзотеричен и сложен для перевода, чем эпистолярный диалог между двумя философами 1920-го года: метаязык вступительной статьи построен на непереводаемом цитатном континууме, заимствованном из наиболее сложных ранних статей Иванова.²⁷

Несмотря на высказанную похвалу в адрес присланной части предисловия, Иванов не доверял не только переводчице, но, как кажется, и толкователю его творчества. В письме от 8 мая он искренне сожалеет, что Шор тратит время и силы на этот этюд, тогда как “О. И. с ним не справится и вся затея рухнет”, а в письме от 29 июня, учтиво благодарит “за рвение к этюду”, но “с горькою досадою” замечает: “в этой затянувшейся и осложнившейся работе. Вы все равно, ‘по независящим от Вас обстоятельствам’ не скажете самого главного...”.²⁸

Однако Шор продолжает усердно работать, уверяя Иванова, что ей “весело заниматься Пуфенькой” (домашнее имя Иванова), что работа ее “затягивает и увлекает”. Она более, чем Иванов, доверяет подруге (“О. И. отнюдь не отказывается переводить артикуλος Птицы и даже уединилась на сей предмет в Террачину”)²⁹ и успокаивает Иванова, напоминая, что для перевода статьи найден помощник: “О. И. будет весьма счастлива передать на редакцию тирана ее перевод; мы уж об этом говорили”.³⁰ Замечание это весьма интересно. Речь идет о стилистической редакции итальянского перевода образованным и тонким филологом, бывшим ректором Колледжо Борромео Леопольдом Рибольди, близким другом семьи Ивановых (домашнюю кличку “тиран” он, как известно, получил от Лидии).

Напряженная работа над “этюдом” вынужденно прерывается в начале июля 1929 года, когда Шор срочно уезжает в Париж ухаживать за

²⁵ АRI, III. P. 361.

²⁶ РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 7, л. 1.

²⁷ См., например, посылаемую Синьорелли Иванову цитату из статьи “Ницше и Дионис” (письмо № 24 без начала, написанное после 8 марта 1930 г.), которую она просит перевести.

²⁸ АRI, III. P. 362, 379.

²⁹ Письмо Шор Иванову от 10 мая 1929 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 7, л. 2).

³⁰ Письмо Шор Иванову от 30 мая 1929 г. (Там же, л. 10об.).

больной кузиной. Она возвращается к статье лишь через несколько недель и 1 августа 1929 года сообщает Иванову из Парижа: “Артикулос стал неузнаваем. Пуф <т.е. глава об Иванове> совершенно выделен и образует независимую статью”, и далее дает автооценку этой главе: “Хоть раздражающе беспомощно и бесцветно, но все же в ‘артикулусе’ по крайней мере вопрос ставится о пути Айлуроса <прозвище Иванова-философа> от Диониса к Христу и Церкви”.³¹ Тронутый самоотверженной работой друга, Иванов в ответном письме от 12 августа просит прислать “артикулос” в Швейцарию, “дабы сделать приятный сюрприз О. И.”, предлагает сделать перевод “артикулуса” собственноручно на итальянский язык, а потом “прямо направить стилисту Тирану”.³²

Но Шор никак не может завершить работу. Правда, судя по письму к Синьорелли от 31 августа, она обещает подруге в скором времени прислать рукопись, но предисловие все разрастается и разрастается, а работа все затягивается и затягивается. О работе над главами, посвященными Иванову она сообщает поэту в письме от 16 сентября, жалуясь, что “Айлурос” “ужасно трудный и неуловимый”,³³ об этом же она упоминает в письмах от 8³⁴ и 16 ноября.³⁵ Иванов сочувствует мучениям Шор, не без иронии сравнивая себя с “бездонным сосудом”, а Ольгу с “одной из Данаид”.³⁶ И только 3 декабря 1929 года она отправляет, наконец, Иванову первые четыре посвященные ему главки в этом раннем большом эссе.³⁷

Дальнейшая работа зафиксирована в письмах к Синьорелли. Поэтому отметим лишь основные вехи. Она принимает неожиданный оборот: меняется сам план издания. После того, как 11 февраля 1930 года

³¹ Там же, л. 28об.-29. В этом письме Шор впервые предлагает сделать из этой главки отдельную статью, отдать ее перевести Нессельштрассе, чтобы издать под его именем, так как тот не может справиться с порученным ему эссе об Иванове для готовящегося тогда номера цюрихского журнала “Neuen Schweizer Rundschau”. Позднее этот проект был в какой-то мере реализован: не вошедшая в предисловие биографическая часть была оформлена в самостоятельную статью, которая под именем О. Дешарт напечатана в посвященном Иванову номере журнала “Il Convegno”.

³² ARI, III. P. 382. Видимо, не желая затруднять Иванова, Шор планировала заехать по дороге из Парижа в Милан, чтобы “растолковать Тирану” свой “артикулос” (то есть, вероятно, предложить ему перевести текст вместе с ней); план вызывает раздражение Иванова (ARI, III. С. 388); 25 сентября 1929 г. Шор соглашается с доводами “Пуфа” и пишет: “Артикулус тирану пришло” (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 7, л. 38).

³³ Там же, л. 37.

³⁴ Там же, л. 40об.

³⁵ Там же, л. 43.

³⁶ ARI, III. P. 389.

³⁷ Там же. P. 393.

Синьорелли просит прислать предисловие объемом не более 30 страниц, для соблюдения пропорции между вступительной статьей и основным текстом, Шор предлагает от имени Иванова добавить в книгу еще два текста – переработанный для немецкого издания вариант статьи Иванова “Кручи” и опус Гершензона “Солнце над мглой”. Для этой новой по составу книги, чтобы не портить и не сокращать “более чем *наполовину*” уже написанный текст, Шор была готова написать 10 новых страниц “Предисловия”, а “в конце книги в виде *Appendice* мелким шрифтом” поместить эту свою статью “о думах и судьбах обоих авторов”.

Из ответного письма следует, что издатель не согласился с новым планом, торопит с набором предисловия, поскольку текст переписки уже набран, и хочет иметь готовую книгу до Пасхи. Синьорелли пишет, что, прибегнув к помощи своего друга Джузеппе Де Лука, пытается справиться с посланным ей сложнейшим текстом предисловия, но не может перевести множество цитат, прозаических и стихотворных. Чувствуя свою беспомощность, переводчица предлагает или перенести тяжелую и срочную работу над предисловием, использовав его как введение для какого-то другого издания статей Иванова (а сейчас прислать “несколько строк очень простой биографии для разъяснения ‘писем’”), или позволить ей сократить некоторые цитаты, а оставленные и наиболее непереводимые, посылает Иванову, обращаясь к нему с просьбой о помощи.

В следующих мартовских письмах 1930 года продолжает муссироваться новый план. Шор с Ивановым, соглашаясь со всеми сокращениями цитат в предисловии и предлагая любую помощь, все же настаивают на включении в книгу статьи “Кручи”, в то время как Синьорелли продолжает настаивать на своем плане и передает альтернативное предложение Де Лука подготовить “в издательстве ‘La Fiorentina’, которым заведует Папини и при котором работает и De Luca”, вторую книгу избранных статей Вяч. Иванова, снабдив ее написанным большим предисловием Шор. Этот “заманчивой план” заставляет Шор и Иванова согласиться на вариант Синьорелли, и в письме от 13 марта 1930 года Шор обещает написать “вводную статейку”, которая по объему займет не более 15 страниц, и прислать ее “через 3-4 дня”. Однако 17 марта планы снова меняются: Шор возвращается к идее большой, но облегченной вступительной статьи, которая “*вполне* устроит” и Синьорелли, и Карабба и “будет готова через 2-3 дня”.

Однако до Пасхи³⁸ предисловие так и не было закончено, и работа над книгой откладывается. Синьорелли уезжает в Париж на выставку дочери Марии, а потом с кратким заездом в Рим, летит в Латвию.

В письме от 8 мая 1930 года Иванов просит Шор “хорошо работать” и наконец, “с окончательной отчетливостью приготовить весь материал для Ольги Ивановны”.³⁹ 23 мая Шор посылает ему полный текст “Предисловия”, параллельно пересылая Синьорелли новую главу о Гершензоне для перевода. Часть этой главы Синьорелли переводит в Риме, часть в своем латышском имении, и обе части вскоре отправляются на просмотр и исправление Иванову.

В начале августа 1930 года Шор еще продолжает работать над финальными страничками статьи, которые пишет прямо на итальянском языке и посылает Иванову в Давос, а 11 августа посылает и составленную ею черне библиографию для дополнения и уточнения.⁴⁰ При этом она сообщает Синьорелли о завершении редактуры предисловия (4 августа), но, пользуясь почтовой неразберихой, задерживает отправку. И только после получения 23 августа из Давоса рукописи всего текста “артикулуса”, срочно перебелив грязные страницы (с неразборчивой ивановской правкой или прямо скорописью написанные им), она, наконец, 27 августа отсылает окончательный текст предисловия.

За рамками настоящей переписки осталась оценка Ивановым предисловия Шор. Но судя по письмам Иванова к ней, он не вполне одобрял “артикулетто”, часть, посвященная изложению его собственных взглядов, на этот раз показалась ему “невнятной”; на последнем этапе он исключил последний фрагмент, где сопоставлялись две философские системы корреспондентов “из двух углов”. Как явствует из письма Шор к Иванову от 29 августа 1930 года, тогда же он серьезно переработал посвященную ему часть, написав заново наиболее ответственный ее фрагмент о времени и пространстве.⁴¹ При этом главу о Гершензоне,

³⁸ Католическая Пасха в 1930 г. приходилась на 20 апреля.

³⁹ ARI, III. P. 397.

⁴⁰ “Cenni biografici” (Библиографические заметки) были помещены в конце предисловия О. Дешарт, сразу перед текстом “Переписки”: *Venceslao Ivanov e M. O. Ghercenson. Corrispondenza da un angolo all'altro / Traduzione dal russo di Olga Resnevic. Rivista da Venceslao Ivanov. Lanciano: R. Carabba, 1932 (Cultura dell'anima, №. 142). P. 65-67.* Далее ссылки на это издание даются только с указанием страниц (в скобках, только цифры курсивом), без повторов библиографического адреса прямо в тексте статьи. То же обозначение повторено в комментариях к письмам.

⁴¹ ARI, III. P. 419-420.

который видимо его не интересовал,⁴² он не правил. Таким образом, написанная Шор, отчасти по-русски, отчасти по-итальянски, эта глава, была переведена и отредактирована самой Синьорелли без помощи Иванова. Причем перевод оказался удачным, что следует из благодарных восторгов Шор в письме к переводчице от 28 августа 1930 года, после прочтения этой главы.

На этом закончился второй этап работы над итальянским изданием “Переписки”, т. е. над предисловием Шор, появившимся за именем О. Deschartes. Оно занимает 63 небольшие страницы в издании, и состоит из краткого “Introduzione” об истории появления самой переписки (7-11) и двух равных по объему глав – об Иванове (13-37) и о Гершензоне (39-63). Главы об авторах начинаются с изложения их мировоззрения и “духовного пути”, а заканчиваются биографическим параграфом. Причем глава об Иванове, как явствует из изложенной истории текста, в определенной мере принадлежала перу самого поэта. Об этом же косвенно свидетельствует и насквозь цитатный ивановский язык, и крайне усложненная стилистика “артикулетто”.

Следующая задержка в работе уже была на совести издателя Карабба, которому Синьорелли 7 сентября 1930 года из рук в руки передала для набора вступительную статью. Из письма Шор от 3 ноября становится понятным, что выход книги он откладывает на февраль 1931 года. За это время появляется французский перевод “Переписки”, сначала опубликованный в журнале “Vigile” Шарля Дю Боса, а потом отдельной книгой. Для этого французского издания текст писем Иванова к Гершензону был существенно отредактирован автором. Кроме того, по просьбе издателя Иванов написал к нему послесловие в форме письма к Дю Босу, где изложил эволюцию своей духовной жизни со времени появления первого издания книги в “Алконосте” (Пг. 1921).

Сообщая об этом Синьорелли в письме от 5-7 февраля 1931 года, Шор тут же передает просьбу Иванова прислать ему корректуру итальянского текста “Переписки”. Интересно заметить, что корректура самой книги без предисловия была готова год назад, о чем Синьорелли писала Шор в письме от 6 марта 1930 года. Впервые Иванов об этом вспомнил в октябре 1930 года, после завершения работы над французским переводом.⁴³ В октябре Синьорелли не ответила и видимо забыла об этой просьбе. Однако Иванов снова вспомнил о корректуре по выходе французской “Переписки” отдельным изданием. Все это свидетель-

⁴² См. ворчание Вяч. Иванова на Шор и Синьорелли за то, что они заставляют его заниматься правкой этой главы в письмах к Шор от 4 и 7 июля 1930 г. (Там же. Р. 410-411, 413-414).

⁴³ См. эту просьбу в письме О. Шор № 44 от 10 октября 1930 г.

ствуует о том, что его просьба была продиктована желанием переработки текста по аналогии с французским вариантом. К сожалению, письма Синьорелли за март-август не найдены в фонде Шор, и мы не знаем, когда была выслана Иванову корректура, но если предположить, она была доставлена сразу в марте 1931 года, то у Иванова было достаточно времени для переработки текста своих шести писем к Гершензону, поскольку только 8 сентября 1931 года (судя по письму Шор) корректура была возвращена издателю (“поехала к Карабба”).

Об этом последнем этапе работы над книгой уже в корректуре Иванов рассказывает в письме к Синьорелли от 20 октября 1931 года; здесь же он дает оценку переводу. Письмо это является наиболее важным в сюжете связанном с переводом книги. К запоздалому ответу на вопрос Синьорелли от 1 сентября (“остались ли довольны переводом?”) Иванова подтолкнули гнев и угрозы Караббы, которые содержались в письме издателя к Ольге Синьорелли, пересланном ею Шор именно 20 октября. Этого письма в РАИ не сохранилось (или не выявлено), но судя по указанному ответному письму Иванова Синьорелли, а также по письму детям (от 9 ноября 1931 г.),⁴⁴ и из дальнейшей переписки Синьорелли и Шор (от 9 и 14 декабря 1931 г.), Карабба был взбешен, что “в корректуре ему прислали новый текст” и что он вынужден “набрать вторично всю книгу”. Издатель указывал, что “несет через это огромные издержки”,⁴⁵ и требовал от Синьорелли оплаты вторичного набора книги.⁴⁶

Как видно Карабба не торопился делать новый набор: 27 октября 1931 года Синьорелли пишет письмо издателю и просит форсировать работу, угрожая, что вынуждена будет вернуть рукопись Иванову, если она не выйдет через полгода.⁴⁷ Из-за нового набора понадобилась вторая корректура (см. просьбу Шор к Синьорелли прислать ее Иванову в письме от 29 ноября 1931 года), а потом и третья (см. просьбу Шор об этом в письме от 6 декабря). Между второй и третьей корректурой возникла мысль ввести в книгу письмо Дю Босу (см. письмо Шор к Синьорелли от 14 декабря). Идея эта исходила от Иванова, который то настаивает, то отказывается от публикации письма, чтобы не задерживать выход книги к Рождеству (см. два его письма к Синьорелли от 16 декабря). Но к Рождеству книга не вышла, и Иванов собственноручно

⁴⁴ Символ. № 53-54. С. 612.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См. об этом напоминание *post factum* в письме Синьорелли Иванову № 89 после 7 ноября 1932 г.

⁴⁷ Копия этого письма Синьорелли храниться в FSFC, среди писем к ней брата издателя *Gino Sarabba*, также участвующего в издательском деле.

делает итальянский перевод “Письма Дю Босу” и 31 января 1932 года посылает его Карабба. Однако проект этот так и не был осуществлен, скорее всего, из-за отказа Караббы менять состав книги на стадии третьей корректуры.⁴⁸

Дальнейшая задержка произошла в связи с отъездом Ольги Синьорелли в Берлин на очередную выставку Марии. Вернувшись в начале марта в Рим, она посылает залежавшуюся у нее в доме третью корректуру Иванову. Потом снова пропадает Карабба.⁴⁹ И только 25 июня 1932 года издатель извещает Синьорелли, что переписка отпечатана и прибавляет, что по выходе книги пришлет ей несколько экземпляров.⁵⁰ Наконец, осенью 1932 года многострадальная книга выходит из печати.

Встает вопрос, в чем заключалась объемная правка корректуры, вызвавшая гнев издателя и серьезную техническую задержку книги.

Сверка русского оригинала “Переписки из двух углов” с итальянским текстом показывает, что “уточнение и прояснение смысла” повлекло за собой замену некоторых мест в текстах писем Иванова к Гершензону (V, VII, IX, XI), а также изменение цитатного пласта, который был расширен и переведен в стихотворную форму. Не имея возможности, в рамках настоящей преамбулы, подробно остановиться на сравнении и анализе русского и итальянского текстов “Переписки” (что должно стать предметом специального исследования), заметим лишь возникшие в итальянском варианте серьезные семантические “сдвиги”, которые свидетельствуют о желании Иванова заново переписать волновавшие его в 1920 году мысли и идеи, откорректировать их под иным углом зрения, с новых позиций и снабдить некоторыми ссылками на современную философско-религиозную мысль.

В свете сказанного следует осторожно отнестись к установившемуся мнению, что авторская правка была вызвана неудачным переводом Синьорелли, и что Иванов остался им недоволен. Правда, сама переводчица, чуждая авторских амбиций, дала повод для такой оценки, отмечая, что “ни один перевод не стоил” ей “столько труда и ни один так мало не удовлетворял”. Сам Иванов, в указанном письме от 20 октября,

⁴⁸ Существует ничем не аргументированное мнение, что “Письмо Дю Босу” не было опубликовано в первом издании “Переписки из двух углов” из-за запрета самого Муссолини. См. об этом в примечании к публикации письма в приложении к позднему итальянскому изданию: *Vjač. Ivanov e M. Geršenzon. Corrispondenza da un angolo all'altro*. Milano: “La Casa di Matrona”, 1976. P. 105.

⁴⁹ В письме к Лидии от 27 апреля 1932 г. Иванов просит дочь узнать у Синьорелли, почему “Карабба не выпускает *Corrispondenza*” и ворчливо прибавляет: “... я не иначе себе объясняю как интригами Ольги, мстящей за мои перемены в ее переводе” (Символ. № 53-54. С. 615).

⁵⁰ FSFC (папка “Gino Carabba”).

дает уклончивую его оценку (“Многое в нем очень удачно, многое не точно или стилистически небрежно”), однако тут же отмечает, что при работе над французским переводом выявились изъяны оригинала: стали “более ясными и отчетливыми многие места, не достаточно точно передающие мысль авторов в оригинале” и что в нем “многие места переписки, не поддававшиеся точному переводу, нашли свою окончательную форму”. Таким образом, дело, скорее всего, было не только и не столько в правке переводчика, сколько в правке не удовлетворявшего автора собственного текста десятилетней давности.⁵¹

Кроме того, в своем желании сделать книгу “в итальянской одежде” более красивой и многозначительной, чем русский оригинал, Иванов начинает менять стилистику, усложняя изложение мыслей, более простых и ясных в русском оригинале, и архаизируя язык, а потом “выверяет” свой итальянский “перевод” “при помощи ученых итальянцев”. Заметим, что при всем уважении к мнению Иванова и ученых католиков (Л. Рибольди и Р. Нашимбене) Синьорелли все же была недовольна и огорчена некоторыми стилистическими исправлениями и настояла на том, что имя Иванова, в качестве редактора ее перевода, стояло на обложке книги.

Подводя итог, следует заметить, что история работы над переводом, отразившаяся в настоящей тройной переписке, приоткрывает новую страницу изучения Иванова: предисловие Дешарт необходимо учесть при анализе автобиографических писем поэта, а итальянский текст писем Иванова в “Переписке из двух углов” следует включить в круг переводов-переработок поздним Ивановым своих ранних философских статей.

Тексты публикуемых писем печатаются по автографам (ранее опубликованные – перепроверены заново). Из выявленных при работе над настоящей перепиской 185 писем (не считая вложений) всех трех корреспондентов здесь публикуется 133: 45 писем Ольги Шор к Ольге Синьорелли, отобранных из 61 ее письма, хранящегося в архиве Синьорелли в Фонде Чини (59 в папке “O. Šor” и 2 – в папке “Dmitrij Ivanov”). В этом же фонде, в отдельной папке, хранится 22 письма: 18 писем и за-

⁵¹ Отметим, что в рекомендательном письме К. С. Станиславскому, написанному, когда книга уже была готова, Вяч. Иванов дал высокую оценку переводческой деятельности Синьорелли в целом и ее работе над перепиской (хотя тут безусловно следует учитывать специфику “жанра”): “Ольга Ивановна – известная в Италии переводчица некоторых классических произведений русской литературы; я же лично обязан ей превосходным переводом ‘Переписки из двух углов’ между покойным Гершензоном и мною” (Архив Музея МХАТа, фонд К. С. Станиславского, № 8450).

писок самого Вяч. Иванова и 4 коллективные открытки, подписанные Вяч. Ивановым и другими членами его семейства; из них в наст. публикацию включены 18 писем только самого Иванова.

Что касается писем Синьорелли, хранящихся в РАИ, то к настоящему времени выявлено 39 ее писем к Вяч. Иванову и его семье (Вяч. Иванову, О. Шор и Лидии Ивановой), из которых мы публикуем 25 – к самому Вячеславу Ивановичу и 5 обращенных к семье; в фонде О. Шор пока обнаружено 64 письма Синьорелли, из которых в наст. публикацию включено 40.

Переписка Иванова с Синьорелли охватывает почти весь “итальянский” период жизни поэта, начиная с 1925 и кончая 1948 годом. Переписка Синьорелли с Шор датируется 1927-1970 годами.

За рамками публикации остались коллективные поздравительные открытки на русском и итальянском языках, хранящиеся в фонде Синьорелли (FSFC, в папке “V. I. Ivanov”), а также адресованные Иванову три недатированные записки Синьорелли (РАИ). Не включены и некоторые малосодержательные и дублирующие информацию открытки и письма Ольги Шор к Синьорелли (FSFC) и Синьорелли к ней (РАИ). Кроме того мы сочли возможным не включать позднюю переписку Шор с Синьорелли (1950-1970), продолжавшуюся после смерти Иванова: она отрывочна и мало информативна. Из корреспонденций на итальянском языке включена только одна представляющая интерес открытка; еще одно письмо Синьорелли военного времени, также написанное по-итальянски, мы используем в примечаниях, для пояснения публикуемого письма Вяч. Иванова.

25 писем из этого массива ранее напечатаны Эльдой Гаретто в публикации “Переписка Вяч. Иванова и Ольги Ресневич-Синьорелли” (ARI, III. P. 457-496). Из них 18 писем Иванова к Синьорелли напечатаны полностью, 2 письма Синьорелли к Иванову с лакунами разной величины: письмо от 17 февраля 1928 г. – с изъятием одной фразы, а от 13 февраля 1929 г. – фрагментарно. В приложение к этой публикации включены также 4 письма Шор к Синьорелли: от 7 февраля 1927 г. (это письмо напечатано полностью также в книге: *Una Russa a Roma. Milano* 1990), а также от 20 февраля, 8 марта 1930 г. и от 12 февраля 1932 г. (все три с лакунами или фрагментарно); в публикацию включено также 1 письмо Синьорелли к Шор от 6 марта 1930 г., напечатанное с сокращениями.

Следует иметь в виду, что фонд Шор находится в обработке, поэтому нельзя утверждать, что к настоящему моменту выявлены все письма Синьорелли к ней; не исключено, что в Римском архиве могут быть обнаружены еще и письма ее к Иванову. Для трех писем (см. №№ 23, 31, 87) удалось разыскать только фрагменты (или первые или последние

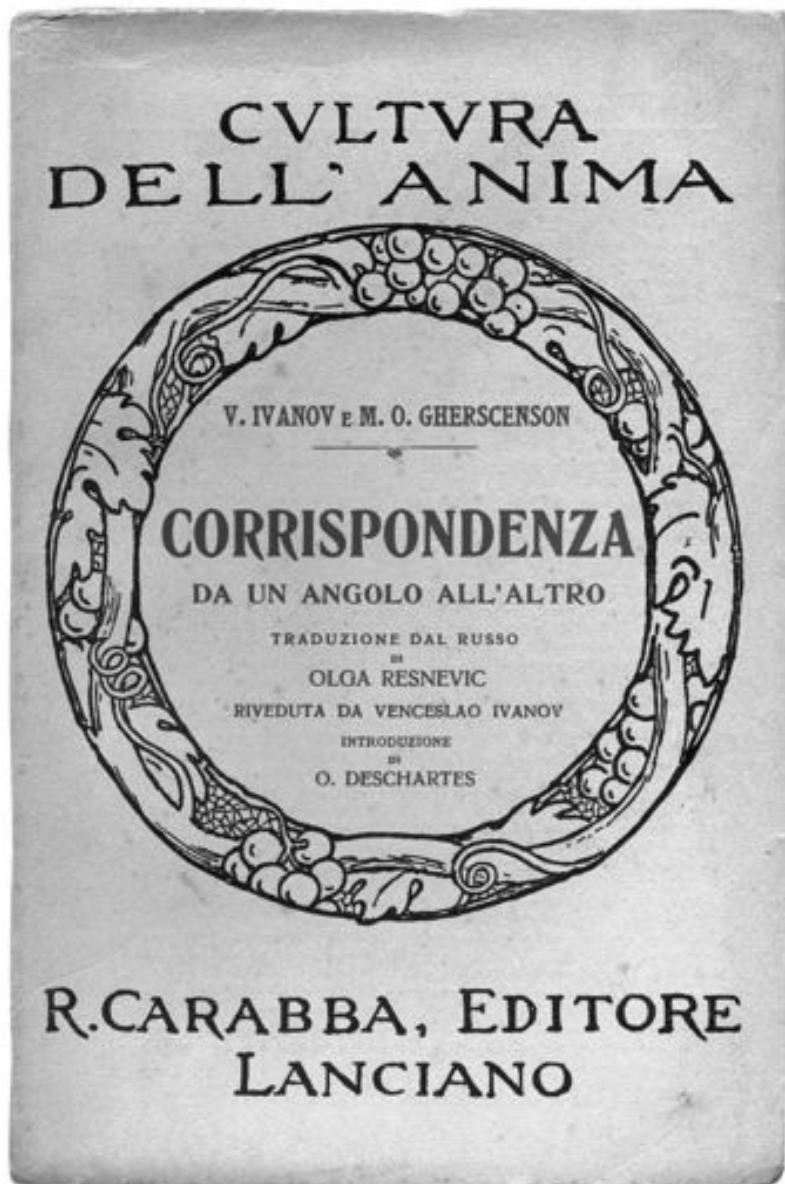
страницы). Однако мы решили включить их в настоящий корпус, поскольку они содержательны и даже в таком виде помогают восстановить “контекст” переписки.

Кроме того, было бы крайне желательно для понимания работы над переводом предисловия Шор, найти ранний его рукописный вариант на русском языке, который был значительно более обширен, а также последний, с правкой и вставками Иванова. Анализ этих материалов дал бы возможность установить, кому в большей мере (Иванову или Шор) принадлежит текст главы об Иванове. Иначе говоря, настоящая работа (как, впрочем, и ранее опубликованные домашняя переписка Иванова с детьми и его письма к Шор) вынужденно неполна и носит предварительный характер.

Тексты публикуемых писем печатаются по современной орфографии и пунктуации (старая орфография в письмах всех трех корреспондентов соблюдалась неполностью и непоследовательно), с сохранением индивидуальных особенностей стиля и орфографии корреспондентов, а также старым написанием фамилий и топонимов (например, Микель-Анджело, Санремо). В наибольшей мере это касается О. Синьорелли, язык и правописание которой имеет свои особенности и неправильности. Специально не помячая, мы сохраняем ее стилистические ошибки и грамматические неточности (неверные падежи, глагольный вид), итальянское написание слова “leggenda” в латинском контексте (вместо “legenda”), архаическое “сало” (вместо “зал”), итальянизированное “тимбр” (вместо “тембр”), “отпечатки” (вместо “опечатки”), “понемного” вместо “понемногу”, “почеркнуть” вместо “подчеркнуть”, прилагательного “Гетовского” вместо “Гётевского”, неверное написание некоторых фамилий и имен (“Гершенсон”, Вячеслав Иванович и т.д.)

Сокращения имен всех трех корреспондентов, часто встречающиеся в переписке (особенно в письмах Иванова и Шор), не раскрываются.

Уточнение и разыскание сведений по итальянским архивам и газетам для комментария были сделаны Аньезе Аккаттоли, которой мы выражаем глубокую признательность. Благодарим также Мартину Фиоре, которая предоставила нам составленную ею рукописную опись итальянской корреспонденции в Римском архиве Иванова, Андрея Шишкина за ряд ценных указаний и Ольгу Кельберт за помощь по разысканию и копированию писем Синьорелли в фонде О. Шор. Мы выражаем признательность Эльде Гаретто, оказавший нам большую помощь на первом этапе работы. Ценнейшие данные о выставках Марии Синьорелли были любезно предоставлены внучкой Синьорелли Джузеппиной Вольпичелли, которой мы также приносим глубокую благодарность.



Обложка итальянского издания “Переписка из двух углов”. 1932 г.

1

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

<Май 1925, Рим>¹

Понедельник

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна,

Благодарю Вас за присылку книги. То, что Вы задержали ее на день, нисколько меня не стеснило. Напротив, я рад, что чтение заинтересовало Вас.²

Я познакомился в Istituto per l'Europa Or<ientale> с Sig. Prezzolini.³ Он дал мне книжку для перевода на русский язык.⁴ Надеюсь, хорошо поговорить с ним в Вашем обществе.

Совершенно преданный Вам

Вяч. Иванов

¹ Датируется по содержанию. Судя по официальному тону – это первое письмо Иванова к Синьорелли.

² О какой книге идет речь, установить не удалось.

³ Джузеппе Преццолини (Giuseppe Prezzolini, 1882-1982) – писатель и журналист; в 1920-е гг. состоял в ученом совете Института по изучению Восточной Европы, основанного Этторе Лю Гатто в 1921 г. (просуществовал до 1944 г.).

⁴ См. в письме Дж. Преццолини к Вяч. Иванову от 19 мая 1925 г. предложение перевести и опубликовать по-русски роман Марио Собrero “Петр и Павел” (РАИ, ф. 5, № 126). О получении романа М. Sobrero для перевода Вяч. Иванов оповещал А. Н. Чеботаревскую в письме от 27 января 1925 г. (Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник РО ПД на 1997. СПб. 2002. С. 292). Посредником между Ивановым и московским издательством был В. Г. Лидин, который 21 июля 1925 г. оповещал Иванова: “...могу Вас слегка поздравить, т. к. сегодня я подписал за Вас соглашение с издательством относительно Вашего перевода Sobrero ‘Pietro e Paolo’ <...> *Перевести надо очень срочно* и написать страничку о Sobrero и романе” (РАИ, оп. 5, карт. 7, папка 7, л. 2). Перевод осуществлен не был.

2

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

3 сентября <19>25

Дорогой друг, вот прошли уже две недели, как мы находимся в убогом краю,¹ где я провела мое детство и где столько тосковала по солнцу. Да и теперь тоскую: каждый день идет дождь и дома зажигается печка. Но надо было отдать этот дом моим родителям² и дать им поглядеть детей. Вернусь в Рим в начале октября и очень мечтаю о нашей работе,³ жму Вашу руку. Ольга Ресневич

¹ Открытка с видом порта в Риге.

² Речь идет о родовом доме Синьорелли в Латвии в деревне Эмбурга, под Йелгова, который Ольга передавала в собственность родителям: матери Pauline Helene (урожд. Lullis; 1861-1938), и отцу Adolf Resnais (1859-1938). О детстве и жизни в этом доме см. в воспоминаниях Синьорелли: *Signorelli O. Memorie inedite // ARI, VI. T. 2. P. 145-157.*

³ Фраза дает основание предположить, что уже в самом начале знакомства Ольга Синьорелли и Вяч. Иванов планировали какую-то совместную переводческую работу.

3

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

5 мая <19>26

Патмос

Дорогой друг, приехала сюда¹ неделю тому назад на броненосце и собиралась уехать на парусной лодке, но ветер что-то не является, и уеду на Лерос сегодня на пароходе, который проезжает тут раз в неделю.

Часть души оставляю я на Патмосе, и большая и главная часть уже осталась в Афинах. Родос – это великолепиие, но мне родны Патмос и Афины. Жму руку. О. Синьорелли

¹ Синьорелли отдыхала на островах Родос, Лерос и Патмос у своего старого друга, Марио Лаго, губернатора Додеканеса – архипелага в юго-восточной части Эгейского моря, тогда принадлежащего Италии (см. об этом путешествии подробнее в письме к Н. Н. Берберовой от 29 апреля 1926 г. в наст. томе).

4

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

14 февраля 1927

<Павия>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Отлученный так давно от общения с Вами, я сильно соскучился по прежней возможности частых свиданий и обмена, хотя бы при посредстве легчайших намеков, взаимными вестями о текущих сновидениях двух параллельно движущихся душевных жизней. Ведь достаточно было сказать одному из нас: “пустыня”, другому – “море”, чтобы каждый мог угадать душевный пейзаж другого: каждый продолжал свое странствование, но оба странники шли вперед и не теряли друг друга из вида; и каждое мгновение возможна была радостная встреча на общем перепутье.

А теперь нет между нами не только встреч, но и переключки, и мне грустно...

Я, эгоистически и вполне прозаически, заставляю Вас и Вашего бесконечно доброго и милого супруга² думать и беспокоиться о моих делах и горячо благодарю за это Вас обоих. Не знаю, дали ли римские власти здешним властям требуемое разрешение, – должно быть, да! – но лекции мои в здешнем университете успешно состоялись.³

Что касается будущего, оно совершенно неопределенно. Передайте Вашему мужу, с моим сердечным приветом, выражение моей глубокой признательности за все его попечения обо мне и о его пациентке, моей дочери, но вместе – увы! – и новую (или, пожалуй, уже не новую, а только возобновляемую) очередную просьбу от Ольги Александровны Шор.⁴ Я слишком знаю, как мы надоедаем Вам просьбами о поддержке ходатайств об итальянских визах, и может быть справедливо было бы, если бы Вы решились отстраниться наконец от всякого дальнейшего действия в этом направлении. Но за Шор я должен просить совсем особенно. Она – мой преданный друг, ведет с полным самоотвержением все мои дела в России, спасает меня там непрерывно, добывает мне деньги, бережет мое добро, устраивает издания моих работ (теперь, благодаря ей, печатается в Москве мой Эсхил⁵) и пр. Я ей бесконечно обязан. И она – чудесный и образованный человек. Ее работа о Микель-Анджело замечательна.⁶

Цель ее итальянского путешествия – изучение Микель-Анджело. Ее официальная командировка от московской Академии Художественных Наук (которая издает и моего Эсхила) – завязать кое-какие отношения между Академией и итальянскими институтами, изучающими искусство с научной точки зрения, а также помочь в деле устройства русского отделения на выставке в Monza-Milano.⁷ Живет она исключительно интересами искусства и философии, да практическим альтруизмом, и принадлежит к известной в Москве музыкальной семье Шоров (ее дядя – пианист, профессор московской консерватории и бывший директор частной консерватории,⁸ отец имел фабрику роялей).⁹ Я приглашаю ее письмом к Вам. Ее двоюродного брата я однажды Вам представил в Риме.¹⁰ Теперь она в Германии, где читает какие-то лекции по искусству или философии, и стремится в страну своего излюбленного Микель-Анджело.

Что же делать? – и это письмо только деловое, – но ведь не едете Вы опять на волшебные острова, и мы все же увидимся в июне, в Риме, не правда ли? Не изменяйте нашей дружбе! Дружески Ваш

Вячеслав Иванов¹¹

¹ Конверт с типографским колонтитулом Collegio Borromeo.

² Анджело Синьорелли (Angelo Signorelli, 1876-1952), хирург, пневмонолог. О нем см.: *Rizzi D. Olga Signorelli nella storia culturale italiana della prima metà del Novecento // ARI, VI. T. 2* (по указ.).

³ Лекции под общим названием “Религиозная мысль в современной России” были прочитаны Ивановым в Павийском Университете в конце января 1927 г.; о них подробнее см. в “Воспоминаниях” Лидии Ивановой (*Иванова Л. Воспоминания об отце. С. 171-172*) и в примеч. к письму Иванова О. Шор от 9 декабря 1926 г., где он впервые упоминает подготовку к ним (*ARI, III. P. 247*).

⁴ Эта просьба была высказана О. Шор в письме к Иванову от 7 февраля 1927 г., где она пишет, что боится промедления с итальянской визой и просит Иванова (который ей предлагал “мобилизовать проф. Синьорелли”) обратиться к профессору и “двинуть дело в Министерстве” (Там же. P. 252).

⁵ Речь идет о неудавшейся попытке Вяч. Иванова напечатать в задуманной А. В. Луначарским и Н. К. Пиксановым серии “Русские и мировые классики” (Госиздат) перевод трагедий Эсхила, подготовленный им для издательства Сабашникова еще до революции. О. Шор занималась передачей рукописи от Сабашникова издательству, подбирала редактора, корректора и т. д.; были также проекты устроить переводы в издательство ГАХН. См. об этом в письмах Иванова Шор, начиная с 11 июля 1926 г., до ее отъезда в Берлин (*ARI, III. P. 229-230* и след.), а также в статье: *Котрелев Н. В. Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии. М. 1989. С. 497-522*.

⁶ Публикацию эссе О. Шор о Микеланджело см.: *ARI, VIII. P. 217-278*.

⁷ Речь идет о Третьей международной выставке изобразительных искусств в городе Monza, близ Милана, на Villa Reale, организованной в 1927 г. Экспозиция СССР располагалась в нескольких залах; значительная часть экспонатов состояла из произведений народного творчества, кроме того были представлены работы В. Фаворского и макеты и фотографии двух постановок Мейерхольда: “Ревизор” Гоголя и “Мандат” Эрдмана. См.: *Terza Mostra Internazionale delle Arti Decorative. Catalogo. Milano 1927. P. 56-71*.

⁸ Давид Соломонович Шор (1867-1942) – пианист и педагог.

⁹ Александр Соломонович Шор (1864-1939) – владелец фабрики роялей.

¹⁰ О контактах Е. Д. Шор с Синьорелли см. в преамбуле к его переписке во втором томе наст. издания.

¹¹ К письму приложено ходатайство (по-итальянски) за О. Шор в итальянское консульство в Берлине, с указанием целей ее поездки в Италию: установление связей с итальянскими институтами по изучению искусства, научные библиографические исследования и организация русского отделения на выставке в Monza-Milano (FSFC).

5

О. Шор – О. Синьорелли

7. II. 1927 г.¹

<Дрезден>

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна,
пишу Вам по поручению Мейерхольда, обеспокоенного Вашим молчанием в ответ на его просьбу о Вашей рукописи.

Зинаида Ник<олаевна>² надеется, что письма ее до Вас дошли и Вы уже знаете, что издательство Мейерхольда стало исключительно театральным и Ваши “Воспоминания о Дузе” Всево<олод> Эм<ильевич> хочет как можно скорее печатать.³ Остановка только за Вами. Если Вам угодно, чтобы книга Ваша в ближайшем будущем появилась, благоволите немедленно направить ее в Москву. Театр Мейерхольда собирается в Европу; рукописи Вашей не следует запаздывать; иначе дело может затянуться. Во всяком случае, каковы бы ни были Ваши желания и решения, пожалуйста, напишите Зинаиде Николаевне письмо. Она его очень ждет.

К просьбе Мейерхольда решаюсь прибавить совсем на нее непохожую просьбу, лично свою. Мне необходимо для окончания научной работы о Микель-Анджело побывать в Италии. Что я еду именно с этой целью, может подтвердить Вячеслав Иванович, которому я имела честь и радость свою работу еще в Москве частично прочитать.

Я Вам не знакома, но я так много от друзей своих слышала об Вашем живом интересе к научным и художественным начинаниям и о доме Вашем, как о месте встреч всех людей, так или иначе причастных артистическому или ученому миру, что решаюсь обратиться именно к Вам.

Дело мое обстоит следующим образом: 28 или 29 января на основании моей академической командировки русское полпредство в Берлине послало просьбу о визе в итальянское представительство. К ноте приложена копия моего мандата, данного мне Академией Художественных Наук. К Вам и мужу Вашему большая просьба двинуть мое прошение в Министерство. Все наши с Вами общие друзья могут подтвердить Вам, что я человек – совершенно аполитический и доверия Вашего никогда не обману.

Простите меня за беспокойство.

Мейерхольды просили передать Вам и супругу Вашему сердечный привет, к которому я unbekannterweise⁴ присоединяю свой.

Готовая к услугам О. Шор.

¹ Из письма О. Шор к Вяч. Иванову, датированного тем же числом (7 февраля 1927 г. из Дрездена), следует, что она послала ему два письма для пересылки Синьорелли: “Теперь в письмо мое к Вам вкладываю 2 письма к О. И. В одном я только выполняю поручение Зин<аиды> Ник<олаевны>, в другом – прибавляю просьбу о визе. Пожалуйста, прочтите оба письма и вложите в свое письмо к Синьорелли то, которое найдете более подходящим. Мне кажется, что лучше послать то, в котором я пишу о визе...” (ARI, III. P. 253). В следующем письме к Шор от 11 февраля Иванов указывает, что на днях перешлет Синьорелли более длинное письмо, “с упоминанием о визе” (Там же. P. 255), т. е. настоящее письмо; первое краткое письмо в FSFC отсутствует; не обнаружено оно и в РАИ.

² Зинаида Николаевна Мейерхольд-Райх (1894-1939) – актриса, вторая жена Мейерхольда. В фонде Синьорелли сохранилось два ее письма от 1925 и 1926 гг. (ARI, VI. Т. 1. Р. 61). О встречах с З. Н. Райх и В. Э. Мейерхольдом в Риме в 1925 г. см. в воспоминаниях О. Синьорелли (ARI, VI. Т. 2. Р. 239-241).

³ Речь идет о несостоявшемся проекте книги О. Синьорелли об Элеоноре Дузе в кооперативном издательстве “Театральный Октябрь” при Театре им. Мейерхольда. Подробней об этом см.: *Котрелев Н. В., Мальковати Ф.* Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх: (1925-1926) // НЛО. 1994. № 10. С. 278-280.

⁴ Хотя и не знакома (*нем.*).



О. А. Шор в начале 1920-х гг.

6

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

18 февраля <1928>,¹ Рим

Via XX Settembre 68

Дорогой Вячеслав Иванович,

уже две недели, как собираюсь Вам писать, чтобы Вас использовать. Несколько лет тому назад переводя “Святой ночью” Чехова, не сумела справиться с этими несколькими строками из акафистов, кот<о-рые> писал какой-то монах.

Теперь есть случай печатать этот рассказ,² и я буду Вам бесконечно признательна за помощь.

Простите такую дерзость использования.

Как Вы уже знаете, Caffi³ уехал во Францию. Я очень рада за него, хотя в духовном отношении с его отъездом моя духовная жизнь в Риме стала гораздо беднее.

Видаю иногда Ольгу Александровну, но очень уж редко...

Знаю, что Дима⁴ продолжает чувствовать себя хорошо, но давно к нему не заезжала.

Надеюсь сделать это на следующей неделе.

Работаю понемного, но без увлечения и без размаха.

Мне всегда кажется, что здесь, в Риме, что-то очень тяжелое давит надо мною, или какие-то чужие магнетические токи высасывают мою силу и разлагают волю.

Крепко сердечно жму Вашу руку. Ваша Ольга Синьорелли

[приписка]

Дорогой друг,

нашла еще эти несколько строк, с которыми не знаю, как справиться... Простите.⁵

Я еще опьянена впечатлением *полета*, который совершила сегодня... Как все мелко и ничтожно с высоты! Колизей, Quirinale, S. Pietro – самый Рим, – все какие-то ничтожные игрушки!..

Всего Вам наилучшего и сердечно жму руку Ольга Синьорелли

¹ Датируется по штемпелю на конверте.

² Перевод рассказа опубликован не был.

³ Андреа Каффи (Andrea Caffi, 1897-1955) – журналист, философ, переводчик, меньшевик, антифашист. Родился в Москве. После ареста в 1908 г. уехал за границу. В 1919 г. вернулся в Россию и был снова арестован. В 1923 г. перебрался в Италию, откуда из-за ухудшения политической ситуации переехал во Францию. Подробнее о нем см. в кн.: Bianco G. Un socialista irregolare; Andrea Caffi intellettuale e politico d'avanguardia. Cosen-

za 1977; *Venturi A. Rivoluzionari russi in Italia 1917-1921. Milano 1979. P. 141-144. Bresciani M. La rivoluzione perduta. Andrea Caffi nell'Europa del Novecento. Bologna 2009.* Его переписку с Синьорелли, подготовленную Д. Рицци, см.: *Rizzi D. "L'amicizia non è una vana parola". Lettere di Andrea Caffi a Olga Signorelli // ARI, V. P. 347-402.* Об отношениях Каффи с Ивановым см.: Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Кутузова. Подгот. текста и комментарии А. Шишкина // *Europa Orientalis. 1989. С. 498-499.*

⁴ Сын Вяч. Иванова Д. В. Иванов в это время находился в санатория итальянского Красного Креста "Cesare Battisti" в Риме, где лечился в связи с легочным недомоганием. См. о нем в письме О. Шор к Иванову от 14 февраля 1928 г.: "Сейчас вернулась от Димы. Он весел, прибавил еще 1,5 ф. Полный. Розовый" (ARI, III. P. 282).

⁵ К письму приложены три выписки из рассказа Чехова "Святой ночью". Ивановский перевод второй и третьей цитаты опублик.: ARI, III. P. 455. Приводим цитату под номером 1, перевода которой не сохранилось ни в архиве Иванова, ни в архиве Синьорелли: "К примеру сказать вам, первый кондак везде начинается с 'возбранный' или 'избранный'.. Первый икос завсегда надо начинать с ангела. В акафисте к Иисусу Сладчайшему, ежели интересуесть, он начинается так: 'Ангелов творче и Господи сил', в акафисте к Пресвятой Богородице: 'Ангел предстатель с небесе послан быть', к Николаю Чудотворцу: 'Ангела образом земнаго суща естеством' и прочее. Везде с Ангела начинается" (*Чехов А. П. ПСС: В 30 т. Т. 5. М. 1976. С. 97*).

7

Вяч. Иванов - О. Синьорелли

24 фев<аля 19>28

Павия¹

Дорогая Ольга Ивановна,

с удовольствием выполнил я Ваше приятное поручение: перевод прилагаю.²

Мне тяжело слышать, что Вы так часто испытываете угнетенное душевное состояние. Здесь есть несомненно доля самовнушения, которое Вам легко победить собственным усилием, потому что Вы умеете становиться духовно выше жизни. Найдите в себе силу для этого действия высшей воли, выйдя из границ тесного личного я. Кто знает в себе свое высшее я и может минутами прильнуть к нему всецело и почувствовать себя всецело в нем, в этом высшем я, – тот должен положить свои невидимые руки на плечи своего низшего земного я и вести его, куда хочет, как ребенка, – и как ребенка, ободрить его, отогнать от него всякий страх и уныние, вдохнуть в него силу и радость.

Я также рад, что Каффи решился уехать во Францию и взглянул на дело просто, здорово и правильно, но мне также будет жаль не найти его на Пасхе в Риме. Ольга Александровна хворала флебитом ноги, что меня тревожит; может быть поэтому Вы ее видите редко, и это очень жаль.

Я, к сожалению, никогда не испытывал впечатление полета. Но напрасно, взглянув на Рим с воздушной высоты, Вы нашли мелкими и ничтожными человеческие творения. Поверьте, что одна клеточка нашего мозга содержит в себе больше ценности и вечности, чем любая междупланетная пустота. Не нужно поклоняться Пространству, как и Времени, и признавать власть этих двух призраков над нами.

О Диме я слышу хорошее, но далек от оптимизма... Благодарю Вас и Вашего мужа за все ваши драгоценные заботы о нем.

Желаю Вам душевной бодрости, Ясности и вдохновения.

Дружески Ваш всецело

Вяч<еслав> Иванов

¹ Конверт с типографским колонтитулом Collegio Borgomeo.

² См. об этом в письме Вяч. Иванова Шор от 26 февраля 1928 г.: “А для О. И. (которая горько жаловалась на Вас за редкие свидания) я перевел на итальянский ряд чеховских цитат из акафистов” (ARI, III. P. 295).

8

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

7 марта <1928>¹

Рим

Дорогой Вячеслав Иванович,
простите, как всегда прощали, мое долгое молчание на Ваше доброе письмо.

Очень, очень Вам благодарна за немедленное исполнение моей просьбы, за чудный перевод,² и главным образом за Ваше сочувствие к моему душевному угнетению.

Мое теперешнее молчание будет прощено, если Вам скажу, что Ваши строчки отогнали мгновенно мой страх и уныние, и что за это время работала с бодростью, какой не знала уже давно.

Видаю довольно часто Ольгу Александровну, и беседа с нею для меня всегда большое ободрение и счастье.

Была у Димы и нашла его гораздо лучше, чем когда Вы его оставили. И верьте мне, что это *не только от оптимизма*.³

Желаю Вам всего наилучшего и сердечно жму Вашу руку

Ваша Ольга Ресневич Синьорелли

¹ Датируется по содержанию.

² Речь идет о переводе фрагментов из рассказа Чехова “Святой ночью” (см. об этом в предыдущем письме).

³ Цитата отсылает к строкам из письма Иванова № 7 от 24 февраля 1928 г. В папке с письмами Иванова Синьорелли имеется еще его открытка, посланная Вяч. Ивановым – Лидии от 25 мая 1928 г., содержащая только сведения о состоянии Димы и расчетов на медицинские расходы, из которых следует, “что надо бежать в Швейцарию” (FSFC). В РАИ (в фонде О. Шор) сохранилась справка на французском языке, за подписью Анджело Синьорелли с указанием, что по состоянию здоровья Дмитрий Иванов должен покинуть Италию и уехать на лечение и проживание с 1928 по 1934 гг. в Швейцарию. 28 декабря <1928> Дмитрий писал О. Синьорелли из Давоса: “Здесь надеюсь кончить мое лечение совершенно, ибо доктор собирается весной или летом прекратить пневму. <...> Это было бы очень хорошо, если я смог бы отсюда уехать прямо в какой-то город или городок в Альпах и там кончить школу <...> по всей вероятности я останусь в Швейцарии или во Французских Альпах. Здесь несколько очень хороших гимназий у бенедиктинцев” (FSFC).

9

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

28 апреля <19>28

Pesto

Вспоминаю Вас сердечно и шлю сердечный привет. В душе, в памяти живут Ваши слова из наших бесед старого спокойного времени. Tempio di Vesta стоит, а Basilica бежит, бежит...¹ Ольга Синьорелли

¹ Фраза отсылает к виду на открытке Храма Нептуна и Базилики в Пестуме.

10

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

27 мая 1928

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

Вы меня знаете, как знают друга. Вы понимаете и недосказанное и вовсе не сказанное... Вы знаете, как я переживаю в глубине души все, что Вы делали и делаете для Димы и нас с Лидией. Вы читаете в моей душе ту огромную, незабвенную благодарность, для выражения которой я напрасно стал бы искать слова, которые бы не уменьшали того, что я хотел бы сказать. Примите мой почти немой знак признательности – так, как я желал бы, чтобы Вы его *душевно* расслышали!..

Мне пишет Ольга Александровна, которая любовно-чутко к Вам прислушивается, что Вам опять взгрустнулось.¹ Правда ли? Мужества, духовного мужества, дорогая! Перед Вами такое широкое поле чудесной деятельности, прекрасной полноты духа, всевозрастающего постижения...

Вероятно, я буду в Риме: увидимся ли? поговорим ли, как некогда, в “прежнее спокойное время”.² Вы сердечно тронули меня милым приветом из Пестума.

Ваш бесконечно благодарный и преданный друг.

Вяч<слав> Иванов

¹ Речь идет о письме Шор к Иванову от 25 мая 1928 г., в котором она просит написать О. Синьорелли “дружески благодарное, очаровывающее, бескорыстное, а отнюдь не очередное деловое письмо” (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 5, л. 15). В следующем письме от 3 июня она сообщает: “Синьорелли в восторге от Вашего письма” (Там же, л. 19об.).

² Парафраз из предыдущего письма Синьорелли (см. выше).

11

О. Синьорелли – О. Шор

17 августа <19>28

<Капри>¹

Дорогая Ольга Александровна,

что Вы говорите о какой-то поездке?² Неужели я Вас не застаю в конце августа в Риме? Не пугайте меня! И наш полет? Знаете, что он может состояться по нашему желанию в любой день после моего приезда в Рим? Пришлите мне сейчас данные о детях Кайдалова.³

Переписка Вяч. Иванова и Гершенсона выйдет в конце сентября. Прошу Вас приготовить краткое введение, хоть в нескольких словах.

Обнимаю Вас. Ольга

¹ Открытка с видом: Capri. Strada Cesare Augusto.

² В открытке от 12 августа 1928 г. О. Шор писала Синьорелли: “Не знаю, останусь ли теперь в Риме; о планах своих напишу, лишь только узнаю их сама” (FSFC).

³ Вероятно, речь идет о детях М. Кайдалова, доктора богословия в Бельгии, корреспондента Вяч. Иванова. В письмах к О. Шор Вяч. Иванов шутливо называет его ее “пасынком” (ARI, III. P. 310, 382).

12

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

1 января <19>29, Cortina d'Ampezzo

С Новым годом, дорогой друг, и лучшие мои пожелания. Приехала сюда с девочками на 3-4 дня¹ и надеюсь узнать о Вас от Ольги Алекс<андровны>.² Была душевно и духовно с Вами, встречая Новый год. Жму руку. Ольга Синьорелли

¹ На открытке с видом горы Pore на Доломитовых Альпах (Passo Giau).

² 11 января 1929 г. Вяч. Иванов в письме к О. Шор, перечисляя поджидавшую его в Падуе корреспонденцию, упоминает и эту “милую открытку с гор” от Синьорелли (ARI, III. P. 342).

13

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

Рим, 13 февраля <19>29

Via XX Settembre 68

Дорогой Вячеслав Иванович,

дня три тому назад послала Вам книжку “Кровь и Мед”¹ и очень Вас прошу вернуть мне ее как можно скорее. Надеюсь, что до понедельника Вы успеете и прочесть и выслать ее обратно. Прошу Вас, напишите и Ваше впечатление об этой книжке, которая показалась очень интересной и мне, и Ольге Александровне, так что вместе и порешили послать Вам ее.

Я часто выдаю Ольгу Александровну, которая к моему огромному счастью, все откладывает свою поездку в Неаполь.² Каждый день вспоминаем и Вас и на прошлой неделе провели целый вечер в восторженном общении с Вами, читая Вашу поэзию.

Была бы очень благодарна, если бы Вы могли мне вернуть просмотренный Вами перевод. Издаст его *Carabba*³ в коллекции “La cultura dell’anima”, и так как я требую, чтобы книжка вышла не позже мая, надо делать контракт не позже конца февраля.

Пишите мне.

Сегодня “La commemorazione di Onofri”,⁴ куда пойду с Ол. Ал.

На улице идет снег и крутится в виде метели. На душе сегодня грустно.

Пишите мне.

Была два раза в Министерстве, чтобы хлопотать о премии для Лидии,⁵ но человек, от которого это зависит, продолжает быть больным. Но я его знаю и Casella⁶ его знает, и будьте спокойны, что это все уладится.

Жму крепко и сердечно Вашу руку

Ольга Синьорелли

¹ Речь идет о романе Н. И. Колоколова (1897-1933) “Мед и кровь” (опубл. в 1928 г.), который Синьорелли позже перевела для издательства Mondadori (*Kokolov N. Miele e sangue / Traduzione di Olga Signorelli. Milano: Mondadori, 1931*).

² О. Шор уехала в Неаполь 17 февраля 1929 г., о чем оповестила Иванову в письме от 17 февраля 1929 г. (РАИ, оп. 5, карт. 13, папка 6, л. 13).

³ Издательство Carabba было основано в 1880 г. Рocco Carabba (1854-1924), в 1920-1930-х гг. активно занималось изданием переводов русских книг; после смерти издателя его дело продолжил сын Giuseppe Carabba. У него Синьорелли выпустила также перевод избранных писем Ф. М. Достоевского: *Dostojevskij Fjodor. Lettere / Scelte e tradotte da O. Resnevic Signorelli*. Lanciano: G. Carabba editore, 1928. Об издательстве см.: *La casa editrice Carabba e la cultura italiana ed europea tra Otto e Novecento / A cura di Gianni Oliva*, Roma: Bulzoni, 2000. Это письмо имел в виду Иванов, когда писал Шор 3 марта 1929 г., что Синьорелли “бомбардирует” его “требованиями неотложной высылки ее перевода ‘Переписки из двух углов’” (ARI, III. P. 353).

⁴ “Заседание памяти Оноффри” (*ит.*). Артуро Оноффри (Arturo Onofri, 1885-1928) – поэт-антропософ, штейнерианец. Его книги сохранились в римской библиотеке Иванову. В письме Иванову от 15 января 1929 г. О. Шор писала: “Видела я Ольгу Ивановну. Она огорчена смертью Оноффри, случившейся на Рождестве” (ARI, III. P. 346). В ответном письме от 23 января Иванов сообщает, что узнал о смерти Оноффри из газет (Там же. P. 350).

⁵ В этом году Лидия получила премию композиторов. В письме от 16 марта 1929 г. она писала Синьорелли: “Как я Вам благодарна за Вашу помощь и хлопоты по раздобыванию моей премии. В особенности тронута я этим, т. к. боюсь, что это было Вам не просто и даже может быть неприятно. <...> Узнала я о том, что премия моя реализована совсем недавно от одной служащей в канцелярии S-ta Cecilia, которая мне написала поздравительное письмо” (FSFC).

⁶ Альфредо Казелла (Alfredo Casella, 1883-1947) – композитор, пианист и дирижер, один из влиятельнейших деятелей итальянской музыкальной культуры и общественности 1920-1930-х гг.; близкий друг Синьорелли. В FSFC сохранилось много писем Казеллы и его жены (ARI, VI. Т. 1. P. 27-28). Обширные сведения о его отношениях с Синьорелли см. в: ARI, VI. Т. I-II (по указ.).

14

Вяч. Иванов - О. Синьорелли

17. II. <19>29

<Павия>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

Книжку “Мед и кровь”, я надеюсь, Вы уже получили обратно. Благодарю Вас за присылку. Она, конечно, очень любопытна. У автора есть дарование. К сожалению, он испортил свой вкус чтением Андрея Белого, которому часто подражает робко и фальшиво. Главная неудача Колоколова – натянутая идеализация отвратительного чекиста. Или автор покривил душой (что есть художественное самоубийство), или он просто плохой художник, потому что крупный художник не может так грубо ошибиться в исследовании сердца человеческого. Притом и исторически изображение Накатова кажется неверным: кровавая школа

эзэрского террора, основанная на совсем других нравственных уклонах и соблазнах, накатовской психологии, по-видимому, не порождала. Одно утешение: Накатов умирает естественной смертью. В символическом истолковании это значит, что накатовщина умрет сама собою. В общем, автор служит и нашим, и вашим: Госиздат доволен прославлением Чеки; враги революции могут быть довольны яркой картиной постепенного развращения народной души. Книжка мне не понравилась: ни в ее “меду”, ни в ее “крови” равно нет веры в Бога. Уже по одному этому Госиздат прав со своей точки зрения, распространяя ее в массах.

Простите мою долгую задержку Вашего перевода. Многочисленные занятия, отложив которые было или во внешним обстоятельством невозможно, или по духовным запросам мучительно, отнимали у меня все время. Постараюсь теперь спешно сделать эту работу, хотя *incarico*² в университете еще увеличило мои повседневные заботы.

Неожиданно скорая кончина незабвенного Onofri глубоко меня огорчила; о нем моя душевная дума.

Благодарю Вас от души за добрые хлопоты о премии Лидии, и рад, что Вы не теряете надежды на успех. Лидия посылает Вам вышедшие на этих днях из печати свои детские песенки о “pane nostro”.³ Приветствуйте от меня Вашего супруга сердечно.

Верьте в мою неизменную, крепкую, глубокую и благодарную дружбу.

Ваш Вяч<еслав> Иванов

¹ Конверт и бумага с типографским колонтитулом Collegio Vogameo.

² Временное место (по договору) (*um.*). В декабре 1928 г. Иванову была предложена должность преподавателя русского языка в Павийском университете, о чем он сообщил сыну 6 декабря 1928 г., оповещая его, что ректор “формирует две группы для русского языка в университете” (Символ, № 53-54. С. 587). “Официальное назначение в университет, *incarico di lingua russa*” произошло в феврале, о чем Иванов сообщает Шор в письме от 10 февраля 1929 г. (ARI, III. P. 351). В фонде Исторического архива Павийского университета (ASU PV) сохранилось три журнала занятий Факультета литературы и философии (*Lettere e filosofia corsi*), в которых имеются записи рукой Иванова, с темами лекций: журнал за 1928-29 уч. г. (B1439 fasc. 2), за 1929-30 уч. г. (B2760 fasc. 1) и за 1930-1931 уч. г. (B2760 fasc. 2). Первая запись в них относится к 19 февраля 1929 г., когда Иванов прочел вводную лекцию “Место русского языка в системе индоевропейских и группе славянских языков” (B1439 fasc. 2 - название по-итальянски). Отсылка Синьорелли письмо, он, вероятно, готовился к этой первой лекции. Выражаем благодарность Марии Пиа Пагани, любезно предоставившей нам возможность ознакомиться в Историческом архиве Павии с этими документами.

³ 16 марта 1929 г. Лидия в письме Синьорелли пишет: “Была долго в Милане, где готовила свои песни для ‘Feste del grano’. Я послала на имя Фламинги экземпляр для Вас, но она как раз в тот день уехала в Неаполь, и к Вам книга, очевидно, еще не по-

пала"; и далее указывает, что снова собирается в Милан на исполнение детской пьесы "Pane Nostro", к которой она написала 9 детских песен (FSFC). См. об этом также в ее письмах от 13 апреля 1928 и 13 января 1929 г. (FSFC). Подробнее об участии в "Празднике хлеба" см.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 223-224.

15

О. Синьорелли – Вяч. Иванову

27 февраля <19>29

Рим

Дорогой Вячеслав Иванович,

очень Вам благодарна за сердечное письмо и простите, что в ответ надоедаю Вам просьбой прислать мне как можно скорее рукопись "Переписки из двух углов".

Понимаю прекрасно, какая это для Вас скучная работа и как это Вас отвлекает от Вашей работы, и все-таки не могу не попросить Вас (и мне очень трудно просить, так как я же знаю, как Вы заняты и сколько Вам и без меня разных забот), и я все-таки обязана попросить Вас поработать и для меня. Sarabba надоедает мне почти ежедневно и грозит, что если книжка не будет набрана в марте, она не выйдет <раньше> как к Рождеству, а если будет набрана в марте – выйдет в апреле.

Просила Sarabba подождать до воскресения – а теперь умоляю Вас не отказать мне Вашей помощи.

Сердечно жму Вашу руку Ольга Синьорелли

16

О. Шор – О. Синьорелли

2 марта <19>29 г.

Сорренто

Сию минуту, родная, получила Ваше письмо.¹ Отвечаю (чтобы ответить моментально) на ходу, в *tabaccheri*'и.² Потому пишу лишь несколько слов. Много о Вас думала; очень жду предстоящего (Бог даст *скоро* предстоящего) разговора с Вами. Завтра зайду к Алекс<ею> Макс<имовичу>³ и передам Ваш привет. В Неаполе нашла бездну неожиданно интересного, касающегося Микель-Анджело. Помпея меня пронзила. В Пестум скоро отправлюсь.

Вам обо всем напишу. Сердечный привет Вашим. Вас крепко целую и глубоко помню. Ваша О. Шор

¹ Это письмо Синьорелли в фонде Шор не обнаружено.

² Табаккерия – маленькая лавочка, где продаются сигареты, табак, марки и другие вещи, подлежащие оплате государственной пошлины. Рядом с табаккерией находился почтовый ящик.

³ Максим Горький. Визит к нему Ольга Шор подробно описала в письме Вяч. Иванову от 3-6 марта 1929 г. (частично опубл.: АRI, III. P. 356-357).

17

Вяч. Иванов – О. Синьорелли

3 марта <19>29

<Павия>

Дорогая Ольга Ивановна,

Окончив работу со всей спешностью, какая только была возможна, высылаю Вам рукопись заказной и *espresso*.¹ Но прошу Вас прислать мне *bozze*,² потому что рукопись все же не в полном порядке, и много в ней мест трудных и сбивчивых для набора, и я не уверен, все ли еще заметил, что нуждалось в исправлении. Напишите мне, получена ли рукопись и какова ее судьба. Сердечный привет. Простите задержку и постарайтесь печатать немедленно.

Преданный Вам

Вяч. Иванов

¹ Речь идет о посылке рукописи перевода Синьорелли “Переписки из двух углов”.

² Гранки (*ит.*).

18

О. Синьорелли – О. Шор

31 августа <1929>¹

Капри

Дорогая Ольга Александровна,

всего несколько слов в ответ на Ваше письмецо, которое я ожидала с нетерпением и тоскою.²

Я никогда не сомневаюсь в верности людей, в которых если уж поверю, то раз навсегда, так что не то, что сомневалась в Вашей дружбе, но очень беспокоилась, что или с Ел<еной> Ал<ександровной>³ или с Вами что-то не ладно.

Очень меня успокоило и обрадовало Ваше письмо, полученное вчера вечером.

Я возвращаюсь в Рим 2-го сентября и останусь там до 20-го, и тогда, мне кажется, придется ехать в Мессину дней на десять. Если не поеду в Мессину, поеду в Олевано⁴ или буду работать в Риме.

Получила книгу Эрна о Джиоберти,⁵ и от души Вам благодарна. Очень и очень она мне пригодится!

Мария мне ее привезла распакованную из Рима и, не зная адреса жены Эрна⁶ и не зная Вашего адреса, не знала кому написать и кого благодарить.

Очень буду ждать Вашу рукопись и сейчас возьмусь за перевод.⁷ Очень была бы Вам благодарна, если бы Вы помогли мне доставить <так!> рецензии о Дузе в России. Может быть кто-нибудь может там найденное списать платно, и я бы вернула Вам деньги. Это ведь довольно большая работа, и требовать такую вещь даром очень неловко.

Я тут немного работала, но главным образом приводила в порядок разные записки. Очень Вам благодарна за адрес книжного магазина.⁸ Закажите ему для меня полное собрание сочинений Есенина,⁹ вторую часть дневника¹⁰ и письма Блока,¹¹ если имеется, то ту биографию Чехова, вышедшую недавно,¹² о которой мне говорила баронесса Будберг,¹³ и, если нет рассказов,¹⁴ то “Братья” Федина.¹⁵ Кто это такое Гезманов?¹⁶ Никогда не слыхала. Выберите то, что Вам кажется для меня интересным. Вы ведь знаете, что “современная” беллетристика меня интересует, насколько она мне может пригодиться для перевода. Другое дело письма, документы жизни. Но выберите Вы, и будет хорошо. У меня нет последних рассказов Толстого.¹⁷

Целую Вас сердечно и жду Вашего возврата. Обнимите за меня Ел<ену> Ал<ександровну> и преподнесите ей от моего имени цветы на выздоровление.

Ваша Ольга

¹ Датируется по содержанию.

² Этого письма Шор в фонде Синьорелли не выявлено.

³ Елена Александровна Ковалева-Пельцер (1898-?) – кузина О. Шор по матери, первая жена и кузина Е. Д. Шора; летом 1929 г. перенесла тяжелую операцию, в связи с запущенным туберкулезом почек. Июль, август и почти весь сентябрь О. Шор жила в Париже и ухаживала за больной сестрой.

⁴ Олевано-Романо – городок недалеко от Рима (в регионе Лацио). Синьорелли часто ездила туда отдыхать и работать в уединении.

⁵ Книга В. Ф. Эрна “Философия Джиоберти” (М. 1916).

⁶ Евгения Давидовна Эрн (урожд. Векилова, 1886-1972) – вдова В. Ф. Эрна, жившая с дочерью в Москве.

⁷ Речь идет о предисловии О. Шор к “Переписке из двух углов”.

⁸ Скорее всего Ольга Шор предлагала воспользоваться книжным складом Н.П. Карбасникова в Париже: см. жалобу на эту книгоиздательскую фирму, так и не приславшую заказанных книг, в письме Синьорелли к Шор № 20 от 11 февраля 1930 г.

⁹ Речь идет об одном из двух четырехтомных изданий “Собраний стихотворений” С. А. Есенина: 1) в Библиотеке всемирной литературы (Л. 1927-1928) и 2) в Госиздате (М.-Л. 1926-1928). Позже Синьорелли перевела часть стихотворного наследия Есенина: *Jessénin S. Poesie / A cura di O. Resnevic e F. Maticotta. Introduzione di F. Maticotta. Modena: Guanda. 1946.*

¹⁰ Дневник Ал. Блока. Т. 2: 1917-1921 / Под ред. П. Медведева. Л. 1928.

¹¹ Речь идет об издании: Письма Александра Блока / Со вступит. статьями и примеч. С. Соловьева и др. Л. 1925, или о книге: Письма Александра Блока к родным / С примеч. М. Бекетовой. Т. I. М.- Л. 1927.

¹² Вероятно речь идет о книге: *Fejðer B. A. П. Чехов: Литературный быт и творчество по мемуарным материалам. Л.: “Academia”, 1928.* См. неясное упоминание о ней в письме Будберг Синьорелли от 6 декабря 1929 г. (FSFC). Издательство “Academia” было связано с парижскими русскими книгоиздательствами и магазинами; его продукция получила распространение в эмигрантских кругах, в частности эта книга была в библиотеке Горького (см.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Кн. 1. М. 1981. С. 292).

¹³ Мария Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская, 1892-1974), секретарь и близкий друг М. Горького; была хорошо знакома с Синьорелли: 45 ее писем хранятся в фонде Синьорелли (ARI, VI. Т. 1. P. 25).

¹⁴ Рассказы и повести К. А. Федина выходили отдельными изданиями и в виде сборников многократно, начиная с 1921 г.

¹⁵ Роман К.А. Федина, который был впервые издан в Берлине в изд-ве “Петрополис” (1928).

¹⁶ О ком идет речь установить не удалось. Возможно, до Синьорелли дошли из эмигрантских кругов слухи о прозаике Гайто Газданове (1903-1971), роман которого “Вечер у Клэр” (1929) был высоко оценен ее добрыми знакомыми – М. Осоргиным, Н. Оцупом и М. Горьким.

¹⁷ К этому времени в СССР вышло более десятка сборников рассказов А.Н. Толстого; в 1927-1929 гг. в ГИЗ’е выходило его собрание сочинений в 12-ти томах.

19

О. Шор – О. Синьорелли

<Конец января 1930, Павия>¹

Дорогая моя Ольга Ивановна,

от всей души поздравляю Вас и всех Ваших с наступившим Новолетием и желаю, чтобы год этот принес Вам много, много радости.

Часто в разговорах с Вяч. Ив. мы нежно вспоминаем Вас. Он пишет отдельно Марии и Вам; я постараюсь завтра же написать Вам, так как мне того хочется: много и медленно.

Сейчас же лишь несколько слов очень спешно прибавлю к письму Ганчикова.² Его положение делается безвыходным, и помощь Ваша так существенно может повлиять на его жизнь, что, зная Вашу доброту, я

настояла на том, чтобы Вас еще раз побеспокоить. Быть может Ваш знакомый³ мог бы выхлопотать ему временное разрешение преподавать до решения вопроса о подданстве. Умоляю Вас постараться переговорить незамедлительно. Тут все дело в том, чтобы выиграть время и получить разрешение временно преподавать раньше, чем бумага об отказе дойдет до Милана.

О Таирове Ганчиков узнал, что он приедет в марте или апреле.⁴

До завтра, родная. Крепко обнимаю и целую.

Ваша Ольга

¹ Датируется по содержанию. На открытке панорама Павии.

² Леонид Яковлевич Ганчиков (1893-1968), философ и историк русской мысли, друг семьи Ивановых; приехал в Италию в 1925 г. и жил в Милане, где окончил Католический университет, защитив диссертацию по истории философии. В архиве Синьорелли хранятся 3 письма Ганчикова за 1930-1931 гг., касающихся, в том числе, и вопроса о гражданстве. В письме от 27.Х. 1930 г. он пишет Синьорелли: "В марте я подал в Миланскую Префектуру прошение о подданстве со всеми необходимыми документами"; в следующем письме (от 7.ХІІ.30) оповещает ее: "...Несколько дней тому назад пришло мое ит<альянское> подданство" (FSFC). О Ганчикове см.: *Gančikov A. Ricordo di Leonida Gančikov / Europa Orientalis* 1998. № 2. P. 255-258.

³ Вероятно, речь идет о видном итальянском дипломате Лаго Марио (Mario Lago, 1878-1950), близком друге Анджело и Ольги Синьорелли. У него в мае 1926 г. Синьорелли отдыхала на Патмосе (см. выше, письмо № 3 из Патмоса от 5 мая 1926 г.). В фонде Синьорелли хранятся 98 писем М. Лаго (ARI, VI. Т. 1. P. 46-47).

⁴ В конце апреля – начале мая 1930 г. Камерный театр Таирова гастролировал по Европе; в Италии труппа выступала в Турине, во Флоренции, в Риме (Teatro Valle) и в Милане. См. об этом в: *Сбоева С. Г. Таиров. Европа. Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра. 1923-1930 гг.* М.: Артист. Режиссер. Театр, 2010. С. 309-327; *Коонен А. Страницы жизни.* М. 1975. С 333-335.

20

О. Синьорелли – О. Шор

11 февраля <19>30, Рим

Дорогая Ольга Александровна, простите, как всегда прощали мое молчание, но и Вы мне обещали писать длинное письмо, не получая его, я ждала изо дня на день Ваш голос у телефона. Но полмесяца прошло уже, так что скоро услышу его.

У нас все благополучно. Елена¹ уже 10 дней как в Лондоне и счастлива и довольна. А теперь отвечаю на вопросы:

1) Мария собирается устроить выставку не в Милане, а в Париже.² Была бы очень благодарна Вячеславу Иванычу за письмо к Станиславскому.³

2) Дело Ганчикова пока улажено и писала ему.

3) Очень жду предисловие, меня уже спрашивает Carabba, но надо, чтобы не было больше 30 страниц (я думаю, что страниц на 5 больше можно исторгнуть, но не много выше того).

4) От Карбасникова⁴ ни слуху, ни духу. Не знаете кого-нибудь в Париже, кому послать квитанцию. "Modernissima"⁵ тоже не получила никакого известия о получении денег, высланных 25-го ноября (200 лир).

Когда концерт Лидии?

Когда приедет Вяч. Ив.?

Приезжайте скоро, очень жду Вас и очень соскучилась.

Посылаю Вам эту статью о суждении неглупого итальянца о русской женщине. Очень любопытно Ваше суждение.⁶

Обнимаю, целую Вас крепко и нежно Ольга

Augusteo

Org. alla ore 10.30. avrà luogo l'annunziato concerto orchestrale diretto da Bernardino Molinari, che in partecipazione del violinista Nathan Milstein, che ha riportato così stupendo successo alla sera di 5. Questa il programma concertistico: 1. Sinfonia, Beethoven; 2. Concerto in Re



LIDIA IVANOVA

musica per violino e orchestra prima serata al Augusteo; 3. Lidia Ivanova: Tema e variazioni Beethoven ed un duetto prima serata - Lavoro tra i comitati della Comune alla partecipazione di Lettara, sono venute a. Stradi: Concerto in sol minore per violino e orchestra.

Sono valide le tessere degli abbonamenti a Roma.

Del nuovo lavoro della Ivanova, allieva del maestro Bonfigli, abbiamo già fatto parola accennando ai vari esordi che hanno già portato alla composizione il tema fondamentale tale, sul quale si sviluppa una variazione sinfonica, divisa in tre gruppi di tre cioè tutto, di diverso carattere: « Sinfonico » il primo, « Sinfonico » il secondo, « Drammatico » ed il terzo, che conclude con un fugato « finale ».

M

Molinosi presento e core., alla ore 11, avrà luogo al Augusteo un concerto a prezzi molto ridotti dell'organista Pietro Giarda, del violinista Nathan Milstein, ed organista doppiamente.

Объявление о концерте Лидии Ивановой
в театре Augusteo. Il Messaggero. Рим, 6 апреля 1930 г.

¹ Елена Синьорелли-Реккия (Elena Signorelli Recchia, 1910-2005) – вторая дочь Ольги и Анджело Синьорелли; по профессии врач.

² Выставка марионеток Марии Синьорелли состоялась в 1930 г. в парижской галерее Zak при содействии Дж. де Кирико; см. об этом в письме Синьорелли О. Шор № 29 от 27 апреля 1930 г., примеч. 2.

³ Рекомендательное письмо этого времени неизвестно. Вероятно, Синьорелли собиралась из Парижа заехать к Станиславскому, который отдыхал и лечился в Ницце, но тогда встреча не состоялась: в первом из сохранившихся ее писем к нему от 1 августа 1932 г. она рекомендует себя как “неизвестную” ему, “почтительницу” (Архив Музея МХАТа, фонд К.С. Станиславского, № 2817/1).

⁴ Речь идет о частном книгоиздательстве Николая Павловича Карбасникова (1852-1921), которое после революции как книгоиздательская фирма и склад под именем Карбасникова существовало в Париже. См. примеч. 8 в письме Синьорелли О. Шор № 18 от 31 августа 1929 г.

⁵ “Modernissima” – книжный магазин в Риме.

⁶ См. ниже, примеч. 19 к ответному письму Шор к Синьорелли № 21 от 20 февраля 1930 г.

21

О. Шор – О. Синьорелли

20 февраля 1930 г.

Павия¹

Дорогая Ольга Ивановна, простите, что отвечаю с некоторым промедлением. Случилось оно оттого, что все 7 дней, прошедшие со времени получения Вашего письма, я, во исполнение желания Вашего, неустанно работала над своим “Предисловием”, стараясь урезать его более чем наполовину. Ведь я лишь теперь впервые услышала, что мне отпускается всего 30 стр.² Посылаю Вам, родная, одновременно с этим письмом заказной бандеролью самую трудную и далее несократимую (иначе все станет голословным, сухим и непонятным) часть рукописи. Очень хотелось бы узнать Ваше мнение о ней.

Хоть мы теперь, Бог даст, скоро увидимся, и я буду иметь радость говорить с Вами без помощи скучной бумаги, все же сейчас уже хочу (т. к. полагаю, что это спешно) – поделиться с Вами некоторыми своими сомнениями и соображениями.

Откровенно говоря, мне думается, дорогая моя Ольга Ивановна, что и 30 стр. вступления – слишком громоздкая подставка для такой маленькой, изящной статуэтки как “Переписка”. Тут и 10-ти стр. больше чем достаточно. Обсуждали мы этот вопрос с Вячеславом Ивановичем. Он предлагает остроумный и заманчивый выход. Дело в том, что издательски вообще нескладно выпускать брошюрку с тяжеловесным вступлением (а без него “Переписка” во многих отношениях будет не-

понятна, и появление ее у Караббы не совсем оправдано). Не лучше ли скомпоновать небольшую интересную книжку, где бы обе, в “Переписке” представленные противоположные, характерные для современности вообще, да еще “по-русски” парадоксально акцентированные, точки зрения получили полное выражение? Сделать это очень легко. Сама по себе “Переписка” ставит много нас волнующих вопросов, но в ней мирозерцания авторов лишь намечены. Если б к ней прибавить небольшую статью В. И-а “Кризис гуманизма” – (статья года 3 тому назад переведена на немецкий язык³ и уже успела стать как в России, так и в Германии библиографической редкостью) и несколько острых и художественно написанных афоризмов Гершензона⁴ (и “Кризис” и “Афоризмы” обсуждают те же, что и “Переписка”, вопросы и родились в том же 1920 году) – то получилась бы книжечка страниц в 120-130, пикантная, парадоксальная и в то же время глубокомысленная, то, что немцы называют *anregend*.⁵

В начале надо было бы поместить крохотное, лишь исторически ориентирующее предисловие странички в 3-4, а в конце книги в виде *Appendice*⁶ мелким шрифтом (ведь примечания-то Карабба печатает все же петитом?) прибавить статью о думах и судьбах обоих авторов. Напечатанная в конце книги в виде приложения, своего рода эпилогменов,⁷ такая статья вполне уместна, совсем не навязчива, не претенциозна и никого своей обстоятельностью не смутит, тогда как Предисловие, размерами своими почти что превышающее текст – нескромно: так ведь издаются лишь классики.⁸ Хорошо было бы для всей книги сохранить, имевшее успех заглавие “Переписка из двух углов”, а других вещей отдельно не переименовывать. Примерно так:

Venceslao Ivanov e M. Gerscenson

Corrispondenza
fra due Angoli
di una camera⁹

—
ed altri saggi¹⁰

trad. Olga Signorelli

Что Вы об этом думаете, родная? Мне этот план очень нравится. В “Кр<изис>е гум<анизма>” и “Афор<изм>ах” делаются крайние выводы, что придаст и самой “Переписке” особую остроту. Если Вы принципиально согласны с нашим проектом, то черкните мне словечко, и я Вам незамедлительно пришлю весь Вам нужный материал. Мне только грустно, что в случае осуществления этого плана, Вам еще придется работать. Но думается, что при Вашей блестящей переводческой технике

это у Вас возьмет не очень много времени, а пристальное всматривание в изгибы мысли В. И-а не может не оказаться духовно плодотворными. А о Вашей дружеской готовности идти навстречу желаниям В. И-а я уже и не говорю. Столько оказательств <так!> Вашей дружбы мы всегда имеем, что их не перечесть и за них не благодариться.

21. II. <19>30

Вчера меня перебили, и я не успела кончить письма. Посылаю его espresso вслед за отправленной рукописью. Сегодня, случайно перечитывая копию сокращенной 5-ой главы,¹¹ пришла в ужас от ее непонятности в этой урезанной редакции. Придется или восстановить прежний полный текст, или совсем пропустить все, что сказано о трагедии. Не переводите этого, родная, а начните прямо с Мифа как внутреннего метода.¹²

Теперь перехожу к другим “вопросам” нашим.¹³ За Ганчикова благодарна Вам безмерно. Даже не представляю себе, что он делал бы без Вашей помощи.

О Станиславском ничего пока не слышно. Если он сюда приедет раньше чем в Рим, то В. И. с ним повидается и специально поговорит о Марии.¹⁴ Что Марии хочется? Показать Станиславскому свои работы или получить от него какие-нибудь указания, справки о методах его режиссуры?¹⁵

На столе у В. И-а лежит вот уже 2 месяца кучка “очень спешных” деловых запросов; ни на один из них еще не отвечено. С наступлением карнавальных каникул обещает приняться за письма – (сейчас занят дико). Марииное письмо¹⁶ первое на очереди. В. И. очень радуется, что между ним и этой умной, тонкой, глубокой девушкой незаметно вырос нежный цветочек взаимной дружеской симпатии. Когда Мария собирается устроить выставку в Париже? Кто ей там помогает? Вы с ней поедете?¹⁷

К Карбасникову посылаю своих знакомых. Квитанцию храните, дорогая, у себя. Всякие запросы о деньгах надо делать самому отправителю и с места отправления. Это еще рано. Моим же знакомым квитанции не нужно, а достаточно моей справки; если же Карб<асников> скажет, что денег не получал, тогда надо будет расследовать дело через банк. Как только получу ответ, Вас немедленно извещу.

Концерт Лидии либо 16 марта, либо 6-го апреля.¹⁸ Если он будет в апреле, то В. И. приедет.

Фельетон хорошо написан, Москву Mal.¹⁹ географически безупречно знает. Но о “русской женщине” из него ровно ничего нельзя узнать, а о “Р<усской> Ж<енщине>” революционной поры – и давно.* Но об

этом поговорим при свидании, которого с нетерпением жду. Сердечный привет всем Вашим.

Целую вас крепко как люблю.

Ваша Ольга.

P.S. Пробуду здесь еще дней 10-12. Черкните мне хоть несколько слов, родная. Еще привет. La-même.

* Проститутка как таковая не характерна для “русской женщины”. Это явление интернациональное. А если в теперешней России иностранцы почти исключительно вынуждены общаться с проститутками или со шпионками, то это лишь еще раз доказывает как трудно Русь увидеть.

¹ Конверт с обратным павийским адресом Шор, постоянно останавливающейся в гостинице Гамбарана (Albergo Gambarana, Corso Garibaldi, Pavia).

² В издании предисловие занимает 63 страницы.

³ Речь идет о статье Вяч. Иванова “Кручи: Раздумье первое: О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности” (Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 103-118), которая вышла в немецком переводе Грёгера в Берлине в 1921 г.: *Wiatscheslav Iwanov. Klüfte: Über die Krisis des Humanismus. Zur Morphologie der zeitgenössischen Kultur und der Psychologie der Gegenwart / Aus dem Russischen übersetzt von Wolfgang E. Groeger. Berlin: Verlag Skythen, [1921].*

⁴ Имеется в виду: *Гершензон М. Солнце над мглою (Афоризмы) // Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 90-107.*

⁵ Увлечательная, стимулирующая (*нем.*).

⁶ Приложение (*ит.*).

⁷ В печатном издании оба эссе (об Иванове и Гершензоне) вошли в преамбулу. *Эпилегомен (греч.)* – дополнение, прибавление.

⁸ В тексте было “классические”, а потом исправлено на “классики”.

⁹ Переписка из двух углов одной комнаты (*ит.*).

¹⁰ И другие опыты (этюды) (*ит.*).

¹¹ В окончательном варианте предисловия Шор к итальянскому переводу отдельная глава об Иванове содержала девять мелких параграфов, отделенных звездочками.

¹² В окончательном варианте предисловия нет специальных глав ни о мифе, ни о трагедии.

¹³ Далее идут соображения и ответы О. Шор на вопросы и сообщения Синьорелли в предыдущем письме.

¹⁴ Знакомство Станиславского с Марией произошло позже, в мае 1934 г., во время посещения режиссера в Ницце семейством Синьорелли; см. в письме Станиславского к О. Синьорелли: “Ваши оба посещения не утомили, а освежили меня. Очень был рад увидеть Вас, познакомиться с Вашими милыми дочерьми...” (письмо от 17 мая 1934 г. // *Станиславский К. С. ПСС. Т. 9. М. 1999. С. 591*; см. также 4 письма Станиславского в

FSFC – ARI, VI. Т. 1. Р. 69). Сама Синьорелли заезжала к Станиславскому раньше в апреле 1934 г. В письме к нему от 30 апреля она благодарила его “за гостеприимство” и сообщала, что его собирается посетить А. Моисси и что она хотела бы приехать вместе с ним снова. Из письма также следует, что Станиславский хотел приехать в Рим, и она “написала в Рим мужу, чтобы он приготовил дорогу для спешного получения визы” ему и его близким (Архив Музея МХАТа, фонд К.С. Станиславского, № 2818). Поездка Станиславского в Рим, по всей видимости, не состоялась, но Синьорелли с дочерьми посетила Станиславского в Ницце во второй раз 7 мая 1934 г. (см. ее телеграмму о приезде от этого числа – Там же, № 2819, на французском языке). В последнем письме от 27 мая 1934 г. она, вспоминая этот визит, писала: “...вернувшись в Санремо, хочу еще раз поблагодарить Вас от всей души, что Вы, накануне Вашего отъезда, смогли подарить мне целый полдень Вашего драгоценного времени. В эти дни, тут, в тиши и в одиночестве, я передумала Ваше изложение Вашей последней книги, и впечатление мое неизгладимо, и многое из того, что Вы говорили, оставляет глубокий опыт для моей жизни, и для моей работы. Вы, Константин Сергеевич, один из тех редких, светлых маяков, которые указывают путь, и помогают жить в потемках современности. Спасибо Вам за все, спасибо Вам за одно то, что Вы существуете” (Там же, № 2820). Об этом посещении см. упоминание в кн.: *Виноградская И.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского Летопись: В 4 т. 1863-1938. Т. 4. 1928-1938. М. 1976. С. 360-361.

¹⁵ В те годы Ольга Синьорелли стремится познакомить дочь с крупнейшими русскими театральными деятелями (см. о дальнейших контактах с А. Таировым в письме Шор № 30 от 27 апреля 1930 г. и в письме Иванова № 31 от 4 мая 1930 г.).

¹⁶ По всей видимости, речь идет о большом недатированном письме Марии Синьорелли, которое было написано еще перед Рождеством; в нем речь идет о влиянии “Божества” на ее творчество (РАИ, оп. 5, карт. 10, папка 7, л. 4-6).

¹⁷ Из дальнейшей переписки явствует, что Ольга Синьорелли ездила на парижскую выставку своей дочери (см. письма №№ 29 и 30, оба от 27 апреля 1930 г.), пригласив на нее всех своих парижских друзей, в том числе и представителей русской колонии, например, Ларионова и Гончарову, Берберову и Ходасевича (см. их письма в наст. томе).

¹⁸ Концерт в Augusteo, на котором исполнялась пьеса Лидии, состоялся 6 апреля 1930 г. (см. об этом ниже, в письме Шор № 28 от 17 марта 1930, примеч. 1).

¹⁹ Речь идет об итальянском писателе и журналисте Курцио Малапарте (Curzio Malaparte, 1898-1957), который в конце 1920-х гг. побывал в Москве и опубликовал ряд статей о России в неаполитанской газете “Il Mattino” и в туринской газете “La Stampa”, под общим названием “Nella Russia dei Soviet” (“В России советов”); впоследствии они были собраны в книге “L’intelligenza di Lenin” (“Ум Ленина”). Milano: Treves 1930. Можно предположить, что говоря о фельетоне о русской женщине, речь идет о рассказе Малапарте “Donna russa” (“Русская женщина”), опубликованном в его книге “Sodoma e Gomorra” (Milano: Treves, 1931; журнальную публикацию найти не удалось). В РАИ (в фонде О. Шор) среди писем Синьорелли этой вырезки нет; нет ее и среди сохранившихся вырезок статей Малапарте в папке с его письмами (33 письма) в фонде Синьорелли (ARI, VI. Т. 1. Р. 69).



Мария Синьорелли. 1920-е гг.

22

О. Синьорелли – О. Шор

6 марта <1930>, Рим
Via XX Settembre 68

Дорогая Ольга Александровна,
простите, дорогая, что не написала Вам сейчас по получении Вашей рукописи, но хотела сначала поговорить с Карабба, хотя была заранее уверена, что с ним ничего не выйдет из предложения В. Иваныча. Он мне сказал, что он может печатать не иначе как по типу

книжек серии *Cultura dell'Anima*¹ в размере от 130-150 стр., и что, оставляя мне “сколько угодно места” для предисловия, подразумевал, чтобы это не превышало размер книжки. Если эта книжка будет иметь успех, он не прочь печатать другой томик с статьями, которые Вы предлагаете в Вашем письме: что касается писем, они уже набраны, и я ему обещала предисловие к концу этой недели, но несмотря, что сижу над переводом с утра до вечера и добрый Don Giuseppe De Luca² мне помогает, когда может, я пока на 25 странице! Некоторые места для меня непереводаемы, и посылаю Вам их, чтобы Вы мне помогли, чтобы попросили В. И. Вам помочь их перевести.³ Карабба говорит, что он больше года ждет предисловия и если не получит в время, обязан печатать без предисловия, так как книжка уже заведена <так!> в каталоге. Помогите, родная, и пришлите мне сейчас перевод, или несколько строк очень простой биографии для разъяснения “писем”, и эту статью можно будет перевести *comodamente*⁴ к осени и напечатать с другими статьями, предложенными В. Ивановым. Для размера предисловия в этой статье пришлось бы сократить цитированные поэзии <так!>, т.е. пришлось довольствоваться “цитатами” и отбросить длинные замечания.⁵ И не портит ли это статьи? Простите, что так неряшливо пишу,⁶ но я очень устала.

Целую Вас. Ольга

Не сказала Вам, что предисловие очень нравится и очень хотелось бы его напечатать, если можно с сокращенными цитатами стихов. Благодарю Вас и целую. Завтра пошлю списки не переводимых мною мест.

¹ Серия, которую издавал Carabba и в которой под № 142 вышел перевод “Переписки из двух углов”.

² Джузеппе Де Лука (Giuseppe De Luca, 1898-1962) – ватиканский священник и журналист, в дальнейшем сблизившийся с Ивановым (см.: *Roncalli M. Giuseppe De Luca e Venceslao Ivanov // Europa Orientalis. 2002. № 2. P. 19-59*).

³ К настоящему моменту этой ранней редакции предисловия к “Переписке” ни на русском, ни на итальянском языке не удалось обнаружить.

⁴ Легко, без труда, без спешки (*um.*).

⁵ Длинные примечания раннего варианта исключены из окончательного текста, здесь остались лишь примечания о предыдущих изданиях “Переписки”, о поэме “Человек” (7, 24-25), а также несколько примечаний в очерке о Гершензоне (60, 62). Длинная цитата из рецензии Габриэля Марселя (9-10) и цитата из письма Дю Босу (29-30) были вставлены позже (см. об этом ниже).

⁶ Три последние фразы текста вписаны на полях второй страницы письма, а нижняя приписка – на полях первой страницы.

23

О. Шор – О. Синьорелли

8 марта <19>30 г.

Павия, Albergo Gambarana

Дорогая Ольга Ивановна, сейчас получила письмо Ваше и спешу ответить полным согласием на все Ваши предложения.

Лишь только придут недопереведенные Вами странички, я их при помощи Вяч. Ив-ча срочно переведу и пришлю Вам *espresso*.

Кстати: у меня имеется черновик моего предисловия, и Вам, если еще встретятся затруднения, достаточно будет указывать №№ стр.

Конечно, родная, все стихи кроме первого и последнего (4 строчки) можно опустить.¹

Примечания в сущности вообще не относятся прямо к В. И-у, а скорее представляют собою справки о России, облегчающие (и значит психологически ускоряющие) для итальянского читателя усвоение статьи. Но, т. к. нас интересуют не психологические, а типографские размеры, то можно выкинуть и их. Оставить мне хотелось бы лишь заключительные строки о русской Пасхе;² иначе почти вся 7-ая глава будет понятна лишь русским (для которых она не предназначается).

Мне ужасно грустно, что невольно я заставляю Вас много и утомительно работать. Но раз уж Вы сделали большую и самую трудную часть работы, то теперь именно после стольких хлопот и усилий обидно было бы все бросить и ограничиться каким-то пустым (чисто справочного характера) поверхностным и кратким предисловием, кот<орое> я, конечно, (если б оно все же понадобилось) могу Вам по требованию Вашему всегда прислать обратной почтой.

Когда я подсчитала количество страниц, то увидела, что оно, в сущности, не превышает караббовской меры. Гершензон в два раза короче и несравненно легче В. И-а. Наоборот: если Карабба нам отпускает 130-150 стр., то мы даже и этого-то количества стр. еще далеко не использовали. Трудность не в том: самый текст “писем” в сравнении с предисловием мал; и как Вам кажется, родная, нет в этом литературной (от эстетической еще можно отвлечься) некорректности? Но решение этого вопроса предоставляю всецело, конечно, Вашему писательскому такту, Вашей опытности и знанию итальянской публики. Мне бы (и самому В. И-у) очень бы *хотелось*³ прибавить хотя бы статью В. И. о “Кризисе гуманизма”. Она всего займет 20-25 стр., а мыслями богата чрезвычайно. Включение ее оправдывает вступительную статью и в отношении ее общих размеров, и в отношении ее пропорционального (неравномерного) распределения между обоими авторами “переписки”. Тогда получится: 50 стр. (“Переписки”), 25 стр. (“Кризис гуманизма”)

и 55-60 стр. (“Предисловие”) (из которого приблизительно 40 стр. посвящены В. И.-у и 20 Г<ершензо>ну).

Значит чистого текста наберется стр. 135, а с разделами maximum 145-150. Мне представляется почти невероятным, чтобы Карабба, если ему дать в руки весь материал, отказался бы от “Кризиса гуман<изма>”.

Но, Вам, дорогая, конечно, виднее, как лучше поступить.

Практически: посылаю Вам “Кризис гуман<изма>”. Текст – немецкий, и быть может, Мария и Вера могли бы его для Вас перевести так, чтобы Вам пришлось лишь редактировать. Тогда это не задержит выпуска “Переписки”.

В. И. обещает Вам, если б Вы прислали машинопись (ведь таковая имеется?) Вашего перевода, сделать самолично сокращения своих цитат. Быть может, родная, Вы нашли бы возможным немедленно прислать уже переведенные Вами страницы. Мы их Вам вернем espresso на следующий же день.

Вообще, дорогая, если мы Вам можем быть как-нибудь полезны для ускорения работы, располагайте нами свободно. Меня очень мучает, что я противовольно послужила причиной Вашей усталости и тревоги. Я хотела бы доставлять Вам лишь радость. Буду очень счастлива, если мне дано будет это исполнить.

Как Вы думаете, когда реально последний срок Карабба?

Сейчас спешно лишь об этом.

Бегу на почту. Вяч. Ив. и Лидия Вас душевно приветствуют.

Сердечный привет всем Вашим.

Крепко и нежно Вас обнимаю и целую. Ваша Ольга.

P.S. Скажите, дорогая, читали ли Вы и имеется ли у Вас Bédier “Tristan et Iseut”?⁴ Мне очень хочется подарить Вам эту чудесную песню, лучшее, что написано о любви (если не считать, конечно, “Песнь Песней” и Данте).

Скоро, Бог даст, увидимся и обо многом, многом поговорим.

Еще целую La-mème

¹ Речь идет о цитате из четырех строк стихотворения “Regina Viarum”: “Вновь арок древних верный пилигрим...” (36-37), которая видимо позже была исправлена по переводу, опубликованному в сентябрьском номере “Il Frontespizio” за 1930 г., с отсылкой к этой публикации. Позже в самом конце предисловия появился авторский перевод стихотворения “Совесть” (62). Какое стихотворение Вяч. Иванова должно было открывать Предисловие установить не удалось.

² Это примечание в окончательную редакцию не вошло.

³ Подчеркнуто двумя чертами.

⁴ Имеется в виду книга французского медиевиста и писателя Жозефа Бедье (Joseph Bédier, 1864-1938) “Le Roman de Tristan et Iseut” (1900), представляющая собой вольную реконструкцию утраченной поэмы XII в. Книга сохранилась в библиотеке Вяч. Иванова (РАИ).

24

О. Синьорелли – О. Шор

<После 8 марта 1930>¹

2) “...любовью – души, себя потерявшей,*) чтобы себя обрести вне себя, переплескивающегося в отцовское лоно Единого – нисийский белый рай полевых лилий и пурпурный виноградник жертвенных гроздий, экстаз младенчески блаженного прозрения в истину Отца в небе и в действительность неба на вставшей по-новому пред взором земле”.²

Дорогая,

*) Это хотя не так трудно, как две первые выписки, но все же очень трудно переводимо, чтобы красота не превратилась в сентиментальную слащавость надо быть очень осторожными в такой формально строгой стране, как Италия! Критики упрекали Папини в литературности, т. е. в литературной изысканности по поводу S. Augustino <так!>.³ Итальянский язык – это ужасный язык! Подтверждением мне служит перевод Rainer Maria Rilke. Перевел его переводчик Kleista и Гетовской “Ифигении”.⁴ Стихи переведены великолепно, а проза превращена в слабую прозу Д’Аннунцио. Простите от того, дорогая, что продолжаю Вас мучить моими сомнениями. Нельзя испортить Достоевского, но можно убить великолепную прозу В. И., как Lo Gatto убил Пушкинского “Евгения Онегина”!⁵

Хотела отправить письмо, отправленное к моему знакомому по делу Ганчикова,⁶ но боюсь послать такую деликатную вещь и покажу, когда приедете. Приезжайте, дорогая!

И жду и целую Вас. Привет В. И. и Лидии. Ваша Ольга

¹ Первые листы письма не найдены. Датируется по содержанию: в письмо включены выписки ивановских цитат из ранней редакции предисловия.

² Цитата из статьи В. Иванова “Ницше и Дионис” (1904). Ниса – по одному из мифов – место рождения Диониса.

³ Речь идет о монографии Папини “Святой Августин” (1929): *Papini G. Sant’Agostino*. Firenze: Vallecchi 1929.

⁴ Имеется в виду германист и переводчик Винченцо Эррантэ, которому к этому времени принадлежали следующие переводы Рильке: *Rilke R. M. Liriche / Scelte e tradotte da Vincenzo Errante*. Milano: Alpes 1929; *Rilke R. M. I quaderni di Malte Laurids Brigge / Traduzione di Vincenzo Errante*. Milano: Alpes 1929; *Rilke R. M. Storie del buon Dio / Trad.*

di Vincenzo Errante. Milano: Alpes, 1930. Здесь речь также идет о его переводах трагедии Клейста “Пентесilea” (1808) (*Kleist E. Penthesilea. / Trad. in versi di Vincenzo Errante. Firenze: Le Monnier 1922*) и драмы Гете “Ифигении в Тавриде” (1787) (*Goethe J. W. Ifigenia in Tauride / Trad. Vincenzo Errante. Milano: Unitas 1926*).

⁵ Речь идет о прозаическом переводе “Евгения Онегина”, сделанном Ло Гатто; книга вышла в 1923 г. в издательстве Sansoni.

⁶ Речь идет о получении разрешения Леониду Ганчикову на временную преподавательскую работу до получения им итальянского гражданства (см. об этом в письмах № 19 и 20). 27 октября того же года, обращаясь к Синьорелли с новой просьбой (на этот раз ускорить получение гражданства), он указывал, что в настоящее время работает в частных школах и прибавляет: “За это Вам большое спасибо” (FSFC). В 1933 г. Ганчиков получил гражданство и место лектора русского языка в Римском университете (с 1934), позже – профессора русского языка и литературы в Пизанском университете (с 1948).

25

О. Синьорелли – О. Шор

10 марта <19>30

Рим

Дорогая Ольга Александровна,

сегодня утром получила Ваше милое письмо, и от души Вам благодарна. Завтра или послезавтра будет готов перевод. Don Giuseppe De Luca его пересмотрит и перепишет на машинке, и туда, в переписанную рукопись, можно будет вставить все места, с которыми не могла справиться. Как кончу – пошлю В. Иванычу те остальные выписки, с которыми не смогла справиться.

Вчера с Don Giuseppe говорили о том, о чем и Вы упоминаете в письме: что “Письма” не соответствуют предисловию. Don Giuseppe мне предлагает одно: издать “Письма” у Карабба с легким иллюстрирующим предисловием, и это глубокое исследование В. И. издать, как предисловие к “Кризису Гуманизма” и еще какой-нибудь статье В. И., и с фотографией его в издательстве “La Fiorentina”, которым заведует Папини и при котором работает и De Luca.¹ Очень жалко ведь выкидывать стихотворения, как можно совершить такой грех! Если Вы согласны с этим, тогда можно было бы все это приготовить к осени. Я бы послала Вам переведенную рукопись на следующей неделе, Вы бы просмотрели ее с В. И., вставили бы стихотворения, и я медленно бы перевела “Кризис Гуманизма” и еще что-нибудь подходящее. De Luca тоже находит все это очень важным и предлагает во всем, что угодно, свою помощь. Я пока кончаю перевод, и, если Вы согласны со всем этим, то пришлите мне быстро короткую “иллюстрацию” В. И. и Гершенсона для Караббы, которого попрошу продлить еще на неделю. Карабба говорит, что то, что выходит в мае (и позже нельзя) должно быть